

*Управление по делам культуры мэрии г. Череповца
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Объединение библиотек»*

*«От первого лица: история
Череповца в воспоминаниях,
дневниках, письмах»*

*г. Череповец
2016 г.*

*Управление по делам культуры мэрии г. Череповца
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Объединение библиотек»*

*«От первого лица:
история Череповца в
воспоминаниях,
дневниках, письмах»*

*Материалы XIV краеведческих Чечулинских чтений
г. Череповец,
7 ноября 2015 год*

*г. Череповец,
Центральная городская библиотека им. В.В. Верещагина
2016 г.*

Тексты докладов воспроизводятся с полным сохранением содержания, орфографии и синтаксиса, предоставленных авторами текстов.

Чечулинские чтения (14; 2015; Череповец)

«От первого лица: история Череповца в воспоминаниях, дневниках, письмах: материалы XIV краевед. Чечулинских чтений (г. Череповец, 7 ноября 2015 г.) — Череповец: ЦГБ им. В.В. Верещагина, 2016. — 108 с.: ил

Н.Д. Чечулин
(03(15).11.1863 – 14.02.1927)

«История не дает отдыха своим труженикам: кто раз отведал этого горького и крепкого напитка, тот не перестанет пить его до смерти!», – прочёл я еще студентом в одном сочинении Мишле; с тех пор эти слова всегда были моим девизом и останутся им до конца моих дней».

*Н.Д. Чечулин
«Ответ на «Заметку» проф. Кареева»
Санкт-Петербург, Типография
В.С. Балашева и К°, Фонтанка, 95.1897 г.*

Э.П. Риммер,
заслуженный работник культуры РФ,
советник директора по научной работе
МБУК «Череповецкое музейное объединение»

Книга Н.Д. Чечулина «Русская провинция во второй половине XVIII века» как источник по истории Череповца.

*По моему глубокому убеждению,
история должна оставить на втором плане и
гениев, и психопатов и углубиться в изучение
жизни народа, а не гениев, и тем более – не
негодяев».*

Н.Д. Чечулин (1)

Это высказывание принадлежит Н.Д. Чечулину и является ответом рецензенту на написанную им книгу «Русская провинция во второй половине XVIII века». В целом работа историка, основанная на громадном количестве использованного фактического материала, получила хорошие отзывы в научном мире. Но некоторые историки обвинили Николая Дмитриевича в необъективном взгляде на русскую литературу XVIII века и русское дворянское общество, представляющее в его сочинении культурным и умственно развитым, а не средоточием всяческих пороков, как например, известная всем Салтычиха.

В ответ на обвинения, имевшие очень трудный историко-юридический характер, Николай Дмитриевич писал, что он стремился понять жизнь прежних людей так, как они её понимали и, что во всяком времени есть немало хорошего и важного, способствовавшего дальнейшему развитию общества. В качестве примера он процитировал автора «Семейной хроники» С.Т. Аксакова, который вспоминал о добрых и недобрых людях, их светлых и тёмных сторонах, не великих героях и не громких личностях, в тишине и безвестности прошедших своё земное поприще, но также достойных уважения и внимания потомков.

Ю.М. Лотман, немало поработавший над изучением культуры XVIII века, заметил, что любой спор вокруг вопросов этого века в России «до сих пор немедленно приобретает актуальный и отнюдь не академический характер. Это свидетельствует, что эпоха XVIII века для нас ещё не кончилась, и мы смотрим на неё глазами заинтересованных современников»(2).

Н.Д. Чечулин посвятил свою книгу народу, его бедной и материально и внутренним содержанием жизни, которая, по мнению историка, имеет право на внимание, несмотря на отсутствие достаточного количества данных. Такое положение с изучением жизни народа тогда было характерно не только для России, но и многих европейских стран, что дало повод одному французскому историку заявить - «французские крестьяне не имеют истории»(3).

Труд Чечулина состоит из трёх книг. Первая посвящена провинциальным городам. Петербург и особенно Москва в те времена, как впрочем, и теперь, слишком заметно отличались от всей остальной России и по количеству населения, и по его составу, и по своему экономическому и культурному значению. Вторая книга рассказывает о податных сословиях и третья о служилом

сословии, то есть дворянстве. Со времени принятия закона 1762 года последнее, по выражению В.О. Ключевского, уже «не служило ни в центре, ни в провинции, но правило провинцией»(4). Ему на правах полной собственности принадлежало недвижимое имущество и крестьяне. Свой досуг дворянин заполнял приёмом гостей, игрой в карты, охотой, французскими модами, манерами, языком и пр. Это привело к тому, что Россия к концу XVIII века была несравненно более крепостной, чем прежде.

Что касается хронологических рамок книги, Чечулин писал, что только вторая половина XVIII века имеет достаточное количество материалов, хотя и неравномерных, особенно в изображении быта разных сословий. Если представители купечества, духовенства, крестьян оставили каких-нибудь полтора-два десятка памятников подобного рода, то служилые люди - десятки записок и воспоминаний. В них нет упоминаний о других сословиях, так как дворяне относились к ним с нескрываемым отчуждением(5).

Историку, описывающему Череповец второй половины восемнадцатого века, также приходится сталкиваться с отсутствием достаточного количества документов. То же самое можно сказать и о библиографии, она не обильна. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы можно перечислить буквально по пальцам. Книга Чечулина и его стремление понять жизнь прежних людей позволяет прибавить к истории нашего города и всего края в целом несколько ценных штрихов, любопытных деталей, сделать её менее скучной и сухой, эмоционально и нравственно обогащённой. И самое главное труд Николая Дмитриевича позволяет нам понять - кто мы, откуда, как и куда мы шли, куда и зачем идём.

К концу царствования Екатерины II Россия представляла собою могущественную державу с 35-миллионным населением, разместившимся на огромном пространстве. В то же время это была страна девственная, весь север которой, «по крайней мере, по среднее течение Волги, покрыт был тогда такими лесами, понятие о которых ... может дать разве только сибирская тайга». Чечулин приводит слова академика П.И. Рычкова о дикой грандиозности этих лесов, их непроницаемости и непроходимости. Любой просвет в лесу вызывал «наиприятнейшее восхищение». Академик желал даже «приложить старание к уменьшению сих лесов». Высказывание Рычкова и других учёных дало повод Н.Д. Чечулину заявить, что Россия в XVIII веке «ближе подходила к Руси времён Ивана Грозного и даже, может быть, татарского нашествия»(6).

В подтверждение сказанному можно вспомнить описание местоположения Череповецкого монастыря, сделанное протоиереем Лукой Петровым в 1814 году. Там говорится о «неизмеримых дремучих лесах», представляющихся взору «за речкою Ягорбой от востока и севера»(7). В XIV веке эту местность вообще называли «лесом в Череповси».

Леса было много и его не берегли. Население рубило лес на постройки, отопление домов, строительство дорог, полотно которых в те времена выстилалось брёвнами. Для этого с избытком хватало и естественного прироста. Население России стремилось очистить землю от растущих на ней деревьев под поля «для хлебного посева». Для этого использовали подсечно-огневую систему земледелия, т.е. вырубку лесного участка, для того, чтобы лес на месте же сжечь. Выжженный участок был пригоден для посева три, максимум четыре года. Затем сжигали лес на следующем участке. В Новгородской губернии, куда входил Череповец, такая система земледелия практиковалась и в более позднее время. Это вызывало тревогу у образованных людей.

Император Пётр I хотел сберечь северные леса для постройки флота на Чёрном море. Некоторые леса объявили заповедными. За всякое срубленное

дерево грозил штраф. Новгородский губернатор (с 1764 года по 1781) граф Сиверс, хозяйственный и рачительный, также защищал проект сбережения лесов и использования торфа на топливо.

О дремучих лесах и заповедных рощах в окрестностях Череповца вспоминали корреспонденты Тенишевского бюро в конце XIX века. Василий Антипович Антипов писал об Уломе: «Когда-то и здесь был большой строевой лес, но теперь он весь выведен»(8). Лес сохранился лишь в виде заповедных рощ. Авдотья Михайловна Герасимова также отметила, что «в южной части уезда обращает на себя внимание обилие рощ, тщательно сохраняемых. Такие рощи состоят большей частью из сосновых больших деревьев величественного вида и служат в настоящее время даже некоторым украшением местности; при многих из них выстроены часовни»(9).

Города.

Насколько яркую картину дикого приволья представляли девственные леса, настолько немногочисленны и бедны были города, являвшиеся местом пребывания и интересов тогдашнего купечества и мещанства. Большую часть населения городов составляли крестьяне.

Ко времени вступления на престол императрицы Екатерины II в России считалось 305 городов. В результате проведённых преобразований к концу XVIII века насчитывалось уже не менее 600 поселений городского типа (уездные и безуездные) (10). Но и это число городов было недостаточным. Некоторые из них были крайне удалёнными от своего губернского центра, как, например, Череповец от Новгорода. Статус поселения определялся, прежде всего, нуждами создаваемой в стране административно-управленческой системы и в приказном порядке.

По мнению Чечулина, соображения, побудившие императрицу к увеличению числа городов, не дали тех результатов, которые от них ожидали. Во всяком случае, если Екатерина II держалась мысли, что вслед за образованием городов непременно разовьются и торговля, и промышленность, то почему, - писал он, - «она мало сделала для того, чтобы способствовать развитию торговли и промышленности более действенными способами, чем переименование в города многих поселений, по характеру своему совершенно деревенских»(11).

Жители городов сами занимались и хлебопашеством и огородничеством. В каждом городском доме своими средствами приготавливались материалы для одежды: сукно, полотно и другие материи. Фабрично-заводская промышленность находилась в зачаточном состоянии. То же самое можно сказать и о земледелии. П.И. Челищев, путешествовавший по северу России в начале 1790-х годов, отметил, что в Белозерском, Кирилловском и Тихвинском уездах, урожаи ржи обыкновенно бывают от сам-третьей до сам-пять, редко сам-восемь. В те времена был распространён взгляд, что человек очень мало может сделать для урожая: «Что Бог изволит, то и будет».

Провинциальные города России были поселениями чрезвычайно незначительными по количеству населения. В Череповце, возведённом на степень города из подмонастырской слободы и торгового села Федосьево, в 1777 году насчитывалось 538 жителей, в 1782 – 901. В их числе: купцов – 31, мещан - 679, дворян - 51, церковнослужителей - 21, солдат воинской команды - 31, прочих - 88. В 1795 – 89 купцов III гильдии. Рост, конечно, был, но росло и количество населения в России. Кроме того, городскими жителями считались и многие крестьяне, оставшиеся при своих занятиях.

Рост числа купцов в Череповце свидетельствует о развитии торговли и промышленности, строительстве магазинов, выполнявших в те времена и

функции складов. Огромное экономическое значение имели ярмарки, во время которых жители или сами торговали, или принимали у себя приезжих и кормили их. В 1796 году тульский писатель и естествоиспытатель Андрей Болотов писал в своём дневнике: «Малым городам, где основаны магазейны, превеликая прибыль от стечения народа, от найма ими квартир, покупания провизии, вешания приватно своих кулей с мукою, за что они по грошу и более с куля платили, и покупания остатков, отдачи сараев и амбаров внаймы и подрядов для возки(12).

В Череповце неплохой доход давала возможность продавать на базарах и ярмарках пироги с рыбой, о чём свидетельствует характерная песня: «Не отдай мене мати, ни на Юг, ни на Мусору (соседние волости в Пошехонском уезде), а отдай мене, мати, во село Федосьево: там мужики живут богатые, пироги пекут рогатые (т.е. с рыбой).

Благоустройство городов.

Что касается облика провинциальных русских городов, то они были, по мнению Чечулина, «вообще чрезвычайно неблагоустроены»(13) и имели жалкий вид. Например, Белозерск, старинный город, имевший свыше 3000 жителей, состоял в основном из курных изб. Дома были деревянными, быстро приходили в ветхость. Ввиду повсеместного разбоя их часто огораживали кольями и плетнём. Строились дома очень близко друг к другу. Городские депутаты в своих наказах в комиссию 1767 года жаловались с одной стороны на скученность строений, тесноту, пожары, с другой на заросшие бурьяном обширные пространства между кучками домов. Очень часто городами объявлялись территории, состоящие из нескольких, довольно далеко расположенных друг от друга селений.

В Череповце в городскую черту были включены сёла Федосьево и Никольское, а также подмонастырская слобода. Они отстояли друг от друга за версту и разделялись лесом и болотом, через которые пролегал извилистая дорога. Болото было местом сбора воров, разбойников и других нарушителей общественного порядка.

Положению городов соответствовали и их улицы. Они были, как правило, кривы и узки, непроходимы во многих местах, особенно весной и осенью. Прямая улица была редкостью. Чечулин пишет, что как только современникам приходилось заговорить о внешнем виде города, сейчас же читаешь, что улицы кривы, узки, грязны.

Только со времени Екатерины II правительство стало обращать внимание на то, чтобы постройки в городах располагались по некоторому плану. Суть преобразований заключалась в сохранении роли старого центра и создании нового, в соединении вертикалей имеющихся храмов с новым принципом развивающихся по горизонтали регулярно организованных пространств улиц и площадей.

В Череповце в непосредственной близости от Соборной площади расположился новый центр с Торговой площадью, а направление дороги на село Федосьево превратилось в основу для создания главной улицы и организующего начала городского плана.

Для формирования облика улиц и площадей была создана «Комиссия о каменном строении городов С.-Петербурга и Москвы», в задачи которой входило не только благоустройство столиц, но и забота о приличном облике губернских и уездных городов. За четыре года своей деятельности комиссия отобрала большое количество образцов жилых зданий и торговых помещений, проекты и фасады которых публиковались в специальных альбомах под названием «Собрание фасадов Е.И.В. высочайше апробированных для частных строений в городах Российской Империи». Впоследствии маркиз де Кюстин, в афористической форме

написавший книгу о России, нарёк её «царством фасадов», имея в виду иллюзорность российской жизни. Считают, что это обстоятельство свойственно было не только эпохе Николая I, но и России Сталина и Брежнева.

Чечулин отметил также, что в провинциальных городах построек в собственном смысле слова каменных тогда не было; встречались постройки кирпичные. Из него строились, главным образом, монастыри и церкви, иногда лавки, но жилые дома встречались очень редко. «Это, - по-видимому, - писал Николай Дмитриевич, - было результатом не только недостатка кирпича или его дороговизны – на постройку церквей кирпич всегда имелся: кажется, влияло исстари установившееся убеждение, что каменные дома вредны для здоровья. Для такого убеждения было, действительно, основание: тогда редко умели хорошо построить каменные здания, они были обыкновенно сырыми, ...чрезмерно толстыми, ...при возведении каменных построек мало обращалось внимания на то, чтобы стены были оштукатурены гладко и по отвесу, и чтобы углы правильно сходились. Но главнейшею причиною малого количества каменных построек была всё-таки бедность массы городских жителей» (14). А потому строение в городах было сплошь деревянное.

Лечебное дело.

В течение всего XVIII века в России чрезвычайно велика была смертность, особенно детская. Этому способствовала плохая санитарная обстановка городов, обычай хоронить умерших около церквей. Только после московской чумы 1771 года запрещено было хоронить покойников в черте города. В Череповце состоялся перенос кладбища от Воскресенского собора за пределы города. В 1790 году с территории бывшего монастыря по прошению приходских людей и по резолюции Преосвященного Гавриила Митрополита Новгородского и С.-Петербургского была перевезена «на отведённое в то время Градское Череповецкое кладбище, что на Коржаве» деревянная церковь Покрова Пресвятыя Богородицы»(15).

Высокой смертности способствовали также болота, плохая питьевая вода, недоедание, кожевенные производства на берегу реки, воздух, чрезмерные разгулы населения во время праздников, эпидемии. У пристани, под мостом или съездом в городе образовывались стихийные свалки - скопище всяких нечистот. Жилые дома, как правило, не отличались чистотой. В них «всюду несло и дуло». Люди тогда не осознавали необходимости тех санитарных и гигиенических требований, которые известны и понятны нам сегодня. «На своём дворе я волен жить, как хочу, и делать, что хочу» - общераспространённый взгляд людей того времени.

Люди в городах не имели медицинской помощи. Лекарей не было. До 1767 года ни в одном городе не было госпиталей. Н.Д. Чечулин писал: «На огромном пространстве трёх нынешних уездов – Белозерского, Кирилловского и Череповецкого – в 1791 году не было ни одного доктора. (16) В Череповце больница на 10 коек появилась лишь в 1831 году.

Пути сообщения.

Большинство тогдашних путей сообщения находилось на попечении местной администрации, а это, - по мнению Николая Дмитриевича, - «равняется признанию, что дороги оставались без всякого призора»(17). Администрация была чрезвычайно бедна возможностями и располагала ничтожными денежными средствами. На севере дороги были совершенно непроезжими из-за болот. Все, кому приходилось говорить о своих переездах по дорогам России, жаловались на их плохое состояние. Например, Екатерина Дашкова, отправляясь в ссылку была

осведомлена о том, что место её ссылки деревня Коротово во время весеннего разлива рек оказывалось совершенно отрезанным от городов и ближайших сёл.

Повинности в пользу государства, в том числе и натуральные – починка и постройка мостов и дорог, военные посты несли крестьяне. Но при обширной территории и малой населённости, дорожная и подводная повинности, оказывалась для них непосильной. Часто жители придорожных селений умышленно перепахивали дороги, прекращая, таким образом, движение, и пропуская проезжающих в этом месте за особую плату.

Отсутствие порядка на дорогах не лучшим образом сказывалось на работе регулярной почты, учреждённой при Петре I. Она представляла собой сеть станций, управляемых специальными чиновниками. В распоряжении станционного смотрителя находились государственные ящики, кибитки, лошади.

Новгородский губернатор Яков Сиверс при объезде губернии 1764 году «нашёл в почтовом деле большие беспорядки; ...на одном тракте местные жители заставляли проезжающих купцов на пространстве 43 версты менять лошадей три раза, конечно, каждый раз требуя высокой платы. Он предписал, чтобы проезжающим предоставлена была полная свобода в найме лошадей»(18). Но надежды на исполнение этого требования, - пишет Чечулин, - у Сиверса не было в связи с отсутствием наблюдателя.

Казалось бы, при неудобствах сухопутных дорог, должны были бы получить особое развитие водные пути, но и они были также неудовлетворительны. Движение по воде было так медленно, что суда за навигацию успевали сделать только один рейс. Кроме того, в каждом городе производилась проверка паспортов. Из Петербурга суда не возвращались, а продавались там же на надворные постройки, или на дрова. Слишком дорого обходился сплав судов. Да и строились они плохо, не слушались руля, были тяжелы на ходу, поднимали мало груза. При строительстве их не было ни хороших чертежей, ни искусных мастеров.

Судоходству часто вредили невежественные крестьяне: селились близко к воде, ставили амбары на сваях, чтобы «вода, сено, и всякая от воды удобность была близка»(19), устраивали рыбные ловли, создавали искусственные мели, портили мосты. При этом и сами страдали от разбойников. На пути от Петербурга в Москву все деревни были окружены высокими частоколами. Надо сказать, что разбойничество в России было явлением обыденным. От него не защищён был никто, ни житель города, ни крестьянин, ни проезжающий по водным путям. Нападения на плавучие суда даже среди белого дня случались постоянно. Лишь с введением пароходства разбой на воде прекратились. Возникали они и как месть господам, но, главным образом, как малокультурность, грубость общества и бессилие тогдашней администрации. Борьба против разбоев шла нерешительно и медленно. Поэтому каждый защищался, как мог. В Пошехонском имении графа П.М. Бестужева-Рюмина, расположенном на берегу Шексны, во дворе стояли наготове пушки.

Раскол.

Раскол – малоизученная страница в истории нашего города. Известно лишь, что со времени возникновения старообрядчества Череповец и его уезд сделались видным пунктом раскола. Ещё в XVII «бунташном» веке, сроднившись со своеволием и празднотанием, лёгкой добычей и скорым разорением, череповчане приняли раскол, как новую форму сопротивления законной власти – духовной и гражданской. Этому способствовали и дремучие леса. В них старообрядцы могли легко и удобно скрываться.

Судебные порядки.

Видное место в жизни людей того времени занимали тяжёлые дела. Немного можно было встретить людей, которые бы не имели дела в судах в качестве истца, или ответчика и это несмотря на то, что процессы тянулись годами, даже десятилетиями и были очень затратными. По словам Сиверса в Новгородской губернской канцелярии из ста дел едва решалось одно.

Судебные дела являлись главными темами для бесед в кругу помещиков, купцов, мещан и крестьян. Неистощимым источником поводов для тяжб являлась, прежде всего, неупорядоченность в земельных отношениях, неясностей и неурядиц в законах о наследовании имущества и др. Действующим сводом законов и в XVIII веке оставалось Уложение царя Алексея Михайловича, изданное в 1649 году. Императрица Екатерина II сделала попытку составления нового Уложения, созвав для этого Комиссию 1767 года. Однако нового Уложения она так и не сочинила, зато собрала огромный материал.

В заключение хочется сказать, что история России Екатерининской эпохи была главной темой историка Н.Д. Чечулина. Книга учёного о русской провинции эпохи просвещения является прекрасным источником для понимания истории и развития нашего города, жизни людей того времени, которые также как и мы, сегодня были горды своими успехами и считали, что достигли такой высоты, которую трудно будет превзойти потомкам.

Примечания.

1. Чечулин Н.Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб 2010. С. 14.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб. 1994. С.
3. Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 27.
4. Проф. В. Ключевский. Курс русской истории. Часть V. Переиздание. М. 1937. С. 108.
5. Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 26.
6. Чечулин Н.Д. Указ соч. С. 109-110.
7. Петров Лука // История Российской иерархии собранная Амвросием. Ч. VI. М. 1815. С. 657.
8. Антипов В.А. // Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Новгородская губерния. Т. 7. Ч. 2. Череповецкий уезд. СПб. 2009. С. 12.
9. Герасимова А.М. // Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Новгородская губерния. Т. 7. Ч. 3. Череповецкий уезд. СПб. 2009. С. 496.
10. Чечулин. Указ. соч. С. 52.
11. Там же: С. 55.
12. Болотов Андрей. Памятник прошедших времен. Часть I. // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. М. 1990. С. 66.
13. Чечулин. Указ. соч. С. 70.
14. Там же: С. 78-79.
15. Петров Лука. Указ соч. С. 666.
16. Чечулин Н. Д. Указ соч. С. 537.
17. Там же: С. 173.
18. Там же: С. 183.
19. Там же: С. 191.

В.А. Базлова,
заведующая методическим отделом ЦГБ им.В.В. Верещагина
МБУК «Объединение библиотек» г. Череповца

Новая книга о Николае Дмитриевиче Чечулине.

С 2002 года в Центральной городской библиотеке имени В.В.Верещагина в Череповце ежегодно проходят краеведческие чтения. Чтения названы именем нашего замечательного земляка Николая Дмитриевича Чечулина. Так сложилось, что судьба Николая Дмитриевича тесно связана не только с Череповцом и его окрестностями, но и с Санкт-Петербургом – городом, где Чечулин учился, преподавал в университете и работал в Императорской Публичной библиотеке. Поэтому ещё с первых чтений, когда мы изучали жизнь и деятельность самого Николая Дмитриевича, в числе наших исследователей, докладчиков и друзей появились люди, живущие и ведущие научную и исследовательскую работу в Санкт-Петербурге. На прошедших краеведческих чтениях мы с большим интересом познакомились с материалами Юрия Николаевича Демкова, Екатерины Вадимовны Пинаевой, Полины Лазаревны Вахтиной. И вот новая книга о Николае Дмитриевиче Чечулине, пришедшая к нам из Санкт-Петербурга и подаренная нашей библиотеке автором. Так как автор не имеет возможности приехать на наши краеведческие чтения, позвольте мне представить вам книгу и немного рассказать о ней.

Автор представляемой мною книги Ольга Семёновна Острой – ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки, кандидат искусствоведения, доктор педагогических наук. Автор более 150 публикаций по истории отечественной культуры. В 2004 году в сборнике О.С.Острой «Труды, в которых отразился век» уже была помещена глава о Николае Дмитриевиче Чечулине. Новая книга полностью посвящена нашему земляку и называется «Н.Д. Чечулин», вышла она в 2014 году в издательстве «Российская национальная библиотека» Санкт-Петербурга в серии «Деятели Российской национальной библиотеки».

Книга состоит из четырёх разделов. В первом - «Линия жизни» - краткая биография Николая Дмитриевича. Второй рассказывает о непосредственной службе Чечулина в Императорской Публичной библиотеке. Третий представит нам Чечулина как учёного-историка, а четвёртый раздел книги расскажет о литературоведческой, искусствоведческой деятельности и его коллекциях.

Конечно, лучше всего свою книгу мог бы представить сам автор, поэтому привожу слова о Н.Д. Чечулине самой Ольги Семёновны Острой.

«Эта книга о человеке, более чем на двадцать лет связавшем свою жизнь с Императорской Публичной библиотекой, много потрудившемся для совершенствования её работы.

Николай Дмитриевич Чечулин – учёный, историк, искусствовед, литературовед, коллекционер, сам освоивший искусство офорта. Всё это естественным образом сопрягалось с историческими и историко-культурными исследованиями, источниковой базой для которых во многих случаях служила Библиотека с её огромными книжными, рукописными и серьёзными художественными фондами.

Прошёл почти целый век со дня смерти учёного, однако до недавнего времени наиболее полным сводом сведений о нём приходилось считать небольшую по объёму, но фактически насыщенную статью Ц.И. Грин в биографическом словаре, посвящённом сотрудникам Российской национальной библиотеки.

Материалы о жизни и научной деятельности Н.Д. Чечулина приходится собирать по крупицам. Специальных работ – единицы. Помимо названной уже статьи Ц.И. Грин, сжатой в силу жанра, в кратких очерках и энциклопедических изданиях отметим статью Е.В. Пинаевой «Петербургский период в жизни Н.Д. Чечулина (1881 – 1915)», опубликованную в издании Череповецкой центральной городской библиотеки. Её дополняет опубликованная в том же сборнике статья А.А. Базовой «Академик Н.Д. Чечулин в селе Борисоглебском (1917 - 1927)». Краткая характеристика отдельных исследовательских этапов – в книге «Историки России».

Основным источником следует считать материалы, сохранившиеся в личном архиве Н.Д. Чечулина, прежде всего – переписку с матерью и С.Ф. Платоновым. Они ценны не только фактами, но и присутствующим в них внутренним состоянием учёного в каждый определённый момент.

Исследователей можно разделить на две категории. Одни склонны к острым дискуссиям и теоретическим построениям, другие предпочитают академическую тишину и сосредоточенность на фактологии. Герой этой книги именно таков. Сам он отводил себе отнюдь не первое место в науке: «Я, как Сальери, вижу и понимаю превосходство чужой работы». Эта самооценка – итоговая. Её он сформулировал в 1925 году, когда в письме к С.Ф. Платонову как бы подводил черту.

Каждая творческая личность интересна не только своим трудом в сфере науки или искусства, но и теми психологическими особенностями, которые направляли её, подпитывали, придавали определённую тональность. Иначе говоря, любая индивидуальность требует личностного подхода. Поэтому хотелось бы предварить биографический очерк несколькими замечаниями о характере этого неординарного человека. Источником послужили главным образом материалы личного архива и его собственные труды.

Научные занятия были для Чечулина своего рода образом жизни. Главный его посыл в науке – целеустремлённость. Единожды избрав как магистральную для собственных исторических исследований эпоху Екатерины II, он очень редко отходил в сторону.

По словам академика С.Ф. Платонова, Чечулин «относился к своим работам с особенным тщанием, неоднократно переписывал, никогда не довольствуясь первой редакцией своего изложения <...> Щепетильный в вопросах порядка и приличия, был горячим, но и гуманнейшим, и добрейшим человеком».

По своим политическим взглядам он был монархистом. Особенно чтил Александра III за его русофильство. Узнав о смерти императора, писал матери 11 ноября 1894 г.: «Очень удручила смерть государя. Он, помимо своих редких человеческих качеств, оказал огромные услуги не только России, но и всему человечеству <...> Всё, что ни делает новый государь, вызывает у меня искреннее уважение и даёт надежду».

Стержень его нравственного чувства составляло активное национальное самосознание. Он ощущал себя русским и гордился этим. Совсем юным, восемнадцатилетним, услышав сочинения М.А. Балакирева, он написал композитору: «Я счастлив в чувстве своей национальной гордости. <...> Я приветствую в Вас русского <...> Твёрдая вера в будущее своего отечества сделает счастливыми многие тысячи и в великих будет пробуждать новые силы». Восторженный тон скорее всего спровоцирован юностью, но суть письма стала жизненным посылом.

Значительно позднее, в работе, которую назвал трудом своей жизни, Чечулин писал: «Патриотическое чувство есть страсть, сосредоточившая в себе все политические доблести».

Человек он был интровертный, немногословны и вынашивал свои темы, не обсуждая возможности их исследования, тем более публикации, ни с кем. Это качество проявилось уже в начале научного пути. 3 октября 1887 г., спустя всего два года после окончания университета, он пишет Л.Н. Майкову (в то время помощнику директора Публичной библиотеки, впоследствии председателю Археографической комиссии), что имеет правило «не говорить никому и никогда о своих начинаниях». Возможно, это следствие некоей закомплексованности, неуверенности в себе. Преобладало в нём рациональное начало, что он и сам осознавал: «Я знаю сам, что чаще и больше действую по внушению ума, чем сердца».

Ему было в большей мере свойственно состояние отъединённости от внешнего мира. Оно давало ощущение психологического комфорта: «За столом, с книгой и бумагой, я переживаю такое состояние, которое, по-моему, выше всего», - писал он матери уже зрелым человеком, известным учёным. Однако отъединённость порой превращалась в угнетающее одиночество, что звучит во многих письмах, особенно в послереволюционные годы, когда силой обстоятельств Чечулин оказался вне Петрограда, вне научной среды. Чаще всего эта тема повторяется в письмах к близкому другу ещё со студенческих времён Сергею Фёдоровичу Платонову.

В архиве Чечулина нет писем к любимым и их ответных посланий, зато письма к матери полны обожания. Вероятнее всего, это – следствие детских впечатлений от семейного разрыва, глубокого сочувствия оскорблённой матери. Письма Чечулина к матери пропитаны нежностью: «Милая, дорогая, неоценённое моё сокровище! Целую горячо, горячо Ваши руки, Ваши глаза». Приведённые строки – типичные в его эпистолярном наследии. Он делится с матерью мельчайшими событиями, происходящими в его жизни. По сути эти письма вмещают всё, что в той или иной мере определяло каждый временной отрезок его существования.

В 2013 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Николая Дмитриевича Чечулина, и автор этой небольшой книжки хотел бы в специальном биографическом очерке познакомить прежде всего историков с их неординарным коллегой. Поскольку жизнь Чечулина была разно направленной, автор считает целесообразным проследить каждое из направлений в отдельности, предварив общим очерком. При такой композиции неизбежны некоторые повторы, но она позволяет отобразить каждую из сторон детальнее».

От себя хочу добавить, что книга Ольги Семёновны Острой будет интересна и тем, кто хочет больше узнать о нашем замечательном земляке, и тем, кто услышал это имя впервые. Поступила она в фонд старинной, редкой и ценной книги Центральной городской библиотеки им.В.В.Верецагина.

Литература:

1. Острой, О.С. Труды, в которых отразился век [Текст] : Историки искусства в Публичной библиотеке: конец XVIII - начало XX вв. / О.С. Острой; ред. Л.С. Гейро; Российская национальная библиотека. - СПб. : Российская национальная библиотека, 2004. - 174 с. : ил.
2. Острой, Ольга Семеновна. Н. Д. Чечулин [Текст] / О.С. Острой; Российская национальная библиотека. - Санкт-Петербург : Рос. нац. б-ка, 2014. - 120 с. - (Деятели Российской национальной библиотеки). - Библиогр. в примеч.: с. 96-114. - Имен. указ.: с. 115-118.

А.Б. Першина,
старший научный сотрудник КАУ ВО
«Государственный архив Вологодской области»

История одного портрета. (Портрет художника В.В. Верещагина работы графика В.В. Матэ)

Портрет русского живописца Василия Васильевича Верещагина работы известного графика, его тезки, Василия Васильевича Матэ поступил на хранение в Государственный архив Вологодской области от держателя личного фонда писателя К.И. Конищева в 1971 году. 28 ноября 2014 года документ внесен в региональный Реестр уникальных документов Вологодской области и находится на общем хранении архивных документов.

Портрет выполнен в технике офорта на бумаге размером 17,7х13,8 см (основа) и 16,8х13,1 см (изображение), оформлен в раму со стеклом. В левом нижнем углу на изобразительном поле выгравирована авторская надпись «Матэ 1882 г. paris». Гравюра была приложена к первому выпуску журнала «Вестник изящных искусств» за 1883 год, издававшийся при поддержке Императорской академии художеств. Портрет не реставрировался, физическое состояние – удовлетворительное¹.

Графическая техника офорт представляет собой разновидность гравюры на металле и является одной из техник станковой графики глубокой печати, позволяющей получать оттиски с печатных форм.

Согласно документальным источникам с оригинального портрета В.В. Верещагина было сделано 5 оттисков. Первые оттиски были изготовлены с большой доски, на которых голова фигуры обращена вниз; во вторых - голова почти стерта; третьи оттиски были сделаны с уменьшенной доски (часть доски, где была голова, почти вся отрезана); четвертые имели подпись: "Матэ 1882 г. paris". В последних, пятых, оттисках - левое плечо заштриховано и закруглено. Пятый вариант был также приложен к журналу «Вестник изящных искусств» за 1883 год.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что представленный портрет художника В.В. Верещагина является четвертым оттиском с оригинального изображения. Более того, надпись, сделанная на портрете, позволяет знать время и место создания рисунка.

В.В. Верещагин неоднократно приезжал во Францию и одно время даже жил в Париже. Еще в самом начале творческого пути его манила эта страна, где, по словам живописца, «царил настоящий простор для свободно мыслящего художника». Впервые в Париж Верещагин приехал в 1861 году для работы над росписью фронтона русской церкви. Вторая поездка произошла через три года. В 1864 г. он поступает в Парижскую Академию художеств. Далее поездки в мировую «мекку» искусств, коей в середине XIX века являлся Париж, становятся регулярными².

Судя по воспоминаниям современников и биографическим публикациям, в 1876 году после поездки в Индию Верещагин поселяется в предместье Парижа Мезон-Лаффитт на улице Клебер, 48, где устраивает художественную мастерскую, которая была гостеприимно открыта для творческой братии: художников, писателей, поэтов. После участия в Русско-турецкой войне (1877-

1878), в ходе которой получает тяжелое ранение и переживает гибель брата Сергея, Василий Васильевич вновь возвращается во Францию и начинает работу над так называемой «Балканской серией», основой для которой послужили этюды и коллекция подлинных предметов, привезенных из Болгарии. «Балканская серия», явившаяся, по мнению критиков, кульминацией творчества В.В. Верещагина, на протяжении 1881-1891 гг. демонстрировалась во многих городах Европы и Америки и вызвала огромный интерес к художнику во всем мире. Только в 1882 году Верещагин получил предложения об устройстве выставок в Париже, Берлине, Гамбурге, Дрездене, Дюссельдорфе, Брюсселе и Будапеште³.

По воспоминаниям очевидцев «Балканская» выставка демонстрировалась в сопровождении музыки в залах без дневного света: картины располагались на черных стенах, при ярком электрическом освещении. А. Бенуа впоследствии записал: «Памятно как ... ломились на выставку Верещагина и какое чудовищное и огорошивающее впечатление производили его пестрые и кровавые картины». Эффект от верещагинских экспозиций был действительно необычайно сильным; для многих это было потрясение, оставшееся в памяти на всю жизнь.

Не исключено, что В.В. Матэ также стал свидетелем этого яркого события в парижской художественной жизни, что, явно или косвенно послужило толчком для написания данного портрета.

Если история жизни и творчества великого русского баталиста В.В. Верещагина изучена и известна достаточно широкому сообществу специалистов, то с творческой биографией графика В.В. Матэ знаком более узкий круг почитателей изящных искусств.

Василий Васильевич Матэ (Маттэ) родился в Пруссии в 1856 году близ г. Вержболова (ныне территория современной Латвии), детство провел в имении отца в Любани (близ Петербурга), воспитывался в приюте реформаторского прихода столицы. Художественное образование получил сначала в Рисовальной школе при Обществе поощрения художеств (1870-1875), а затем в гравировальном классе Петербургской академии художеств (1875-1880). Как и Верещагина Матэ с Парижем и его художественной школой многое связывало. В 1880 г. Петербургская Академия художеств отправила молодого и талантливого графика на один год в столицу Франции «для совершенствования в гравировании». На средства, выделенные великим князем Владимиром Александровичем, Матэ изучал гравюру Германии, Голландии и Англии. За работы, присланные им из-за границы на всероссийскую выставку в Москве, в 1882 году совет Академии нашел возможным продлить срок его пребывания во Франции еще на три года. Таким образом, доподлинно известно, что два художника были в одно время в Париже и, наверняка, встречались. Именно здесь был задуман и создан графический портрет В.В. Верещагина⁴.

На портрете В.В. Верещагин изображен погрудно, его фигура обращена к зрителям с поворотом в $\frac{3}{4}$ вправо. Взгляд художника уставший и одновременно уверенный, устремлен в даль^{5,6}. В 1882 году В.В. Верещагину исполнилось сорок лет, он признанный мастер не только батальных произведений, но и тонкий психолог-живописец «человеческих трагедий» на фоне войны. По меткому замечанию И.Н. Крамского «Верещагин не просто только художник, а нечто большее».

Однако, ежедневный труд и нервное напряжение, коими сопровождалась работа над «Балканской серией» и ее презентация отняли много душевных и физических сил у художника. В 1882 году В.В. Верещагин в письме литературному и театральному критику В.В. Стасову отмечал: «Не думайте, что все пройденное было лишь как с гуся вода: все, все оставило следы. Силенки в 40 лет сильно опустились, цель жизни потерялась». Творческое и моральное обновление

художник находит в путешествии. Осенью того же года его опять манит загадочный Восток, и он уезжает в Индию, а затем в Сирию и Палестину.

Таким образом, можно предположить, что портрет, если он писался с натуры, был создан в промежуток с января по сентябрь-ноябрь 1882 года.

Как отмечают исследователи, творчество В.В. Матэ знаменует одновременно и вершину, и заключительный этап в развитии русской репродукционной гравюры. За свою жизнь В.В. Матэ выполнил огромное количество репродукционных листов, только в офорте их насчитывается 278. Но наибольших успехов он достиг в области черно-белой ксилографии, виртуозно имитируя живописные и графические оригиналы. Так писал о художнике реставратор и искусствовед И.Э. Грабарь: «Особенным успехом пользовались его факсимиле карандашных рисунков, технику которых он передавал изумительно, имитируя до иллюзии не только штрих, но и притирки пальцем и растушевкой, характер свинцового карандаша, итальянского или сангины». Сам же В.В. Матэ относился к работе гравера творчески и не сводил ее лишь к повторению оригинала. «Гравер не есть скучный копиист, а создатель нового мира образов, где картину художника он переводит на свой язык, придает новые оттенки» – отмечал график.

В 1884 году В.В. Матэ был приглашен преподавателем ксилографии и офорта в Центральное училище технического рисования барона Штиглица в Петербурге. В 1894 г. избран действительным членом вновь преобразованной Академии художеств и вслед за тем определен профессором на должность преподавателя гравирования⁷. Однако время репродукционной гравюры постепенно проходило. Она не выдерживала конкуренции с фотомеханическими способами печати, стремительно развивавшимися в России в 1890-е годы.

С 1899 года В.В. Матэ окончательно переходит с ксилографии на технику офорта, которая, по его мнению, «давала большие возможности для творческой интерпретации оригинала». Лучшими его работами в этой области справедливо считаются портреты. Причем по глубине трактовки образов и виртуозному исполнению специалисты выделяют изображения М.П. Беляева и П.М. Третьякова (1894, с известного портрета И. Е. Репина). Умер В.В. Матэ в 1917 году в Петрограде.

После себя Василий Васильевич оставил множество талантливых учеников. Разным граверным техникам В.В. Матэ обучал таких выдающихся живописцев как И.Е. Репин, В.А. Серов, И.И. Левитан, Б.М. Кустодиев, К.А. Сомов, Е.Е. Лансер, Л.С. Бакст и др.

Надо отметить, что графическая портретная галерея В.В. Матэ весьма обширна, только в технике офорт насчитывается 225 картин. Среди них выделяются портреты Рембранта, И.К. Айвазовского, М.П. Мусорского, И.Н. Крамского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А.Г. Рубинштейна, а также большой посмертный портрет нефтепромышленника Л.Э. Нобеля⁸. Среди них достойное место занимает и портрет В.В. Верещагина 1882 года.

Известно, что творческая судьба еще раз соединит Верещагина и Матэ, и произойдет это в 1894-1895 гг. во время работы над иллюстрациями к «Воспоминаниям» нашего земляка⁹.

В результате изучения различных источников как документального, так и мемуарного характера можно предположить, что графический портрет В.В. Верещагина был сделан В.В. Матэ в мастерской художника на улице Клебер, 48, парижского предместья Мезон-Лаффитт с января по ноябрь 1882 года.

Примечания:

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 4568. Оп. 5. Д. 200.
2. Верещагины. России славу умножая... Альбом. – С-Пб., 2008.- С. 37.
3. К.И. Коницев. «Повесть о Верещагине». Лениздат, 1956.- С. 222, 241.
4. Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз, Эфрон. Т. XVIII-а. С-Пб., 1896.-С. 813.
5. ГАВО. Ф. 4568. Оп. 5. Д. 200.
6. Портретное искусство Северо-Запада России в контексте русской провинциальной и европейской культур XVII – начала XX в. Под ред. М.Е. Даен. Вологда, 2006.-С. 90-91.
7. Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз, Эфрон. Т. XVIII-а. С-Пб., 1896.-С. 814.
8. Там же.
9. В 1894-1895 гг. вышли в свет литературные труды В.В. Верещагина, в частности, «На войне в Азии и Европе. Воспоминания художника В.В. Верещагина».

И. Р. Галанин,
ученик 7 класса МОУ «Ботовская
средняя общеобразовательная школа»
Череповецкого района, Вологодской области

Научный руководитель:
С.Н. Воронова,
руководитель музея
МОУ «Ботовская средняя общеобразовательная школа»

«Старался жить и служить честно». (Философ Николаевич Орнатский).

В 2015 году исполнилось 155 лет со дня рождения Философа Николаевича Орнатского.

Философ Николаевич – наш земляк. Он родился в Петриневской волости Череповецкого уезда. Петриневская волость граничила с Яргомжем. А там жила его сестра Анна Николаевна. Она была замужем за священником Яргомжской Благовещенской церкви Виктором Александровичем Сапожковым. Можно предположить, что Философ Николаевич приезжал к Сапожковым и привозил с собой книги для церковной библиотеки, которые потом стали достоянием Яргомжского культурно-просветительного общества. Самым ценным экспонатом этого общества являлся энциклопедический словарь Ефрона и Брокгауза. 41 том этого словаря издания 1890 -1904 гг. цел и находится в библиотеке Ботовской средней школы. В одном из этих томов обнаружили статью «Орнатский» и прочитали следующее: «Орнатский Философ Николаевич (родился в 1860 году) – проповедник, священник церкви при Экспедиции заготовления государственных бумаг (в СПб), председатель Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Образование получил в Санкт-Петербургской Духовной Академии. Пользуется известностью как один из лучших церковных ораторов. Как депутат от духовного ведомства Орнатский энергично поддерживал в Санкт-Петербургской думе предложения об ограничении времени праздничной торговли в Санкт-Петербурге, которое и было принято в 1897 году. Выдающиеся проповеди Орнатского: «О воспитании детей» (СПб, 1890), «О праздничном отдыхе для торговых людей» (СПб, 1889), «О самоубийстве перед судом откровенного учения» (СПб, 1894), «О труде и праздничном отдыхе в жизни рабочих людей» (СПб, 1890), «О христианском образовании женщины» (СПб, 1892), «Русская православная миссия и Православная Церковь в Японии» (СПб, 1889), «Ответ на Пашковские вопросы» (СПб, 1893) и «Слово об Ангелах» (СПб, 1894)».

Каким человеком был Философ Орнатский? Каковы его заслуги перед Россией? Чтобы ответить на эти вопросы, решили собрать информацию об Орнатском и познакомиться с интересной и трагической судьбой этого человека.

Страницы биографии Ф.Н. Орнатского.

Философ Николаевич Орнатский родился 21 мая 1860 года на погосте Новая Ёрга Петриневской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии в семье сельского священника Николая Ивановича Орнатского

С детских лет Философ помогал отцу в храме, церковноприходской школе, участвовал в деле призрения немощных и неимущих. Церковные службы с раннего детства были неотъемлемой частью окружающего его мира. Так и определился жизненный путь Философа Николаевича.

Он окончил Кирилловское духовное училище, Новгородскую духовную семинарию, Санкт-Петербурге – духовную академию.

В 1885 году приняв священство, он остался служить в северной столице настоятелем церкви мужской и женской гимназии, носившей тогда название «Приют Принца Ольденбургского».

С 1892 года Орнатский — настоятель церкви св. Андрея Критского в Петербурге при Экспедиции заготовления государственных бумаг. При его содействии при Экспедиции было открыто техническое училище, дававшее среднее и профессиональное образование. Он был его начальником и одновременно законоучителем. «Его удивительные организаторские способности и редкий педагогический талант буквально вдохнули жизнь в новое учреждение, ибо в новое дело, как и во все прочие дела, он вложил частицу своего сердца».¹

В 1912 году Митрополит Антоний, желая обновить столичное духовенство свежими молодыми силами, вопреки сложившейся традиции преемственности настоятельских мест в соборах по старшинству, назначает настоятелем Казанского собора сравнительного молодого священника Философа. Верующими это назначение было встречено восторженно. Его народ знал и любил.

Философ Николаевич имел огромный проповеднический талант. Ценил его и русский царь. За проповеди в Сарове во время прославления преподобного Серафима Саровского Николай II наградил Орнатского золотым наперсным крестом.

Деятельность Философа Орнатского не ограничивалась только пределами его прихода, она была очень широкой. Он был членом или председателем многих благотворительных религиозных обществ. Им было основано «Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви». Он также принимал деятельное участие в устройстве ночлежных домов.

Его стараниями в Петербурге и окрестностях было возведено 12 храмов, в том числе, храм Воскресения Христова у Варшавского вокзала, церкви Петра и Павла в Лесном, преподобного Сергия Радонежского на Новосивковской улице, преподобного Серафима Саровского за Нарвской заставой, Предтеченский храм на Выборгской стороне, Герасимовская церковь, Исидоро-Юрьевский храм. В качестве председателя комитетов по строительству храмов он распоряжался огромными деньгами, но при этом жил очень скромно, давал частные уроки, чтобы прокормить семью.

При храме Воскресения Христова у Варшавского вокзала о. Философом было основано Александро-Невское общество трезвости. Члены общества отдавали много сил воцерковлению простого народа, проводили беседы в больницах, богадельнях, приютах для детей и подростков, тюрьмах и бесплатных столовых для бедняков. Во время русско-японской войны (1904 – 1905 гг.) оказывали посильную помощь фронту (шитьё белья для раненых воинов, кружечный сбор средств на нужды русской армии).

О. Философ был редактором и цензором ряда петербургских духовных журналов, таких как «Санкт-Петербургский Духовный Вестник», «Отдых христианина», «Православно-Русское слово».

В тревожные дни 1905 года, когда в городе начались беспорядки, настоятель Казанского собора безбоязненно уговаривал всех сохранять верность Государю и не слушать заезжих проповедников.

Во время Первой мировой войны он отдал свою квартиру под лазарет для раненых воинов, а сам с семьёй переехал в небольшое казённое помещение. Неоднократно выезжал в районы боевых действий, сопровождая транспорты с необходимыми воинам вещами и продуктами.

Отказывая себе в отдыхе, довольствуясь самым необходимым, о. Философ совершал дела благотворительности и милосердия. Заботился об обездоленных, беспомощных детях – от рождения умственно отсталых, глухонемых, страдающих тяжёлыми заболеваниями. Оказывал квартирную помощь солдаткам в виде денежного пособия, помогал одеждой и обувью наиболее нуждающимся школьникам – детям солдат. Организовывал бесплатные столовые, ясли, а для подростков – клуб, где проводились занятия по рукоделию и велись занятия по ряду научных предметов.

С приходом большевиков о. Философ усилил свои проповеднические труды: служил и проповедовал в самых опасных местах, часто выступал против отмены большевиками преподавания в школах детям Закона Божия. Боролся не только словом, но и делом. По воскресениям устраивал крестные ходы, которые выходили из разных церквей и шли к площади перед Александро-Невской лаврой.

Новомученик протоиерей Философ Орнатский.

Наступил 1917 год. В Петроградской епархии при поддержке Временного правительства возникла либеральная группировка, проповедовавшая идеи «христианского социализма», идеи переустройства церковной жизни и реформы православного вероучения. В противовес этой группе был создан «Союз Церковного Единения», куда вошёл и протоиерей Ф. Орнатский,

Летом 1917 года начал работу Петроградский епархиальный Собор. Председателем Собора был избран протоиерей Ф. Н. Орнатский.

Собор выработал особое воззвание по поводу переживаемой Родиной тяжелой години, когда целостности и единству России грозит опасность, как от внешнего врага, так и от анархии во внутренней жизни государства.

В стране тяжёлое положение: фронт приближался к столице; повсюду возникали стихийные митинги; продолжались уличные беспорядки, выливавшиеся в кровопролития; царили озлобление и рознь; совершались хищения и грабежи.

В это время отец Философ Орнатский продолжает оказывать помощь воинам русской армии, фактически брошенной на произвол судьбы Временным правительством.

По-прежнему совершались в Казанском соборе ежедневные моления перед чудотворным Казанским образом Божией Матери о даровании победы русскому христоролюбивому воинству. К ним теперь присоединились молитвы о прекращении междоусобной брани.

Много сил отдавал отец Философ делу оказания помощи воинам-инвалидам, покидавшим лазарет Казанского собора после лечения. Они обеспечивались одеждой, теплым бельем, обувью и денежным пособием для возвращения в родные места.

После принятого правительством Постановления о свободе совести был издан Закон о передаче церковно-приходских школ в ведение министерства народного просвещения, что фактически означало отмену преподавания в школе Закона Божия. Незамедлительно в Петрограде, при участии отца Философа Орнатского, был создан Союз родительских комитетов, который начал отстаивать принцип обязательности преподавания Закона Божия в средней школе.

Обстановка в Петрограде все более и более накалялась.

Гонения на Церковь все усиливались, и 29 июля состоялось чрезвычайное епархиальное собрание, обсудившее вопрос «О мерах защиты веры и Церкви

ввиду циркуляра Комиссариата Северной области об изъятии из школ предметов религиозного почитания». Собрание единодушно постановило: «Обратиться к советским властям с требованием о немедленной отмене незаконно изданного распоряжения».²

С горячим словом выступил перед собравшимися отец Философ. Он призвал духовенство и мирян епархии провести общегородской крестный ход с целью противодействия новым антицерковным акциям властей.

Осуществить свой замысел отцу Философу не пришлось. В день памяти великомученика и целителя Пантелеймона, 9 августа 1918 года протоиерей Орнатский вместе с двумя старшими сыновьями, Николаем и Борисом, был арестован богоборческими властями без предъявления каких-либо обвинений.

Вероятно, отец Философ был готов к такому повороту событий. По воспоминаниям дочерей батюшки Веры Философовны Яворской и Лидии Философовны Рюминой, в момент ареста он был совершенно невозмутим и спокойно последовал за явившимися на квартиру Орнатских чекистами.

В последующие дни не раз обращались в ЧК родные отца Философа и прихожане Казанского собора, но ответа о судьбе батюшки и его сыновей из ЧК не последовало.

Вера Философовна попросила о помощи Наркома просвещения Луначарского, который «15 августа обратился к Зиновьеву с ходатайством об освобождении протоиерея Философа Орнатского: «Уезжаю, так и не выяснив хорошенько, по чьему распоряжению и по какому обвинению содержится в Кронштадте под арестом священник Орнатский. Так как арест его вызывает много толков, а я считал бы необходимым избежать всего похожего на гонения против Церкви, - то, быть может, Вы сможете сделать что-нибудь для его освобождения, если каких-либо серьезных обвинений против него не имеется».³

Это письмо было кем-то задержано в коридорах власти. Наконец, родные батюшки письменно обратились к Урицкому. В ответ председатель петроградской ЧК сообщил, что гражданин Орнатский расстрелян, как «ярый контрреволюционер».

Протоиерей Философ Николаевич Орнатский вместе с двумя старшими сыновьями, Николаем и Борисом Орнатскими, был расстрелян в августе 1918 года вместе с тридцатью петроградскими офицерами на берегу Финского залива.

В 2000 году Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви прославил в лике святых угодников Божиих для общецерковного почитания священномученика Философа Орнатского и с ним убиенных сыновей Николая и Бориса.

Светлая память о протоиерее Философе Орнатском и поныне живет в сердцах верующих Петербурга. При Санкт-Петербургской бумажной фабрике ГОЗНАК существует музей, где одним из самых представительных является стенд, посвященный жизни и деятельности протоиерея Философа Орнатского.

В посёлке Стрельна, под С.-Петербургом, будет возведена церковь в честь святых священномученика Философа и мучеников Николая и Бориса Орнатских.

Заключение.

«Своею пламенной живой верой отец Философ увлекал за собой множество людей. Он всегда был примером беззаветной преданности делу духовного просвещения народа, примером служения ближним самоотверженной и бескорыстной любовью».⁴ Во времена тяжёлых испытаний отец Философ показал себя мудрым государственным человеком, великим подвижником. «Вместе со всеми заботами и делами он окормлял не один десяток тысяч прихожан».⁵

Во время празднования (в 1910 году) в Санкт-Петербурге 25-летия священнослужения отца Философа, многочисленные телеграммы, адреса и устные приветствия были единодушны в том, что «служение отца Философа – это служение благовестника, состоящее из множества повседневных добрых дел. От его, пламенеющего любовью к Господу и ближним сердца, зажигались огоньки веры в душах многих, ищущих правды людей».⁶

Его мученическая кончина и вся праведная, подвижническая жизнь является одной из ярких страниц истории Русской Православной Церкви.

Имя Философа Николаевича Орнатского не забыто земляками. В музее Ботовской школы хранятся копии документов, раскрывающих деятельность человека, который, по его собственным словам, «старался жить и служить честно».

В планах Череповецкой епархии – строительство в Северном микрорайоне – на перекрёстке улиц Остинской и Окинина – нового храма в честь Философа Орнатского.

Примечания:

1. Филимонов В.П. Крестом отверзается небо... СПб, 2000. Ст. 59.
2. Там же. Ст. 216.
3. Там же. Ст. 217.
4. Там же. Ст. 79.
5. Там же. Ст. 85.
6. Там же. Ст. 108.

Литература:

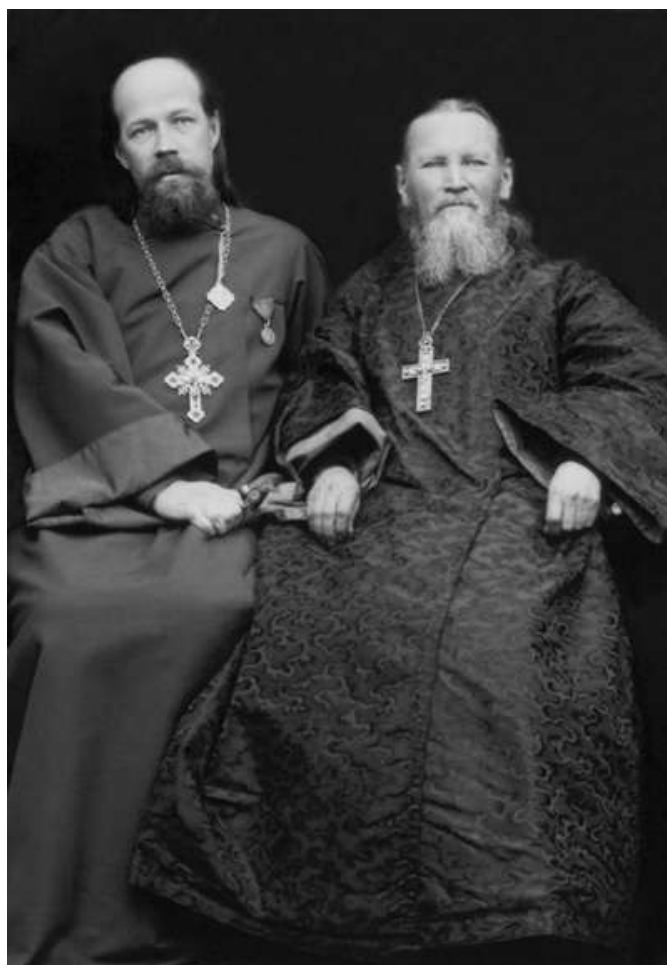
1. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Издание 1890 – 1904 гг. Т. 41.
2. Празднование XXV-летия священнослужения протоиерея Ф.Н. Орнатского // Отдых христианина. С- Петербург, 1910.
3. Святой священномученик Философ Орнатский // Православная Русь 1983, № 21. Ст. 5 – 8.
4. Филимонов В.П. Крестом отверзается небо... СПб, 2000.
5. Якимова Е.В. Памяти наставника, учителя, духовного поводыря, друга // Сельская новь. – 2011. – 08 сентября.

Электронные ресурсы:

Википедия. Священномученик Философ Орнатский. Режим доступа: [<http://www.ru.wikipedia.org/wiki>].

**Философ Николаевич Орнатский,
1915 год**

**Протоиерей Орнатский с
Иоанном Кронштадским, духовным
наставником отца Философа.**

Письма из госпиталя.

Осенью 2015 года школу посетила милая семейная пара - Людмила Ивановна Калугина и ее супруг. Разбирая старый хлам у себя в деревне Мыдьеево Череповецкого района, Людмила Ивановна наткнулась на деревянный сундучок. Открыв его, удивилась: долгие годы он хранил в себе семейную переписку. Эти письма госпожа Калугина хотела найти очень давно. Письма датированы началом 20 века. Самое раннее - из далекого 1902 года.

Письма нами были отсканированы и через несколько дней возвращены владелице. В настоящее время они находятся в Санкт - Петербурге.

Учащиеся школы с большим желанием принялись переводить в печатный вид эти уникальные документы. На переменках можно было услышать, как ребята делятся тем, что сумели прочитать. Перепечатанные письма юные исследователи приносили в школу, а я просматривала, что-то исправляла, дополняла то, что вызвало затруднение у детей.

Предстоит провести дальнейшую работу с ними. Хочется их датировать, т.к. число и месяц стоят почти на всех письмах, а вот год указан далеко не везде. Разобрать в хронологическом порядке. Детально проанализировать их.

Так кто же является автором этих почтовых посланий? Александр Трофимович Петухов. Родился он 6 декабря 1879 года в Мыдьееве в семье крестьян-старообрядцев Евгении и Трофима Петуховых. У Александра было два брата - Всеволод (дед Людмилы Ивановны) и Иван, а также сестра Арьянда. Отец их ушел из жизни рано, и с юных лет братьям пришлось вести хозяйство самостоятельно. В ноябре 1901 года Александр Трофимович был призван на службу в армию. Письма не содержат информации о времени окончания армейских будней. Предположу, что это произошло в 1907 году, т.к. время службы в сухопутных войсках в начале 20 века составляло 6 лет. Но через месяц с начала 1 мировой войны (в конце июля 1914 г) 35 летний Петухов вместе с односельчанами был призван в действующую армию. Родные отвезли их в Пошехонье, а оттуда уж они отправились дальше в Петроград. Об этом мы читаем в 2 письмах Александра Трофимовича. Он спрашивает родных «Получили ли за доставку нас багажом в Пошехонье деньги и сколько?» Это письмо датировано 31 августом 1914 г.

Из Петрограда в составе своей части Петухов прибыл в Варшаву, где продолжил служить писарем в госпитале и одновременно исполнял обязанности санитаря. В одном из писем к родным он еще раз уточняет свой адрес «действующая армия Варшавский сводный №2 полевой запасный госпиталь Александру Петухову».

О чем же пишет в своих письмах Александр Трофимович?

Каждое письмо автор начинает со слов «дорогие мои». Далее уважительно перечисляет имена родных и близких, не забывая и о своих племянниках «Маменька Евгения Михайловна, Ваня, Всеволод, Арьянда, Лизавета Павловна, Марья Кузминишна, Сережа, Анна, Валя, Катя, Пата, Тата, Катя, Саша, Костя, Маня и Толя! Шлю Вам мои дорогие всем вкупе по низкому сердечному поклону и

желаю Вам получить от Господа доброго здоровья, а наипаче душевного спасения и всего самого лучшего». Иногда, своих племянников он называет юное поколение, младое племя. И, практически в каждом письме, просит у дорогой Маменьки родительского благословения.

Нет ни одного послания, где бы Александр Петухов не спрашивал «чем занимаетесь, что делаете? Как обстоят полевые работы, заготовили ли сено на зиму» Сокрушается, что их теперь на «полчеловека меньше стало», этим пол человеком он называет себя. «Где маменька нашла себе пристанище и не очень ли ей там не удобно? Так уж позаботьтесь, чтобы устранить как-либо неудобства. Как здоровье Гены? И как идет работа, т.е. идет торговля с Вашим обществом потребителей?».

Он переживает и о материальном благополучии родственников. Так в письме от 31 августа 1914 года Александр Трофимович спрашивает, «не берут ли за мои письма, неоплаченные марками письма, двойных денег, хотя это и не полагается, но я тогда буду приклеивать марки». Также в письмах за 1916-1917 гг. он просит не присылать ему деньги и посылки, «потому как это дорого».

Тоска по дому прослеживается в каждом его письме: «Нас трое спит в отдельной маленькой комнатке, так вот, заберешься туда на свободе, в тишине мечтаешь. О чем? Конечно, о родине и родных».

Или «...При малейшей возможности я достаю из карманной записной книжки ваши послания и читаю, и перечитываю их до самозабвения, храню их, как самое дорогое здесь для меня». Письма, получаемые от родных, Александр Петухов сшивает в папки. За годы службы таких папок у него образовалось несколько. Он просит родных, чтобы писали больше. Вот письмо от 17 марта «вы напишите мне огромное письмо с целую небесну ростом, чтобы на пол суток хватило читать один раз. И во всех подробностях напишите».

В нескольких письмах автор возвращается к одному и тому же событию, несчастью, которое постигло их семью – умер малолетний племянник Сережа. Он скорбит вместе со всеми об утрате, в тоже время старается подбодрить родных. «Он такой был ласковый, умный и милый. Быть может, он и раньше предчувствовал, что не здешний житель и поэтому был одарен больше. Но очень печалится не надобно, потому что для него это большее счастье в таких младенческих летах избежать всех горестей и тревог земного существования и вступить в небесную жизнь чистым, незапятнанным, да и пусть воспоминание о нем наводят на нас не тоску, а грусть, как об утрате всего лучшего бывает, а вместе с тем и радость за него в сознании того, что он тем и видит и переживает недоступное нашему понятию блаженство, а в наших сердцах будет ему вечная память».

Не обходит Александр Петухов в своих письмах – тему войны и воинской службы. Хотя, касается ее не в каждом письме. Он сообщает родным последние сводки с фронтов, информацию о которых черпает из газет, либо пересказывает со слов раненных, поступающих на лечение в госпиталь.

Первоначально, он пишет об успехах армии. «Война отодвигается все дальше и дальше, сегодня в газетах пишут что Русские войска одержали над Австрийцами большую победу и между прочим взяли в плен около 30000 солдат и офицеров, французы тоже потрепали германцев и также англо-французские войска тоже разбили германский отряд» Или «По слухам наши войска приготавливаются к осаде Кракова и с падением его можно было бы ждать конца войны».

А вот еще «В настоящее время идут бои на северо-западном фронте на большом расстоянии около Ломжи, Прасныша, Осовца, Млавы и т.д. им хотелось прорваться и захватить железнодорожный путь, к чему они и прилагали отчаянные усилия, но они не увенчались успехом и их опять гонят на свою землю и говорят, что много их положили».

Также Александр Трофимович сообщает: Сегодня опять телеграмма: наши между прочим взяли еще 1 генерала, 35 тыс. нижних чинов и много офицеров, а также различного имущества.

Но чем дольше длится война, тем больше печали, тревоги в его письмах «В окопах теперь жизнь очень тяжела. Представьте себе: ров сверху ничем не закрыт, тут и снег, и холод, а под ногами грязь непролазная, сапоги у многих плохие. И в этом рву безвыходно надо находиться и носу не высунешь на волю, а то как раз подстрелят. Впрочем, от такой жизни многие говорят, те, кто были там, что смерти очень бы рады, и ждешь ее, чтобы избавиться от всего этого».

Описывая, Рождественские гуляния Александр Трофимович упоминает и о том, что «Германские аэропланы тоже прилетели поздравлять и бросают бомбы и очень недалеко, взрывы сильные, а по ним стреляют из крепости и из расположения воинских частей».

«Вот уже остается немного времени до Рождества Христова, а там и Новый год, уже 1916, т.е. третий по счету от начала войны – не шутка и много пришлось пережить в этот период времени почти всему человечеству на земном шаре. Не осталось почти не одного клочка земли, где бы этой войной не затронуло».

Совершенно другими глазами смотришь на автора письменных посланий, после прочтения таких отступлений. «Вы обращали свои взоры на это прекрасное задумчиво - мечтательное светило? А оно так тихо и величаво совершает свой путь и с высоты смотрит на несчастное мечущееся человечество, которое забыв свое человеческое достоинство и заповедь «не убий» старается как только возможно больше истребить созданий подобных себе. И из-за чего? У Лермонтова сильно сказано по поводу этого в отрывке «Валерик»:

Я думал: Жестокий человек,
чего он хочет? Небо ясно,
под небом места хватит всем,
лишь одиноко, ежечасно,
один враждует он - зачем?

До глубины души трогают и такие раздумья Петухова:

«Тихо – тихо все, а воздух мягкий, теплый, и как-то не можешь представить себе, что где-то гремит орудийная и ружейная пальба, и каждую минуту чья-нибудь жизнь насильственно прекращается. Или здоровый молодой человек превращается в живой труп – в калеку на всю жизнь, и страданий и физических и нравственных такой океан. А Божий мир между тем так хорош бы, если бы не эти, самими нами придуманные, созданные своими руками страдания. И что за животное это – человек? Потому что даже он не может даже быть приравнен к зверю, потому что звери, по крайней мере одновидные, не истребляют и не враждуют друг с другом, как человек, который считает себя венцом природы, разумным существом и изыскивает всевозможные способы, чтобы как можно больше уничтожить себе подобных. Но я начал-то за здравие, а свел за упокой. Я

пока здоров, что будет дальше, не знаю. Положение мое то же, что и раньше. Иногда станет грустно вспомнивши о прошлом. Возвратится ли, думаешь, оно?»

Закончилась война. Александр Трофимович вернулся домой. Казалось, что все самое плохое и трудное позади. Но вскоре в своем дневнике он напишет «Ну и испытание выпало на нашу долю. Лучше бы не родиться или умереть пораньше, а что будет дальше. Господи, дай силы перенести это всё с терпением. Какая жестокость нечеловеческая. Прости им, Господи, не знают, что делают».

В день своей кончины (29 ноября 1960 года) Александр Трофимович сделал последнюю запись в своем дневнике, словно предчувствовал: «Вот и настал мой последний час».

О дальнейшей судьбе Александра Трофимовича Петухова можно прочитать в статье Людмилы Цветковой «Господи, дай силы перенести всё это с терпением» в газете «Сельская новь» от 22 октября 2015 года.

По рассказам внучатой племянницы Людмилы Ивановны Калугиной, в юности Александр Трофимович любил девушку из бедной семьи, подрабатывавшую в их доме некоторое время (Марию Фёдоровну Шихмарёву из Спас-Лома). Чувства молодых были взаимны, Александр просил у маменьки родительского благословения на брак, но она выбор сына не одобрила, посчитав невесту им неровней. Позже девушка вышла замуж за другого. «Все мои надежды разлетелись в прах», - гласит запись в его дневнике. Полюбить еще раз ему так и не довелось.

М.Ю. Трубицына,
к.ф.н., доцент кафедры отечественной филологии
и прикладных коммуникаций ГИ ЧГУ

Поэтический мир Череповца в книге Ольги Вальковой «В доме Орнатских».

Книга Ольги Ивановны Вальковой «В доме Орнатских» [1] относится к жанру семейной хроники, это первая ее глава, повествующая о судьбоносной встрече в тяжелые 1920-е годы в городе Череповце Наталии Николаевны Астаховой - внучки царского генерала Логинова и Ивана Феофановича Валькова – выходца из крестьянской среды, окончившего историко-филологический факультет Московского университета.

**Генерал
П.П. Логинов**

**О.И. Валькова
(Цакуль)**

Встреча.

Должно быть где-то, в книге Бытия
Все наши дни записаны заранее:
И этот день с осенними цветами,
И те, которые, скользнув меж нами,
Уже ушли в незримые края...

Все будет так, как писано в скрижали:
Наступит, прозвучит и сникнет вдалеке,
Как образ тех, кого мы провожали,
Как парусник, уплывший по реке.

Но в этом предсказуемом потоке,
Ты знаешь, есть одна живая новь,
Какой-то ключ, какой-то свет глубокий,
Необоримый, плещущий сквозь строки,
Чрез дни и годы, через все зарок –
Есть неизведанность.
Есть встреча. Есть любовь.

1982 [2, с.3]

Семья Астаховых: Николай Аполлонович, бывший офицер в отставке, его супруга Наталия Петровна и две дочери Наталия и Татьяна, переехали из Санкт-Петербурга в Череповец в 1919 году, спасаясь от голода и репрессий.

Н.А. Астахов

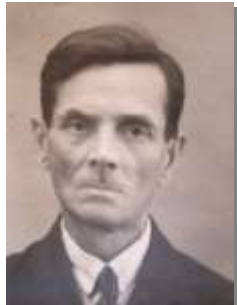
Череповецкий этап их жизни продолжался 17 лет, семья внесла значительный вклад в культурное развитие и благоустройство города. [3]

Астахов Николай Аполлонович работал в Череповецком леспромхозе. Активно трудился над озеленением города: проектированием и выращиванием новой части Соляного сада, насаждением бульваров, созданием фрагментов зеленых

насаждений вдоль Советского проспекта, у Соборной горки, участвовал в оформлении театральных постановок.

Астахова Наталия Петровна преподавала музыку и пение в Череповецком педагогическом техникуме, организовывала концерты, хоровые ансамбли, музыкальные постановки.

Автор книги О.И. Валькова – жена Кирилла Ивановича Валькова, ознакомившись с архивом семьи Астаховых-Вальковых, издала книгу, в которой органично сочетает воспоминания и комментарии К.И. Валькова и письма Наталии Николаевны Астаховой и Ивана Феофановича Валькова.

И.Ф. Вальков

В сюжете этого романа в письмах можно выделить две части: первая часть – это время радостного общения – знакомство, танцевальные вечера, семейные обеды, прогулки.

В интонации писем уважительный тон постепенно сменяется на задушевный, ласковый, полный любви и заботы:

Н.Н. Астахова

«У меня неотступно перед глазами Ваше усталое бледное лицо. И я знаю, что Вы все еще находитесь в спешке, едите впопыхах, спите мало. Так хотелось бы устранить все, что вредно для Вас. Я бы хотела дать Вам большую чашку молока, усадить Вас на диван, где бы яркий свет не утомлял глаза и ненужные деловые мысли не тревожили бы сознание. Я хотела бы, чтобы Вы слушали музыку, и никуда не спешили». 11 ноября, 1919 г. [1, с.17]

В первой части переписки мы видим главную героиню как удивительно чистую, верующую, образованную девушку. Она обсуждает с Иваном Феофановичем пьесу Мориса Метерлинка «Синяя птица», цитирует строчки стихов, исполняет произведения Грига и Бетховена, чувствует и может описать красоту природы, серьезно относится к молитве.

«Вы сможете зайти за мной в церковь. Я обязательно должна быть сегодня в церкви. Я должна постоять некоторое время перед Ликом Спасителя с открытой душой. Я должна почерпнуть там силы быть хорошей». 8 ноября, 1919 г. [1, с.17]

«Когда пишу Вам или читаю Ваши письма, тогда я слышу музыку Грига и тогда я близко около Вас. Дорогой, как много Вы мне дали света, который я теперь могу давать другим». 24 ноября 1919 г. [1, с.17]

По мнению литературоведа Л.Я.Гинзбург: «Мемуарная литература подобна поэзии, открытым и настойчивым присутствием автора». [4, с.137]

В возвышенную мелодию сердца вливаются стихотворные, музыкальные и христианские мотивы. Духовное богатство и внутреннее благородство героини обладает большим воспитательным воздействием на читателя. По словам Ю.М.Лотмана: «Культура <...> - это своеобразная экология человеческого общества». [5, с.470]

«Интеллигентность<...> – это вежливость, душевная чуткость, умение страдать не только от физического удара. Это, когда человек чувствует, что у него есть душа». [5, с.472]

Леушинское подворье

Завершается первая часть рассказом о венчании в церкви Леушинского подворья, описанием паломничества в Леушинский и Горицкий женские монастыри. Кульминацией становится посещение горы Мауры и молитвенный обет, произнесенный на этом святом месте – если родятся сыновья, то дать им имена Сергей и Кирилл в честь преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского.

Через 55 лет, в 1974 году, один из этих мальчиков, а тогда уже Кирилл Иванович Вальков, напишет стихотворение «Я дарю тебе этот край!», посвященное Кирилло-Белозерскому монастырю:

Я дарю тебе этот Край,
Край студёной, смиренной доли,
Ширь, открытую всем ветрам,
Зов разрушенных колоколен.

Я дарю тебе тихий свет
Этих нищих озёр белесых,
Синь лугов, узор перелесков,
Монастырских стен силуэт.

Эту сень одинокой кущи,
Над которой звоны гудели;
Тайну дней, куда-то бегущих,
Тишину заброшенных келий.

Я дарю тебе эту боль
Неисполненного завета.
Эту призрачность, эту голь,
Здесь мой путь начинался где-то.

Я дарю тебе этот миг
Грозных туч, пронёсшихся мимо;
Этот облик и этот лик
Красоты, для мира незримой.

1974. Белозерск – Кириллов. [2, с.51]

Страшная послереволюционная действительность врывается в светлый уютный мир семейства Астаховых-Вальковых. Во второй части переписки мы узнаем об аресте и заключении Ивана Феофановича Валькова сначала в Череповце, а потом в Бутырской тюрьме.

Переживание этих событий: разлука, передачи в тюрьму, рождение первенца, болезнь Наталии Николаевны, нечаянная радость освобождения Ивана Феофановича, рождение второго сына и объединение семьи дается в эмоциональных письмах Наталии Николаевны.

В драматический период в образе Наталии Николаевны высвечиваются черты, свойственные тысячам русских женщин, смиренно, кротко и одновременно мужественно и незаметно совершавших свое христианское служение: простаивание у тюремных дверей, непрестанная молитва о родных и близких: *«Вот когда моей вере экзамен! На меня стена надвинулась, и вот, если я найду силы с истинной верой призвать Его, с такой верой, что все против, а я искренно и светло улыбнусь, тогда Ты сразу придешь».*

3 декабря, 1920 г. [1, с.26]

Неслучайно, на иконе Новомучеников и исповедников Российских 12-е клеймо посвящено исповедническому женскому подвигу: *«Мой родной, я не могла при людях перекрестить тебя, но мне так хотелось это сделать, укрепить тебя моей верой. Я сейчас все время мысленно с тобой. Господь тебе поможет. Он не разлучит нас».* Ноябрь, 1920 г. [1, с.23]

В письмах предстают реалии Череповца почти столетней давности: храмы – церковь Рождества Христова, Благовещенская, Воскресенский собор, улицы - Воскресенский проспект, Крестовская улица.

Воскресенский проспект

Христорожественская церковь

«Сегодня вечером я была у всенощной в Рождестве, так как завтра Введение во храм Пресвятой Богородицы. Шла в церковь одна, но дошла хорошо. Собственно, молиться я не могла, а присела на окно, чувствовала, что каждое произносимое в церкви слово молитвы проникает в самую глубь мою, касается чего-то обнаженного, и я плачу, плачу до конца всенощной». 3 декабря 1920 г. [1, с.25]

Семья Астаховых проживала не в самом городе, а в примыкавшем к нему селе под названием «Рождество» (окрестности храма Рождества Христова). Астаховы снимали половину большого светлого дома у вдовы священника – отца Михаила Орнатского.

Священник Михаил Орнатский родился в 1857 году, окончил Новгородскую духовную семинарию, начинал свое служение в Новгороде, с 1887 года служил в Староёрговской церкви Череповецкого уезда, с 1906 до 1915 года - в Христорожественской Шехонской церкви Череповецкого уезда. Особенную любовь завоевал среди учащихся 1, 3,4-го приходских училищ. В собраниях духовенства мнения отца Михаила всегда были авторитетными. Служил священник 34 года, награжден золотым наперсным крестом, орденом Святой Анны III степени.

Жена – Мария Николаевна - родилась 10 декабря 1860 года - была дочерью священника Устье-Угольской церкви Николая Голубева и сестрой отца Кирилла Голубева - священника церкви Рождества Христова.

Дом Орнатских не сохранился, но благодаря художественным деталям и упоминаемым фактам в тексте воссоздается не внешний вид или его архитектурные особенности, а теплая лирическая атмосфера дружной семьи Астаховых.

«Вечер. Мама играет на рояле. Это такой вечер, каких много я могу вспомнить: любимая музыка, книги, карандаш в руке и душа, полная звуков. Но сегодня не карандаш и не книги, а письма Вам – дорогому моему ангелу-хранителю». 11 октября, 1919 г. [1, с.12]

«Дорогой, мне бы хотелось воспользоваться случаем и поработать в библиотеке. Придите за мной, как только освободитесь, то есть часов не ранее семи, и мы тогда вместе побегим в Рождество». 10 ноября, 1919 г. [1, с.16]

Соляной городок

Тихий вечер. Мне ясно слышны
Скрип качелей и смех в саду.
Я один по дорожкам пышным
Потихоньку туда бреду.

Как угрюмы и одиноки
Наши северные сады!
Ранней осенью спят глубоко,
Свесив лапы ветвей седых...

По вершинам высоких елей
Голоса улетают вдаль,
И всё медленней скрип качелей.
Тихий вечер. Моя печаль.

1939 [2, с.18]

В доме Орнатских Наталия Николаевна получает благословение родителей на брак с Иваном Феофановичем, здесь рождается ее второй сын Кирилл, которого крестил настоятель церкви Рождества Христова отец Кирилл Голубев, расстрелянный в 1937 году.

Еще один череповецкий адрес Астаховых-Вальковых – дом купца Зайцева на пересечении Воскресенского проспекта и Федосьевской улицы. Дом с мезонином, с маленьким палисадником. На площади, прямо перед южным фасадом дома – церковь Благовещения.

Название книги символично. Дом Орнатских связывает в единое полотно истории семей священнических - отца Михаила Орнатского, отца Кирилла Голубева, дворянской Астаховых, крестьянской Вальковых, значимых в развитии церковной, культурной, образовательной сферах Череповца 20 века.

Благовещенская церковь и церковь ап. Иоанна Богослова

Мемуары Ольги Ивановны Вальковой раскрывают поэтические грани в знакомом образе индустриального города.

- 1 Валькова О.И. В доме Орнатских. - Вологда: Древности Севера, 2012.
- 2 Вальков К.И. Как странен мир. – СПб, 2005.
- 3 См. об этом: Слово о родной деревне /Автор-сост. Л.Г.Яцкевич (Калачева). – Вологда, 2011.
- 4 Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л, 1963.
- 5 Лотман Ю.М. Воспитание души. – СПб, 2003.

Фотографии из архива Кирилла Ивановича Валькова, доктора архитектуры, профессора, академика РАЕН. Санкт-Петербург, июль 2015 г.

Роман Жиганов,
ученик 9 класса, туристско-краеведческий клуб «Исток»
МБОУ ДОД «Дворец детского и юношеского творчества им. А.А. Алексеевой

Научный руководитель:
О.М. Мануйлова,
педагог дополнительного образования высшей квалификационной
категории, методист высшей категории
МБОУ ДОД «Дворец детского и юношеского творчества им. А.А. Алексеевой

Детство череповецкого школьника в начале 20 века (по воспоминаниям Есина Н.Ф.).

Сейчас жизнь детей значительно отличается от жизни молодежи начала XX века. Та жизнь совсем не мыслима и мало представляема для нынешнего поколения. В этой работе я попытался отобразить жизнь Череповца начала XX века в глазах Есина Николая Феофановича, в глазах ребенка, жившего на Источницкой улице.

Источницкая улица (позже она именовалась Детской, а современное название ее – Набережная) по воспоминаниям Николая Феофановича Есина, «была самая нижняя улица города. За ней была заболоченная луговина, кочки и река Ягорба». Николай Феофанович вспоминает сад, граничащий с одной стороны Источницкой улицей, с другой – Крестовской, а сзади сада болотистая местность и река

Ягорба. В саду находилась часовня, сзади за алтарем квадратный сруб в три-четыре звена, деревянный пол, здесь из земли бьет ключевая, студеной вода. Один раз в году сюда приходил крестный ход, в часовне служили молебен, воду в ключе святили, и граждане ее как святую набирали в бутылочки.

Николай Феофанович вспоминает, что во время крестного хода «в сруб в воду бросали деньги, в основном медные копейки, некоторые в бьющую ключом воду не попадали, а раскидывались по деревянному настилу сруба. После того, как крестный ход, т.е. иконы и хоругви уносили, наступал праздник для нас малышей, подростков. Дождавшись ухода взрослых из сада и от ключа, мы, мальчишки, т.е. Елагины, Кузнецовы, Челноков, Евграфовы, забирались в сруб голыми ножонками, вылавливали руками из студеной воды мелкие монеты, на которые позже в лавке, стоящей на углу улиц Источницкой и Крестовской, торговца Пошехонова, покупали пряников и конфет, а так же других сладостей». Сад, часовня, как и улица, назывались Источницкими. Праздником считался день, в который отмечали так же «Источницы». Сюда с крестным ходом на молебен приходило много народу из города. В работах краеведа Хрусталева мы видим подтверждение этой информации¹. В советское время, она была и

электроподстанцией, и сушильной камерой лесопилки. По инициативе и при участии горожан часовня в 2008 году была восстановлена, сейчас она является храмом².

Николай Феофанович отмечает такую деталь, что в это время «в деревне Борок, находившейся на противоположном берегу р. Ягорбы, был местный праздник, там гуляли, пили водку, дрались, играла гармошка «Черепанка» под драку».

Из воспоминаний мы узнаем, что семья Есиных жила напротив сада. Вот как пишет об этом Николай Феофанович: «Мы же квартируем в двухэтажном доме во дворе, занимаем второй этаж. В первом этаже половина занята под складское помещение, комнатка с кухней в этом этаже занималась вдовой еврейкой. Дом принадлежал домовладелице Красильниковой. Сама же она тут не жила, а лишь получала квартирную плату за проживание в домах. При чем надо сказать, жили без ремонта, потолки протекали, в комнатах холодно, зимой на столе и в ведрах в кухне вода замерзала. Плохо было, но надо с семьей жить и даже уважать хозяев».

В воспоминаниях мы нашли описание празднования Рождества в Череповце. «Ночь под Рождество. На улице мороз, небо ясное, луна сияет. Трещат в стенах бревна, окна замерзли, ничего не видно через них. В комнатах холодно, ходим в валяной обуви и в пальто. Печь топится весь день, но тепла нет, все выдувает, уходит через стены. Еще задолго до праздника разучиваем рождественские молитвы, песнопения. Мы с братом Василием клеим из бумаги, готовим «Вифлеемскую звезду». Рано утром пойдем Христа славить, морозно, но ничего. Наказали матери, чтобы она разбудила нас пораньше, но этого не потребовалось. Проснулись, еще темно, забрали звезду, склеенную из бумаги и раскрашенную, и пошли.

Скрипит под ногами снег. Быстро идем на Крестовую улицу, свернули на Благовещенскую (ныне Социалистическую). В окнах домов теплятся огоньки, или из трубы идет дым. Значит, уже не спят, проснулись. Подходим на огонек к дому в пять окон по фасаду, значит здесь живут побогаче. Стучимся в дверь, просим пустить «Христа прославить». Дверь открывают, пропускают дальше через кухню в комнаты. Остановливаемся у порога, видим украшенную елку, запеваем: «Рождество твое Христе боже наш, возсия светом разума...», пропев, поздравляем хозяев с праздником. Нам дают три копейки. Окрыленные удачей, спешим в другой дом. Если двери закрыты, то стучим, если нет, то открываем, впуская в дом клубы морозного воздуха, и запеваем, славим Христа, поздравляем хозяев, а чаще хозяйку, с праздником и получаем копейку или две. Были случаи, когда нам говорили через дверь: «Только что двое ушли славильщиков», - тогда уже уходили ни с чем. Вот так и ходим целое утро, иногда обгоняя таких же, как мы славильщиков, а иногда пропуская вперед».

Но не всегда детей встречали по-христиански. А дальше в воспоминаниях описан такой случай: «Вот большой дом, здесь надо послать Христа, в окнах огни, надо идти. Беремся за скобку двери, дверь открывается, просторная большая кухня, чисто, кладем на лавку у двери шапки и запеваем: «Рождество твое Христе боже...». «Вон мерзавцы, сукины дети!» слышим из соседней комнаты приближающийся к нам раздраженный голос. Из соседней комнаты показывается мужчина. Забыв шапки, быстро поворачиваемся к выходу из дому, в сени, на крыльцо в мороз без головных уборов. В след нам летят наши шапки и, подняв их из снега, поглубже натянув на головы, бегом, не оглядываясь, помчались к своему дому на Источницкую улицу».

Несмотря на такие случаи, все же славильщики были довольны, ведь принесли чуть ли не тридцать копеек медных денег.

Расскажем подробнее о жизни семьи Есиных. Отец был неграмотен. В поте лица он старался работать, чтобы одеть, обусть и прокормить семью в 7 человек детей. Специальности он никакой не имел. Летом работал на пароходах плавающих по реке Шексне, то матросом, то официантом. Зимой служил у частных хозяев: Красильниковой, Чурилихи, Зухарева; в клубах Мещанском и Дворянском то коридорным, то официантом. Иногда хозяева его отправляли в деревни обслуживать богатые свадьбы.

Должность отца была презренная, таких работников называли «лакеями», «шестерками». Платили в месяц шесть рублей, получая от загулявших господ иногда на чай. Вот на шесть рублей плюс подачки «чаевые», на это и жил отец с семьей. Мать, имея на руках малолеток и большую семью, работать не могла.

Особенно было трудно, в те периоды, когда отец был болен «запоем». Больше всего страдали от этого дети, и не только от голода. Николай Феофанович описывает такой случай: «В один из таких периодов брат Вася чувствуя голод (в доме не было корки хлеба) решил просить милостыню, т.е. как говорили ради Христа просить хлеба. Мать постыдила его, но и пожалела, ведь он видел, что голодают все, и тайком пошел просить милостыню. От его хождения горько плакала старшая сестра Анна. Он оказывается, зашел в дом, где жила подруга Анны, та подала ему белого хлеба кусок, а затем рассказала все сестре».

Вся надежда семьи была на старшего сына Николая. По окончании трехгодичного приходского училища его определили учиться в Городское училище. Если в приходском платили за обучение 3 рубля в год, то здесь надо платить 5 рублей. Многого ожидали родители, определяя сына учиться в городское, а в последствии переименованное в Высшее начальное училище г. Череповца. Они полагали, что после его окончания он будет им помощником в жизни. Вот как характеризует Николай Феофанович обучение в этом заведении: «Но по существу безотрадную картину представляло учение здесь. Я учился в Высшем начальном училище г. Череповца два года 1908-1909 и ничему не научился». Далее он приводит весьма нелестные характеристики некоторых преподавателей училища.

После двух лет учения Николай устроился на Череповецкий лесопильный завод Волкова Алексея Ивановича. Завод находился в селе Рождество на берегу р. Шексны. Взяли его рабочим на подвозку пиломатериалов из лесоцеха на биржу. Николай Феофанович так описывает свой рабочий день: «Работал по 10 часов в сутки, получал по 3 копейки за час, как чернорабочий. Причем рабочий день распределялся так: утром выходил в 6 часов и работал до 11, затем шел домой и потом выходил на работу еще на 5 часов, т.е. с 6-ти вечера до 11 часов и так целую неделю. На следующую неделю выходил работать с 12 часов дня до 5 часов вечера и затем с 12 часов ночи до 5 часов утра. Причем я жил на Источницкой улице у р. Ягорбы, а на работу ходил через весь город в село Рождество». Конечно, трудно было ребенку 12-13 лет покрывать такие расстояния, ходить пешком и работать 10 часов в сутки. Отец видел его тяжелую жизнь и понимал, что сыну нужна специальность. Сначала он мечтал приспособить к сапожному ремеслу, отдать в ученики к сапожнику, но жалко было отдавать в ученики на несколько лет к грубому, неграмотному пьянице сапожнику.

Но судьбу Николая изменила одна встреча Феофана Петровича с Леонидом Васильевичем Афетовым преподавателем Александровского технического училища, у которого попросил совета насчет Николая. Он выслушал Феофана Петровича и порекомендовал подать заявление на имя директора училища для обучения на казенный счет, так называемым «казеннокоштным пансионером». Его дочь Зинаида помогла мальчику подготовиться к вступительным экзаменам.

Из воспоминаний Николая Феофановича мы узнаем некоторые сведения о вышеупомянутом известном в Череповце историке-краеведе Афетове: «Леонид Васильевич, был седенький старичок, ласково улыбающийся. Он с семьей занимал дом, принадлежащий техническому училищу и находящийся на территории такового в конце сада. Калитка выходила на Технический переулок. Дом стоял в конце аллеи, обсаженной всевозможными, специально завезенными деревьями. Здесь были посажены и тополь серебристый, и ясень, и пихта и многие другие деревья. Вдоль всей аллеи по сторонам скамеечки». Данные сведения дополняют сведения работы Э.П. Риммер «Афетов и его рукописи «Исторический очерк Череповецкого Воскресенского монастыря»: «... Леонид Васильевич так же получил право бесплатное проживание на территории в казенном деревянном одноэтажном доме с садом и огородом.» С большой теплотой и любовью писал о своем учителе и наставнике Николай Есин: «Афетов Л.В. – преподаватель истории и географии, седенький старичок, скромный, простой в общении, уважаемый воспитанниками-пансионерами – являлся сердечным, душевным человеком»³.

Афетов дал Николаю наставление: «Будешь четыре года учиться и работать в школьных мастерских. Жить будешь при училище, там тебя будут кормить, одевать, обувать. Во время летних каникул жить будешь дома, но одежда будет тебе казенная. Говорят, что много желающих учиться на казенный счет, заявлений подано около сорока, а принять могут лишь 3-4 человека. Готовься к экзаменам по-серьезному». Афетова Зинаида Леонидовна занималась с четырьмя мальчиками в течение двух месяцев для поступления на казенный счет учиться в техническом училище. С Николаем Есиным занимались такие же дети бедняков Федя Чернов, Вася Лопатин и Ваня Чучин, который после окончания училища стал военным летчиком, Георгиевским кавалером⁵.

Все эти ребята после экзаменов увидели себя в списке принятых в училище казеннокоштными пансионерами.

Но о дальнейшей жизни Николая Феофановича в Череповце написано в другой работе.

Изучая воспоминания Есина Николая Феофановича, мы открыли для себя новый, совсем не похожий на современный, Череповец начала 20 века. Мы узнали о жизни, нравах и трудовых буднях обычной череповецкой семьи, каких в городе было много, получили новую информацию об Источнической часовне, которая много лет не функционировала и только теперь возрождена, о традициях, связанных с празднованием одного из главных православных праздников. Мне было интересно, как мальчишка из бедной семьи, благодаря помощи одного из преподавателей, стал студентом Александровского технического училища, что сказалось на его дальнейшей жизни.

Литература:

1. Хрусталева М.Ю. Часовни г. Череповца. Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 3.
2. Голос Череповца. – 2010. - 23 марта (№ 11). – С. 9.
3. Есин Н. Они были первыми // Научный архив ЧерМО, Р. 1769/849, стр. 3-4.
4. Милютинские чтения. И.А. Милютин и социокультурный мир русской провинции: от прошлого к будущему: Сборник научных работ. Вып. 6 / Ред.-сост. А.Е. Новиков. – Череповец: ФГБОУ ВПО ЧГУ, 2013, стр. 109.
5. Вепринский В. Поединок / В. Вепринский // Вологжане – Георгиевские кавалеры. – Череповец, 1992. – С. 14.

А.А. Козлов,
экскурсовод, старший научный сотрудник
МБУК «Череповецкое музейное объединение»

Из истории ул. Социалистической (Благовещенской): по воспоминаниям и другим источникам.

На улице Социалистической, бывшей Благовещенской, до настоящего времени еще сохранились несколько старинных зданий в их практически первоначальном виде (это дома № 12, 28, 29, 33, 52). В том числе проходя мимо них, можно попытаться представить, как выглядел «исчезнувший» город Черёповец и каким он был в кон. XIX – сер. XX вв. К сожалению, в недавние годы «сгорели» оставшиеся на улице деревянные дома (№ 1, 3, 31, 37); последний такой случай произошел в июне 2016 г., когда сгорел дом № 8. Некоторые дома были перестроены, часто с искажением изначального исторического облика либо отстроены заново как новоделы (№ 4, 22, 25, 27, 40, 48, 50). Многие деревянные дома давно снесены, так что вместо них сейчас стоят современные коттеджи и многоэтажки. Также вместо прежних деревянных домов на этой улице значительное место занимают территории котельной № 3, детского сада № 124, средней школы № 1, кондитерской фабрики.

Кроме улицы Благовещенской в городе Черёповце имелись Благовещенский храм и Благовещенская площадь (ныне Красноармейская). Все названия были связаны с таким православным праздником, как Благовещение – это возвещение Архангелом Гавриилом Пресвятой Деве Марии о скором рождении Иисуса Христа.

Улица Благовещенская стала называться Социалистической в 1919 г., согласно постановлению Череповецкого губисполкома. Новое наименование вполне соответствовало общественно-политическим настроениям и ожиданиям того времени. Основатель социалистического государства Ленин В. И. писал, что только социализм может удовлетворить интересы трудящихся, и провозглашал, что новый строй даст советскому человеку такие блага, о которых трудящиеся в странах капитала могут только мечтать. Как объяснял Калинин М.И., социализм – это когда каждый может купить никелированную кровать и подарить жене одеколон. Да и много лет спустя из местных газет можно было узнать, что Череповец является «ярким примером глубоких социалистических преобразований...»

«Реконструировать» прежний облик улицы Социалистической можно, если соединить воедино многочисленную информацию из самых разных источников. Это материалы технической инвентаризации, архивные документы, фотофиксации, старые адресные книги и телефонные справочники, карты и планы города прежних лет, а также воспоминания, рассказанные старожилками, в том числе переданные ими в Череповецкий краеведческий музей его работникам – хранителям исторической памяти в 1980-х гг.

Например, любопытная подробность приведена у Кадобнова Ф.И. в его «Кратком очерке возникновения города Черёповца...» (1909 г.), в котором есть такая фраза: «Вместо прежней пресловутой гостиницы “Лондон” – притона разгула, красуются здания женского профессионального училища...» Речь идет о двух соседних двухэтажных зданиях, ныне имеющих адрес: ул. Социалистическая,

д. 50 и 52. Первое из них деревянное, а второе краснокирпичное, построенное в начале XX в., имеющее элементы в духе неоренессанса и получившее статус памятника архитектуры. Женское профессиональное училище открылось в 1887 г. при попечительстве богатого череповецкого купца-банкира Тарасова Степана Петровича. В старых документах встречаются такие еще названия его, как женское хозяйственно-ремесленное училище и женская профессиональная школа. Кроме общеобразовательных предметов, ученицы занимались домоводством, рукоделием, а также огородничеством и т. п. Училищу был дан участок земли под учебный сад и огород; на том месте ныне находится кинотеатр «Комсомолец». А на улице Социалистической в бывших зданиях училища в советские годы размещались: школа, кинопрокат, сельхоз. инспекция, отделы треста столовых, ресторанов и кафе, инспекция Госстраха, штаб и курсы гражданской обороны.

Интересны воспоминания, рассказанные Ивановой Еленой Николаевной, которая родилась в 1906 г. и жила в Череповце до 1925 г., после чего уехала в Ленинград, поступив в институт. Ее брат Константин (1903-1994) учился в техническом училище в одной группе с В.П. Чкаловым и стал водником, еще одного брата звали Петр... Их дед, купец Иванов Константин Осипович являлся владельцем быв. дома семьи Верещагиных (ныне ул. Социалистическая, 22), его женой была Яргомская Аполлинария Павловна. Своего сына Николая они женили на Кузнецовой Елизавете Васильевне, дочери рыбинского пароходчика. Впоследствии она стала известной в Череповце портнихой. Одна воспитывала 4 детей, поскольку муж оставил семью и уехал из города. Дом, в котором они жили, она впоследствии продала (Красильникову) и купила рядом стоящий соседний дом, в который и переехала вместе с детьми (до нашего времени он не сохранился). После революции она работала в больнице водного транспорта. У ее свекрови, Яргомской (в замужестве Ивановой) Аполлинарии Павловны были сестры Елизавета Павловна (в замужестве Смирнова), Мария Павловна (в замужестве Шангина), Анна Павловна (в замужестве Желвакова, бездетная) и брат Яргомский Иван Павлович, у которого была своя большая семья: несколько сыновей (Андрей, Иван, Коля и др.) и дочь Мария (Маруся).

Иванова Елена Николаевна вспоминала, что по четной стороне улицы стояли следующие дома:

- Верещагиных;
- Ивановой (то есть их дом, куда они переехали; ранее он принадлежал наследникам крестьянина Алексея Архиповича Кудрявцева);
- Репиных (двухэтажный каменный дом с садом, а не огородом как у других, поскольку «это были помещики»; ныне его адрес: ул. Социалистическая, д. 28);
- Прониных (двухэтажный дом в глубине участка, «как бы в саду», до революции его хозяева приезжали только на лето из С.-Петербурга, у них были дети Миша и Таня, «мы с ними общались и любили играть в их дворе»);
- маленький домик (Кадобновых или Прониных; «там жили две бабушки»);
- Кадобновых («с Виктором дружили мои братья, а его сестры Лена и Нина были старше нас»);
- Яргомских (большой деревянный дом на 7 или 8 комнат);
- угловой дом («не знаю чей, но там жил врач Квашонкин, который пользовался огромным авторитетом как любимый доктор»; адрес этого дома был: ул. Социалистическая, д. 38).

А на противоположной нечетной стороне находились такие дома:

- угловой дом («сгорел, когда я была еще совсем маленькой»; это был ветхий одноэтажный деревянный дом, принадлежавший наследникам Демидовой Александры; у художника Верещагина В.В. кстати в воспоминаниях написано, что

«в Череповце мы остановились в доме наших старых знакомых, купцов Демидовых, где прежде имели годовую квартиру»; потом на данном месте стоял двухэтажный деревянный дом Кабачинских, перевезенный одним из членов их семьи с берега Шексны);

- Портновой («тети Мани, с ее внучкой Маней мы дружили»);

- Трапезниковых два дома, «там жило много квартирантов»: а) Богдановы («их дети Зина, Леля, Павлик – наши друзья, Леля потом была солисткой в Ленинградской капелле»), б) в том же доме «жила наша подруга Аня Ляпина, дочь регента»;

- два дома купца Смирнова Николая Васильевича, «нашего дяди Коли, его жена тетя Лиза Яргомская»; с их детьми Лилей (по мужу Ушаковой) и Таней (по мужу Гавриловой) «были закадычные друзья»;

- каменный двухэтажный, «чей, не знаю», жили Белавины (дети Нина и Юра, их мать – учительница в гимназии); ныне адрес данного дома: ул. Социалистическая, д. 27;

- угловой, «чей, не знаю (детей не было)»; ныне адрес данного дома: ул. Социалистическая, д. 29.

А «на перпендикулярной улице» (ул. Карла Либкнехта) жили: Багаевы (отец известный сапожник), Лихачевы (их дети Леня и Зоя), Бутарины (их дети Поля и Митя), Евлашовы (дети Нюра и Таня). Еще Иванова Е.Н. дружила с детьми из большой семьи Гурьянова Федора Васильевича, живших на соседней улице Дворянской (Пролетарской): с Гурьяновой Катей (в замужестве Ушаковой), Гурьяновым Ромой и другими.

Есть также интересные воспоминания З.С. Остапчук (Калачевой), которая рассказывала: «Дом моего деда, в котором прошло мое детство, двухэтажный, бревенчатый, без затей и украшений, но добротный и удобный, стоял в нескольких шагах от дома Верещагиных, такого же простого, двухэтажного. Мы, дети, бегая мимо него, и понятия не имели о его былых обитателях. В школе даже имя Верещагиных не упоминалось. Еще бы! Дворяне, белоручки-мироеды, враги народа!» Кроме того, она сообщила, как на жизнь их семьи повлияла деятельность Н.В. Верещагина: «Многие сотни людей прошли обучение у Николая Васильевича и его соратников. Закончил такие трехдневные курсы и мой дед, крестьянин вологодской деревни. На собранные в долг у земляков деньги купили не новое оборудование и принялись работать всей семьей. Вскоре крестьяне из соседних деревень стали сдавать ему молоко. В пятом часу утра мою маму <Анну>, тогда ученицу церковно-приходской школы, усаживали на телегу с бидонами. <...> С тетрадкой для записи количества сданного молока она объезжала соседские деревни. <...> Готовое масло дед сдавал в Череповце купцу. Получив деньги, рассчитывался с крестьянами. У них появился стимул к увеличению удоев, к увеличению поголовья скота. Соответственно росло благосостояние. Разбогател и мой дед: он построил дом в городе; дети стали учиться в гимназии и в реальном училище; двое старших – в институтах Петербурга. Семнадцатый год порушил все... Большая семья едва сводила концы с концами. Дом был заложен, так что реквизировать было нечего. Но все-таки мы были объявлены “лишенцами”, то есть были лишены права голоса и устройства на работу...»

Обратим внимание на некоторые дома по ул. Социалистической.

Например, на проектном чертеже 1876 г. старинного большого двухэтажного каменного дома, сохранившегося до настоящего времени (ныне ул. Социалистическая, д. 28), указано, что данный дом строился по проекту губернского секретаря Павла Подшивалова для «череповских мещан, братьев Сергея, Филиппа и Алексея Михайловых <детей> Кадобных» (Кадобновых ?). В

материалах инвентаризации кон. XIX – нач. XX вв. он указан как дом Никоновой Татьяны Ивановны, вдовы коллежского асессора. В воспоминаниях Ивановой Е.Н. он назван домом Репиных. То есть владельцы его менялись. С пятью окнами по фасаду, он схож с некоторыми аналогичными домами на Советском пр.

По данным на кон. XIX – нач. XX вв., на этой же стороне улицы далее стоял деревянный одноэтажный дом, принадлежавший наследникам дворянина Королева Александра Ивановича. Затем были деревянный одноэтажный дом мещанки Кадобновой Прасковьи Алексеевны, деревянный двухэтажный дом мещанина Кадобнова Алексея Ивановича, и рядом с ним далее стоял большой деревянный одноэтажный дом мещанки Яргомской Марии Ивановны. К сожалению, все эти дома давно снесены. Кадобнов Алексей Иванович – это родной брат Кадобнова Федора Ивановича (вышеупомянутого автора «Краткого очерка возникновения города Черёповца...»). У Алексея Ивановича было пятеро детей (Иван, Евгения, Елена, Виктор, Нина). Например, его старший сын Кадобнов Иван Алексеевич женился на дочери своего соседа Яргомского, занимавшегося извозом. В Санкт-Петербурге живет их дочь, рассказавшая об этом. В Череповце фамилия Кадобновых была одной из распространенных.

Двухэтажный каменный дом на противоположной стороне (ныне ул. Социалистическая, д. 27) принадлежал мещанину Кадобнову Василию Дмитриевичу. Смежно с ним были расположены участки, выходявшие на Воскресенский, ныне Советский проспект и принадлежавшие мещанам Кадобновой Марии Васильевне и Кадобнову Александру Павловичу. Севернее находились участки, принадлежавшие семье Милютиных, в частности на быв. участке мещанки Милютиной Анны Николаевны в начале XX в. был построен большой одноэтажный дом с мезонином, сохранившийся до нашего времени (ныне ул. Социалистическая, д. 29 / ул. Коммунистов, д. 23). Он деревянный, но имеет черты, присущие каменному зодчеству. Железный навес-зонт с инициалами «А. С.» имеется на фасаде этого дома.

По диагонали от него на том же перекрестке привлекает внимание большой двухэтажный полукаменный дом по адресу: ул. Социалистическая, д. 40 (ул. Коммунистов, д. 18). Когда-то это был дом мещанки Агафоновой Марии Ивановны. Рядом находился деревянный двухэтажный дом (ул. Социалистическая, д. 38) на участке, который до революции принадлежал мещанке Агафоновой Александре Ивановне.

А далее по улице стояли несохранившиеся три деревянных дома, некогда принадлежавшие мещанам Челнокову Ивану Ивановичу, Челнокову Александру Ивановичу и снова Челнокову Ивану Ивановичу (ул. Социалистическая, д. 42, 44, 46). Сохранился лишь дом по адресу: ул. Социалистическая, д. 48 (ул. Ленина, д. 33). Но он ныне двухэтажный, поскольку надстроен в 1930-х гг. с пристройкой в нач. 1950-х гг. Сейчас там банк, а ранее была так называемая «Трикоотажка» (трикотажная фабрика, до того артели «Объединенная работница», «Трудшвей»). А изначально это была одноэтажная мясная лавка – мещанина Челнокова Ивана Ивановича, построенная в конце XIX в. По-соседству расположен двухэтажный деревянный дом (ныне ул. Ленина, д. 29), принадлежавший купчихе Прониной Юлии Николаевне.

Есть некоторые сведения по адресам на ул. Социалистической в нач. 1930-х гг.:

- строительная контора – склад № 2 (ул. Социалистическая, д. 2);
- врач В.И. Мельников (ул. Социалистическая, д. 5);
- портновская мастерская (ул. Социалистическая, д. 15);
- Чубуков (ул. Социалистическая, д. 17);
- детский дом (ул. Социалистическая, д. 29);

- оптовый склад Райпо (ул. Социалистическая, д. 33);
- управление Череповецкого Промкомбината (ул. Социалистическая, д. 40).

Промкомбинат представлял собой торгово-промышленное объединение, в составе которого находились: фабрика обуви «Диктатура Пролетариата», механический завод «Красная Звезда», бумажно-картонная фабрика им. ВЦСПС, бумажная фабрика им. 7-й годовщины Октября, кожевенные заводы им. К. Маркса и им. Ильича;

- окружной Отдел местного хозяйства (ул. Социалистическая, д. 40);
- заведующий Горотместхоз ГМХ (ул. Социалистическая, д. 40);
- окружное пожарное управление (ул. Социалистическая, д. 40);
- 2-я единая трудовая советская школа II-й ступени (ул. Социалистическая, д. 50/52);
- эксплуатационный подотдел ком. хоз. (ул. Социалистическая, д. 54);
- фотография И.Р. Айнбиндера (ул. Социалистическая, д. 61);
- Чекопромстархкасса (ул. Социалистическая, д. 62);
- артель «Химик» (ул. Социалистическая, д. 62);
- швейная мастерская артели «Трудшвей» (ул. Социалистическая, д. 62);
- склад сырья «Кожсиндикат» (ул. Социалистическая, д. 70);
- портновская мастерская (ул. Социалистическая, д. 78);
- слесарная мастерская (ул. Социалистическая, д. 83);
- Казанцев К.П. (ул. Социалистическая, д. 105);
- жестяная и слесарная мастерская (ул. Социалистическая, д. 111);
- Хрястов (ул. Социалистическая, д. 118).

В 1950-х гг. на данной улице находились:

- Череповецкий строительный участок № 2 треста «Вологодстрой», стройучасток № 2 (ул. Социалистическая, д. 53);
- ремконтора (ул. Социалистическая, д. 72);
- артель «Объединенная работница» (ул. Социалистическая).

По данным на сер. 1980-х гг., известны такие адреса:

- комплексная ПМК-315 (ул. Социалистическая, д. 29), база которой находилась на Кирилловском шоссе.
- приемник-распределитель для несовершеннолетних (ул. Социалистическая, д. 40);
- отдел сельхоз. инспекции (инспекции по закупке и качеству сельхозпродуктов), отделы Треста столовых, ресторанов и кафе, инспекция Государственного страхования (Госстраха) Индустриального района (ул. Социалистическая, д. 50);
- штаб гражданской обороны города и курсы гражданской обороны (ул. Социалистическая, д. 52);
- РСУ противопожарных работ (ул. Социалистическая, д. 61).

Есть воспоминания горожан, живших на улице Социалистической в 1940-х гг., например, о том, что во время Великой Отечественной войны к ним были заселены летчики или другие военные, служившие на Матуринском аэродроме. В то время на улице Социалистической, когда все старые дома были одно-, двухэтажными, каждая из семей занимала 1-2 комнаты, а кухня с плитой и прочие помещения являлись общими, как в коммунальных квартирах. Во дворе могли находиться огороды, сарайки для дров и домашних животных (например, коз). Все соседи хорошо знали друг друга. Поэтому старожилы часто вспоминают всякие подробности наподобие того, что «у нас была соседка, работавшая врачом-гинекологом и любившая слушать на патефоне пластинки М. Магомаева, из-за чего ее муж очень сильно ревновал...» Просим всех череповчан, чьи родители жили на улице Социалистической (или других), также фиксировать наиболее

примечательные воспоминания о старом городе и факты из жизни, по возможности сохраняя их.

Приложение.

Улица Социалистическая (быв. Благовещенская). Репродукции фотоснимков разных лет

ул. Социалистическая, д. 2, 4

ул. Социалистическая, д. 1

ул. Благовещенская

ул. Социалистическая, д. 10 (слева) и 8 (справа)

ул. Социалистическая, д. 12

ул. Социалистическая, д. 18 (слева) и 14 (?)

ул. Социалистическая, д. 22 (слева) и 20 (справа)

ул. Социалистическая, д. 22 и далее.

Деревянные дома на месте сквера им. Рубцова

ул. Социалистическая, д. 28

ул. Социалистическая, д. 38 (слева) и др.

ул. Социалистическая, д. 25 (справа) и др.

ул. Социалистическая, д. 40 (в центре), 38 (справа)

ул. Социалистическая, д. 40

ул. Социалистическая, д. 25, 27, 29, 31

ул. Благовещенская

ул. Социалистическая, д. 29, 31, 33, 35

ул. Социалистическая, д. 31, 33, 37

ул. Социалистическая, д. 48, 46, 44

ул. Социалистическая, д. 50

ул. Благовещенская

ул. Социалистическая, д. 52

ул. Социалистическая, д. 56-58 (?)

А.Е. Новиков,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры связей с общественностью,
журналистики и рекламы
Гуманитарного института ЧГУ

Повседневная жизнь череповчан во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. (по воспоминаниям Н.И.Новиковой).

В XX столетии, как известно, получила развитие новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой стала сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. Она получила название «истории повседневности» (англ. everydaylifehistory; нем. Alltagsgeschichte; франц. histoirede la viequotidienne).

Развитие истории повседневности оказалось связано прежде всего с поисками представителей школы «Анналов», которые поставили перед собой задачу «восстановления истории в ее всеохватности и целостности»¹. Французские историки указанного направления считали историю повседневности частью «макроконтекста жизни прошлого». Так, по замечанию Н.Л.Пушкаревой, Ф. Бродель «увидел в прошлом» медленное чередование периодов «большой длительности», в которые была включена и повседневно-бытовая составляющая. В экономике любого общества он предложил видеть два уровня структур: структуры жизни материальной (предметной) и жизни нематериальной (непредметной), охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики. Этот второй уровень и был назван им «структурами повседневности»². К ним, по мнению французского историка, можно отнести условия жизни человека, его трудовой деятельности, потребности в жилище, питании, одежде и т.д. и возможности их удовлетворения.

С другой стороны, вопросы истории повседневности оказались в центре внимания представителей микроисторического направления исторической науки, в частности, немецкого историка А. Людтке, призывавшего обратить внимание на «жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории»³.

Таким образом, сформировалось понимание прошлого как «истории снизу», а предметом исторического исследования стала жизнь «маленького человека». При этом в рамках исследования истории XX века появилась возможность обращения к *методу устной истории*, связанному со сбором и записью «жизненных историй», интервью всех видов, которые становятся фактически новым видом источников – вторичным. Именно такой исследовательский метод, заметим, был использован нами при подготовке настоящего материала, в основе которого – беседы-интервью с Н.И.Новиковой, дополняющие уже опубликованные ее воспоминания⁴...

Нина Ивановна Новикова (в девичестве Решеткина) - моя мама – родилась 18 ноября 1928 г. в селе Чудь Абакановского с/с Череповецкого района в семье сельских учителей.

Ее мама – Александра Ефимовна Кулакова (Решеткина) (1902-1989) была учительницей начальных классов в сельской школе и, работая в разных школах Череповецкого района (Чудской, Абакановской, Яргомжской и других), все время

жила в деревне. А её отец – мамин дедушка – Ефим Иванович Решеткин (1878 - 1959), имея профессию бухгалтера, жил и работал в городе Череповце. В трехлетнем возрасте моя мама заболела корью, и дедушка под тем предлогом, что в деревне нет врачей и некому лечить, забрал ее в город, где она и воспитывалась потом. Настоящим поводом, по-видимому, послужила личная жизнь Александры Ефимовны, которая в это время второй раз вышла замуж...

Так моя мама стала городской жительницей... Впрочем, судя по ее рассказам, городская жизнь в то время не сильно отличалась от деревенской. Город Череповец перед войной был фактически большой деревней. Большинство домов в городе были деревянными, каменные дома располагались в основном на Советском (бывшем Воскресенском) проспекте. Дедушка Ефим Иванович вместе с Фавстой Ивановной и Нинушкой (как называли в детстве мою маму) жили сначала в комнате деревянного дома на улице Заря Свободы. Потом летом 1936 года переехали в новый двухэтажный дом по улице Горького, 8, располагавшийся рядом с Соляным парком (ныне – парком культуры и отдыха)⁵. Дом этот (до настоящего времени он не сохранился) был построен дедушкой вместе с еще двумя работниками Череповецкого леспромхоза – Анатолием Георгиевичем Колесниковым и Павлом Сергеевичем Долгушиным («дядей Палей», как я его звал будучи маленьким) и Михаилом Платоновичем Шубиным, который, по словам моей мамы, был «каким-то начальником» и «ходил в кожаном пальто».

Хозяйство многих черепан было полунатуральным. Многие держали разную живность – коров, кур... У маминых бабушки и дедушки, например, в сарае жили куры, разгуливавшие днем по двору, а у ее подружки Гали Володиной была корова, даже какое-то время – две (вторая была записана на квартиранта, так как две коровы держать не разрешалось, а потом ее продали), так как в ее семье было восемь детей. Они сначала жили в Рождестве, а потом купили дом на Максима Горького (находился на месте одного из пятиэтажных домов напротив здания ЧГУ на Горького, 14), и моя мама вспоминает, как они вместе с Галей гоняли корову на пастбище за Ягорбу...

А с курами у дедушки Ефима Ивановича однажды случилась такая история. Летом он любил спать в сарае. Но один раз петух так раскричался, что не давал ему заснуть. Ефим Иванович рассердился на него и выставил его из сарайки на двор. Но тот раскричался там еще пуще... Так и не удалось дедушке в ту ночь нормально поспать... А еще дедушка Ефим любил по утрам есть тюрю – так бабушка Фавста Ивановна называла мешанину из желтков сырых яиц...

Еще одна деталь. Каменных домов в городе было мало. Асфальта никакого не было (только Советский проспект был вымощен булыжником). Машины были редкостью. Про автобусы, конечно, тоже никто не слышал. По городу передвигались в основном пешком и... на извозчике (которые, очевидно, еще были в городе в первой половине 1930-х гг. Во всяком случае, мама вспоминает, что, когда они жили на Заря Свободы, неподалеку от тюрьмы, в коммунальной квартире, то среди их соседей была семья извозчика и из комнаты, где они жили, частенько доносилась ругань и звуки пьяного разгула...). Правда, были еще черные воронки, разъезжавшие по ночам. Но желающих добровольно покататься на таком транспорте, конечно же, не было... Вообще в основном использовался гужевой транспорт, наличие которого имело определенные плюсы: весной, когда оттаивал снег, с дороги собирали конские «яблоки» и несли на огород (бесплатное удобрение!), ведь у многих в городе были огороды (в том числе у маминых бабушки и дедушки), где выращивались необходимые овощи – картофель, морковь, свёкла, капуста...

Кстати, о продуктах... Питание, конечно отличалось значительно. Рис, например, по словам мамы, был редкостью. Ели картошку. Иногда – тушеную в

русской печке с бараниной (дедушка Ефим покупал на рынке). Из песка почему-то варили сахар, добавляя молоко – на примусе (основным видом домашнего «топлива» тогда был керосин, который покупали в магазинах-керосинках, просуществовавших в городе до 1970-х гг.) или в той же русской печке. Варенья варили мало, а ягоды в основном сушили и ели потом с чаем. Конфет в таком количестве, как сегодня, не было. А иногда и вообще их не было (мама моя, в частности, лакодилась грецкими орехами, на которые постоянно просила у дедушки Ефима денег...) Но однажды бабушка Фавста Ивановна и говорит ей: «Конфеты в магазин привезли. Возьми денег да купи, сколько сможешь». Мама моя и отправилась в магазин, да не один раз в очередь завернулась и накупила конфет (леденцов между прочим). Принесла их домой, отдала бабушке, которая сразу припрятала их в укромное место, а потом долго они эти конфеты ели, чай с ними пили...

Про хлеб. Как-то за хлебом были очереди и на «череповецком Олимпе», по словам мамы, решили, что колхозники покупают хлеб и кормят им скот. Это было неправдой: хлеба, действительно, покупали много, но не для того, чтобы кормить им коров, а чтобы есть самим, сберегая при этом имеющееся зерно про запас. А власти придумали следующее: все, жившие на улице М.Горького поблизости от магазина №3, должны были сшить полотняные мешочки, написав на них адрес дома и фамилию. Работники магазина наполняли мешочки хлебом и привозили на тележке к дому. Мы, по словам мамы, забирали хлеб, а мешочки отдавали обратно. Так продолжалось около месяца...

В целом быт, конечно же, отличался очень сильно. Отопление везде было печное: и дома, и в школе... Для школы дрова заготавливали сами ученики: вылавливали топляки из Ягорбы, а потом на машине отвозили их к школе...

Электричество, по воспоминаниям мамы, появилось примерно в середине 1930-х гг. Соответственно, и утюгов электрических тогда еще быть не могло... Были чугунные, в которые накладывали уголь из печки и так гладили... Белье бабушка полоскала на речке, иногда мама тоже ей помогала. Белье на реку носили в корзине...

Телевизоров тогда тоже не было. Было проводное радио. Но бабушка не разрешила его провести в квартиру на М.Горького, так как считала, что «радио все врет». Она была неграмотной, и дедушка Ефим Иванович читал ей и моей маме по вечерам вслух книги (например, мама помнит, как читали «Чука и Гека» А.Гайдара) и газеты.

С одеждой тоже было непросто. Готовое платье в магазине купить было сложно... Покупали ткани, потом шли к портнихе, которая шила то, что требовалось. Причем и ткани купить было не так просто. Один раз бабушка Фавста Ивановна всю ночь простояла в очереди и купила два отреза клетчатой ткани – моей маме на платье... А ей почему-то эта ткань не понравилась. Она разревелась. Не надо, мол, мне из этой ткани платья. Даже соседи все сбегались успокаивать Нинушку. А потом знакомая портниха сшила маме из этой ткани костюмчик, который она полюбила и носила очень долго...

Таковы некоторые штрихи к описанию повседневной жизни черепан (череповчан) во второй половине 1930-х-начале 1940-х гг., почерпнутые мной из воспоминаний и рассказов моей мамы – Новиковой Нины Ивановны...

Примечания:

¹Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследования // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>.

² Там же.

³ Цитируется по: Щербинин П.П. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) // http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/12/2004_1_sherbinin.pdf.

⁴ См.: Новикова Н.И. Из воспоминаний череповецкого старожила // Череповец: Краеведческий альманах. Вып.2. – Вологда, 1999. С.123-130; Новикова Н.И. Записки череповецкого старожила. (Избранные главы) // Непростые пути к знаниям: Образование в век двадцатый глазами очевидцев. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2010. С.94 – 187.

⁵ Новикова Н.И. Записки череповецкого старожила. (Избранные главы) // Непростые пути к знаниям: Образование в век двадцатый глазами очевидцев. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2010. С.126.

Приложение.

Нина Решеткина. 4 года.
Фото из архива семьи Новиковых.

А.Е. Кулакова (Решеткина). 1920-е гг.
Фото из архива семьи Новиковых.

Е.И. Решеткин.
Фото из архива семьи Новиковых.

Ф.И. Решеткина (в девичестве – Верескова).
Фото из архива семьи Новиковых.

Дом №8 по ул.М.Горького. Первая половина 1980-х гг. Фото А.Е. Новиков

Слушатели курса повышения квалификации (бухгалтеров?). 1920-е гг.(?)
Во втором ряду сверху – третий слева П.С. Долгушин,
четвертый справа – Е.И. Решеткин. Фото из архива семьи Новиковых.

Галя Володина (слева) и Нина Решеткина. 1940 г.
Фото из архива семьи Новиковых.

Продовольственный магазин (№3?), находившийся на месте «Детского мира» на ул.Горького. Фото из открытого источника.

Н.И. Новикова с автором статьи. Май 2010 г. Фото В. Рябова.

«Инструктор Манин работает по-стахановски»: карьера советского управленца 1930-х-1950-х гг.

Биографическое описание не только позволяет исследователю проследить жизненный путь конкретного человека, но и открывает возможности для реконструкции историко-культурной ситуации в целом. Хочется представить биографию одного советского человека, тесно связанного с Череповцом и Череповецким районом. Это Манин Степан Афанасьевич, человек, занимавший в течение своей жизни различные руководящие посты, хороший организатор и верный своим убеждениям член партии. Эта биография призвана показать дух эпохи, осветить основные направления деятельности советского управленца 1930-х – 1950-х гг., раскрыть через историю человека страницы истории нашего города и района. Жизненный путь Степана Афанасьевича восстанавливается благодаря документам личного архива и также воспоминаниям.

Степан Афанасьевич любил порядок во всём. В архиве сохранились бесценные свидетельства ушедшей эпохи: удостоверения, справки, газетные и журнальные вырезки, заявления, даже пригласительные билеты на конференции – всё в хронологическом порядке и тематически рассортировано. По этим документам можно не только восстановить даты и события, но и попытаться реконструировать психологические аспекты: что было важно для данного человека, чем он гордился, какого отношения к себе требовал.

Манин Степан Афанасьевич родился в 1902 году в деревне Сафоново Нелазской волости Череповецкого уезда в семье крестьянина. Окончив в 1916 году Нелазское двухклассное училище, он поступил учиться в Череповецкое Александровское техническое училище по специальности столярное и слесарное дело, но в 1918 году, отучившись 2 с половиной года, покинул его (с 3 курса) и по специальности в дальнейшем не работал. Дальнейшая его деятельность была связана с сельским хозяйством.

В 1923 году он был избран членом Борисоглебского сельского совета. В 1927 году Абакановским волостным съездом советов был избран членом ревкомиссии.

В 1929 году Степан Афанасьевич стал одним из организаторов сельскохозяйственной артели «Вперёд» и, соответственно, её председателем, затем членом правления. Имущество, имевшееся у него до вступления, движимое и недвижимое, было передано в общее пользование безвозмездно. Согласно акту обревизирования, первоначально в состав артели вошли 7 хозяйств деревни Сафоново. Впоследствии к ним присоединились хозяйства других селений Борисоглебского сельского совета. В 1931 году Степан Афанасьевич был избран его председателем.

Затем по настоянию компартии (сохранилась требовательная телеграмма: *«РК ВКП(б) предлагает сдать дела по Борисово-Глебскому с/с и немедленно принять Вахновский с/с у тов. Фролова»*) в 1932 году он становится председателем Вахновского с/совета, что успешно выполнял еще 2 года. Настолько успешно, что сельсовет был премирован 5 тысячами рублей за выполнение плана строительства и ремонта дорог. Товарищу Манину

дополнительно была вручена премия 500 рублей за образцовое руководство. Сельсовет участвовал и в конкурсах на лучший по работе с/совет. Несмотря на указанные факты, Степан Афанасьевич получал и партвзыскания с характерной формулировкой за «*допущение в колхозы в 1931 году кулацкого элемента и несвоевременное изгнание их из колхоза*» и за «*укрытие соц. происхождения*».

О колхозах под руководством Манина С.А. неоднократно писали в местных газетах, ставя в пример. Так, в одной из вырезок, заботливо подшитых С.А. Маниным, отмечено, что Борисоглебский сельсовет под его руководством перевыполнил план дорожных работ, отремонтировав тракт Череповец-Андога, Судский подъездной путь Нелазское-Абаканово, подъездные пути к колхозам и коммуне. Об успешном выполнении финплана свидетельствует другая вырезка: «*лучше всех на финансовом участке в 3-м квартале работал Вахновский сельсовет (пред. Тов. Манин), перевыполнивший план на 32 проц. ... Они известны всему району как образцовые*». В «Коммунисте» от апреля 1934 г. Вахновский с/с назван образцовым, выполнившим все задания в срок и получившим премии от облисполкома и ВЦИКа. «*Вахновский сельсовет идет в числе передовых сельсоветов района по проведению хозяйственно-политических кампаний. Из года в год перевыполняется план дорожного строительства. В четыре дня размещен заем второго года второй пятилетки. Вовремя выполняется финансовый план. На 15 сентября выполнен план хлебопоставок*» - рапортует сам С. Манин в заметке «*Больше крепить связь с массами*». Целый разворот журнала «Под знаменем советов» посвящен деятельности Вахновского с/с в этот период: успешному выполнению планов, развитию животноводства, дорожному строительству, увеличению доли женского труда, лесозаготовкам, развитию образования и пр. В рекордно короткие сроки сельсоветом был построен шестидесятиметровый мост через реку Кондушу.

За свою деятельность сельсовет и его председатель были выдвинуты на премирование Всесоюзной конкурсной комиссией. Что интересно, сельсовет до прихода Степана Афанасьевича значился отстающим по всем позициям.

Степан Афанасьевич награждается грамотами ударника, грамотой Президиума ВЦИК за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (*поднятие материального уровня колхозов и колхозников, выполнение всех обязательств перед государством и вовлечение в работу колхозного актива*, 13 апреля 1934 г.), грамотой ЦИК по всесоюзному конкурсу Советов за организацию масс по выполнению плана дорожного строительства (17 апреля 1935 г.), грамотой за ударную работу по реализации займа «Второй пятилетки» (*передовому борцу на фронте Госкредита*) и пр.

С ноября 1931 года Степан Афанасьевич стал кандидатом в члены ВКП(б). однако был принят в партию только спустя 8 лет (1939 год).

В конце 1934 года Степана Афанасьевича выдвигают на должность инструктора орготдела Череповецкого райисполкома. Главную причину быстрого перехода с/советов из отсталых в передовые называет еще одна журнальная статья под названием «*Инструктор Манин работает по-стахановски*»: хорошие организаторские способности инструктора орготдела райисполкома тов. Манина и его умение работать с людьми. В статье отмечается, что под руководством тов. Манина теперь (на конец 1934 года) 11 сельсоветов с 77 колхозами, и в каждом из них все проблемы и неудачи решаются с помощью инструктора Манина и его богатого опыта, ведь на работу с людьми он «*не жалеет ни сил, ни времени. ... учит председателей сельсоветов работать, растит колхозных руководителей*».

В 1934 г. Степан Афанасьевич был избран членом пленума Ленинградского облисполкома. Соответственно, он участвовал в Ленинградском областном

Финансовом совещании и Пленуме Ленинградского областного исполнительного комитета, о чем свидетельствуют сохранившийся пропуск и делегатский билет.

Параллельно Степан Афанасьевич учился в заочной Совпартшколе и на многочисленных партийных курсах, в том числе при институте советского строительства им. М.И. Калинина. Причем, согласно письму Ленинградского областного исполнительного комитета советов, в Институт советского строительства должны были посылаться на учёбу только тщательно отобранные и проверенные кандидатуры, которые впоследствии справлялись бы с руководящей советской работой. Второе письмо облисполкома прямо рекомендует прислать на обучение от Череповецкого РИК именно товарища Манина.

В 1937 году Степан Афанасьевич работал Зав. орг. отделом и Зав. сектором кадров Череповецкого районного исполнительного комитета. В этом же году он был командирован на Ленинградскую областную конференцию членов союза работников Госучреждений делегатом с правом решающего голоса.

Затем Степан Афанасьевич стал председателем культполитсовета и председателем артели «Новый путь». В 1940-1941 гг. был назначен и.о. директора совхоза «Политотделец», парторгом его же. До 1943 года был начальником политотдела Череповецкой МТС.

В Великую Отечественную Степан Афанасьевич был призван в ряды Советской армии 17 июня 1943 года. Он получил направление в Вологду, затем в Архангельск на курсы переподготовки командного состава «Выстрел», где пробыл до марта 1944 г, получив звание лейтенант.

5 марта 1944 г. был направлен на Ленинградский фронт под Псков в местечко Карамышево. В ночь с 31 марта на 1 апреля 1944 года началось наступление на Псков. Степан Афанасьевич был назначен командиром пулеметной стрелковой роты, которую нужно было вести в бой (в составе 56 стр. дивизии, 37 стр. полка). 7 апреля около 12 часов дня он был ранен осколком в правую ногу. Впоследствии он рассказывал про своё ранение: мужчину рядом с ним убило снарядом, а его самого отбросило взрывной волной. Раненого его подобрала медсестра и вывезла на шинели, на волокуше. Бои там были очень серьёзные.

Интересно, что перед уходом на фронт Степан Афанасьевич подарил своим детям перочинный ножичек, наказав, что если они его потеряют, то он не вернется с войны; если же потеряют, а потом найдут, то вернется раненым. Ножичек долго лежал на своем месте, а потом куда-то пропал. Семья его долго искала, плакала, но ножичек вскоре нашелся. А Степан Афанасьевич вернулся живым, но раненым.

На излечении в эвакогоспитале Степан Афанасьевич находился с 11 июля по 23 августа 1944 года, получив 3 группу инвалидности. Первоначально ему было предложено ногу ампутировать совсем, но он отказался, ведь ему нужно было кормить семью.

С сентября 1944 года Степан Афанасьевич вновь вышел на работу председателем райплана в Череповецкий районный исполнительный комитет. С 1947 по 1950 работал завторгом в Череповецком райпотребсоюзе, затем председателем Чагодощенского райпотребсоюза (был специально вызван туда телеграммой для приема дел по руководству). 17 декабря 1950 г. был избран депутатом Сазоновского поселкового совета депутатов трудящихся Чагодощенского района. Затем еще 4 с половиной года работал директором Череповецкого гаража облпотреба.

С 1957 по 1959 гг. по рекомендации райкома партии Степан Афанасьевич стал председателем колхоза «Парижская коммуна». В статье «Весенние всходы»

газеты «Коммунист» от 27 апреля 1958 года отмечается, что отсталый разваливающийся колхоз со сменой председателя стал развивающимся и сильным: отходы льна переработали и получили из них значительный денежный прибыль. Под руководством Степана Афанасьевича в деревне Солманское начали строить клуб, ясли, мастерские и ремонтировать старые сельскохозяйственные строения.

После выхода на пенсию Степан Афанасьевич не прекратил общественной деятельности. В его записях отмечено: «уйдя на пенсию по старости, я выполняю общественные обязанности, работаю в Горсобезе по проверке пенсионных дел и в домовом комитете».

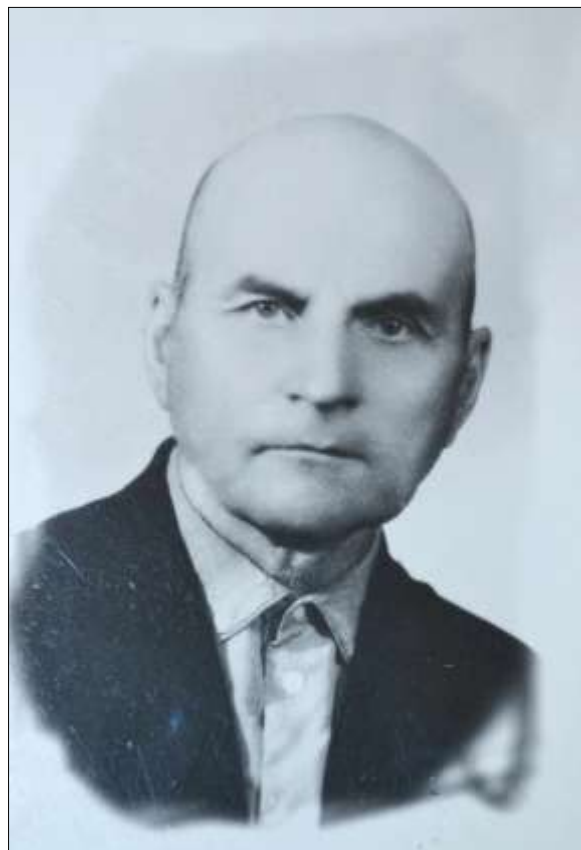
Сохранившиеся документы и воспоминания позволяют попытаться реконструировать и черты личности этого человека. Степан Афанасьевич, по словам людей, знавших его лично, был человеком требовательным, но в то же время и обязательным. Его отличала пунктуальность и любовь к порядку. Несомненно, его биография говорит и о хороших организаторских способностях и активной жизненной позиции. В своих записях он отмечает свои заслуги перед страной и партией, заключая: *«За все время пребывания в партии я все свои силы, знания и энергию вкладывал в строительство социалистического общества!»*.

Карьера советского управленца 1930-х-1950-х гг. зависела от множества факторов: происхождения, организаторских способностей, умения ладить с людьми, умения учиться и учить, активной жизненной позиции и пр. Главной особенностью, естественно, является тесная связь карьеры и партийности – только преданные партии люди могли рассчитывать на получение должности. Вся деятельность Степана Афанасьевича была направлена на выполнение партзаданий, он с семьёй постоянно переезжал туда, где его способности были нужны в данный момент: *«до войны, в период войны и после войны я работал там, куда меня посылала партия Советского Союза!»*

Источники:

1. Акт обревизирования деятельности правления с/хоз коммуны «Вперед» за 1931 год.
2. Билет № 14. Александровское техническое училище. 14.09.1916.
3. Воспоминания Маниной Н.С. Записаны в г. Череповце в 2012 г.
4. Воспоминания Изюмовой Л.С. Записаны в г. Череповце в 2012 г.
5. Выписка из приказа № 16 от 27 декабря 1936 года по областным курсам подготовки и переподготовки советских кадров при Леноблсполкоме. 27.12.1936.
6. Выписка из приказа № 45 по Череповецкому райисполкому от 16.06.1936.
7. Выписка из приказа № 60 от 18.10.1960 г. по череповецкому Промкомбинату.
8. Выписка из протокола № 162 заседания президиума череповецкого РИКа от 7 сентября 37. 10.09.1937.
9. Выписка из протокола заседания президиума Череповецкого райисполкома от 15 января 1937.
10. Заявления С.А. Манина.
11. Личный листок по учету кадров. 6 февраля 1935 г.
12. Лесной А. Инструктор Манин работает по-стахановски. Вырезка из журнала.
13. Постановление Президиума вологодского облпотребсоюза от 14.06.1947.
14. Постановление Президиума Череповецкого райисполкома от 7 мая 1936.
15. Свидетельство № 439. Нелазское 2-классное училище. 26.5.1916.
16. Свидетельство о болезни № 1190. 18.08.1944. Комиссия эвакогоспиталя 2748.
17. Справки и удостоверения из официальных организаций.
18. Студенческий билет № 33. 03.08.1932. Заочная совпартшкола.

19. Удостоверение № 47. 8.05.48. Всесоюзные заочные курсы центрсоюза СССР и РСФСР.
20. Удостоверение № 79. 23.03.49. Всесоюзные заочные курсы центрсоюза СССР и РСФСР.
21. Удостоверение № 980. 25.12.22. Череповецкое техническое училище.
22. Удостоверение об избрании депутатом. Сазоновский поселковый совет. 19.12.1950.
23. Удостоверение. Всесоюзные заочные курсы Центросоюза. 30.05.1951.
24. Удостоверение. Заочные курсы советского строительства при отделе кадров президиума ВЦИК. 03.04.1935.
25. Удостоверение. Ленинградский институт советского строительства им. Калинина. 15.03.1934.
26. Удостоверение. Областные курсы подготовки и перподготовки советских кадров при Леноблисполкоме. № 104. 27.12.1936.
27. Филатов А. Весенние всходы//Коммунист. № 85. 27 апреля 1985.
28. Эйдлина С. Заслуженная премия// Под знаменем советов. 1934. № 2.
29. Характеристика на курсанта шестимесячных курсов по переподготовке районных работников Манина С.А. 27.12.1936.

Манин Степан Афанасьевич

Билет Александровского технического училища

Руководители колхозов. Степан Афанасьевич - нижний ряд, слева.

Фото в госпитале. 1944 год.

София Волкова,
ученица 10 класса, туристско-краеведческий клуб «Исток»
МБОУ ДОД «Дворец детского и юношеского творчества им. А.А. Алексеевой»

Научный руководитель:
О.М. Мануйлова,
педагог дополнительного образования высшей квалификационной
категории, методист высшей категории
МБОУ ДОД «Дворец детского и юношеского творчества им. А.А. Алексеевой»

Череповец 50-х годов в воспоминаниях Каютиной А.А.

Мои бабушка и дедушка когда-то давно приехали в Череповец молодыми, чтобы работать на металлургическом заводе. И вот сегодня наша семья крепко обосновалась в этом городе на Шексне. Здесь прошло моё детство, здесь мой дом, здесь мои друзья. А интересно, какой был Череповец в то время? Современному поколению обязательно нужно знать, как рос и развивался их город, их маленькая родина. Воспоминания - это то, с помощью чего мы можем перемещаться во времени, возвращаться в прошлое. Сравнивать как было тогда и как есть сейчас. Окунуться в обстановку наших бабушек и дедушек. Узнать, как они жили раньше. Всё это очень важно для сохранения и передачи духовных ценностей будущей России.

В архиве клуба «Исток» хранятся воспоминания Антонины Андреевны Косолапковой, которая известна жителям города как поэтесса Каютина.

Она любила Череповец, посвящала ему свои стихи. В своем выступлении я расскажу, какой был город Череповец по воспоминаниям Антонины Андреевны. Мы прошли по тем местам, которые описывает автор воспоминаний, сфотографировали их современный облик.

Семья Косолапковых приехала в город Череповец в 1939 году из деревни Пехтеево с территории, затопленной Рыбинским водохранилищем.

Дом Косолапковых находился в зареченской части города на улице Дружной под № 34.

Эта территория между деревнями Борок и Питино была отдана под застройку переселенцам с затопляемой территории.

В воспоминаниях Антонины Андреевны мы нашли страницы, описывающие город ее юности, Череповец 40-50-х годов. Вот как вспоминает она послевоенный город: «Город Череповец был маленьким провинциальным городом. Он состоял из деревянных одноэтажных домов. Лишь на Советском проспекте и улице Ленина были каменные дома.

Череповец был зеленым городом. Березы, тополя, липы, рябины, черемухи росли на каждой улице. В палисадниках цвела сирень. На бульваре Луначарского цвели липы, а еще в городе был сосновый бульвар – Северный. Еще гордость нашего города – сад Соляной. В этом парке были редкие растения. Зеленым оазисом была Соборная горка. Там стояли высокие березы, серебристые тополя, дубы. Дороги были немощеные, только главные улицы были вымощены.

Вдоль дорог тянулись деревянные тротуары».

Антонина Андреевна описывает памятные ей места Череповца. «На улице Ленина был рынок. Там продавали молоко, творог, сметану, яйца, овощи, мясо, рыбу, пирожки, кур, грибы, ягоды, овес, пшеницу, горох. На пустыре около павильонов продавали коров, цыплят, сено, кадушки, корзины, глиняную посуду, свистульки, веники, метлы, дрова. На площадке между павильоном и улицей Энгельса торговали разным

барахлом и подержанными вещами: обувью, платьями, брюками, пальто, игрушками, вязаными кофточками, предметами домашнего обихода».

Больше всего, по воспоминаниям Антонины Андреевны, она любила Советский проспект. «Я иду по Красноармейской улице, дохожу до площади и сворачиваю налево. Вот два старых двухэтажных дома. За ними маленький каменный дом, молочный магазин. Сюда часто ходила за молоком. Очередь была длинная, стоять приходилось на улице несколько часов.

Со следующим домом у меня связаны самые хорошие воспоминания. Это пирожковая. Какие пирожки пекли там! Они были с печенкой и с ливером, жареные, горячие, аппетитные. Я до сих пор не ела ничего вкуснее. Стоили они очень дешево, 5 копеек, большие пирожки, сытные. Двумя пирожками можно было утолить голод. Им не сравниться с теми, которые выпекали на хлебокомбинате впоследствии.

Вот – книжный магазин. В этот магазин я больше всего ходила. Я любила книги. Я любила перебирать их, рассматривать, но не часто я покупала книги – у меня не было денег. Я покупала недорогие книги. Как только я покупала стихи или повесть, или роман, сердце мое наполнялось великой радостью, как будто я завладела каким-то сокровищем. Я любовалась на нее, читала оглавление, не убирала на полку, пока не прочитаю ее. По пути домой я всегда заходила в книжный магазин.

Через один дом от Советского по улице Энгельса – стоит кинотеатр «Горн». Не часто я в юные годы ходила в кино. Посещение кино – это был праздник. Я восхищалась актерами: Орловой, Ладыниной, Тарасовой, Жаровым, Пуговкиным, Кадочниковым. Я смотрела «Цирк», «Кубанские сказки», «Сердца трех», «Близнецы», «Капитан Нэмо», «Трактористы», «Разные судьбы», «Веселые ребята», «Пятнадцатилетний капитан».

Следующее памятное здание – большой, белый, каменный дом. На первом этаже был универмаг. Главный универмаг нашего города. Сколько раз стояли в очередь заштапелем, обувью. Я там купила первый костюм, босоножки, капроновые чулки. На втором и третьем этаже была вторая школа. Сейчас здесь дом учителя». В настоящее время в этом здании на втором и третьем этажах размещается Дом знаний»

Вот как она описывает каменные из красного кирпича здания на углу Советского и Ленина. «Раньше дом был военным госпиталем. Сколько бессонных ночей я провела в нем. Здесь лежали инвалиды войны. Мы на практике делали уколы, перевязывали их, кормили и приносили им пить. У большинства не было родных или от них отказались родственники. Это были несчастные люди. Война все еще не отпускала их. Войной они бредили и вспоминали. Все у них болело, и они не спали ночами. Они рассказывали, как они воевали, как их ранило, о своих родных. И просили написать им письмо. Мы часто читали им книги и журналы. Мы жалели их. Спустя много лет госпиталь был закрыт. В этом здании был горисполком. Когда бывала там, меня преследовал запах гноя и карболки.

Напротив госпиталя гастроном и театр. Гастроном хороший магазин. Там продаются хлеб, булки, сахар, печенье, пряники, конфеты, масло, мясо, колбаса, консервы, молоко, сметана, овощи, фрукты. Мне запомнился этот магазин на всю жизнь. После войны, когда были карточки на хлеб, появился коммерческий хлеб. Коммерческий хлеб давали в одном магазине-гастрономе. Весь город собирался у магазина. Люди занимали очередь с вечера и стояли целую ночь. Номера писали чернильным карандашом на руке. Милиция разгоняла эти очереди. Люди прятались, но как только милиция уходила, народ снова заполнял переулок. Давали только одну буханку хлеба. Я впервые за несколько лет наелась хлеба. Как приятно было нести в руках горячий пышный ржаной хлеб. Коммерческий хлеб был до отмены карточек.

Следующее памятное здание – аптека. Я часто бывала в аптеке. Моя мама болела, да и я не отличалась крепким здоровьем. Лекарства тогда были дешёвыми. Аспирин стоил пять копеек. Лекарство от желудка – три копейки. Микстура от кашля – семь копеек. Ещё я ходила туда за витаминами и гематогеном. Стоило эта покупка очень дешево. Я ела эти лекарства вместо конфет. С торца была библиотека. Библиотекарь была очень строгая женщина. Она

смотрела из под очков так строго, что от её взгляда становилось не по себе. Анна Петровна требовала, чтобы не загибали листы, подклеивали страницы. Второй этаж здания – дом культуры. Там я бывала в детстве на ёлке. В студенческие годы я туда ходила на вечера, на читательские конференции, лекции, на занятия бальных танцев.

Напротив дома культуры – горком партии. По тем временам главное здание в городе. Власть идёт оттуда. Я была в этом доме, когда меня принимали в комсомол. Я долго изучала устав, а потом читала газеты. Мне написали рекомендации. Вместе со мной принимали в комсомол лучших учеников нашего класса. Мы пошли на бюро вечером. В кабинет запускали по одиночке. Мы

волновались, боялись, что зададут трудные вопросы. Но члены бюро настроены были к нам благожелательно. Волнения были напрасны. Всех приняли. Не забуду я Дом пионеров. На зимние каникулы в школе давали билеты на разные мероприятия. Обязательным мероприятием был кукольный театр. Представления обычно проводились в доме пионеров. Каких только сказок я не насмотрелась! Даже дома я стала играть в театр. Я сшила куклы на пальцы играла с ними.

Это здание вызывало у меня страх и почтение. Это здание охранялось. Этот дом назывался – банк. Я только один раз в нём была. Дело в том, что мне

дали рваную купюру. Обменять её можно только в банке. А зато детскую поликлинику я посещала часто. Я болела очень часто. На меня обрушились болезни: свинка, краснуха, крапивница, бронхит, конъюнктивит, ангина, чесотка, фурункулёз, отит, трахеит. Я помню эту тоску, когда сидели в больнице. Когда мне меряли температуры. Советский проспект заканчивается площадью. Прямо от неё идёт спуск на пристань; замощённый камнями. На площади

стоит церковь. Собор древний. Сейчас купола есть позолоченные, и он сверкает в лучах солнца. Комсомольцам было запрещено идти в церковь. Я только один раз была в церкви – после её открытия. Мне было жутко от необычайной обстановки церкви. Лики святых смотрели на меня и от их взгляда становилось страшно. Пение необычное завораживало душу. У меня зарябило от свечей в глазах, заболела от ладана голова. Я не умела молиться и стояла как столб. Все стояли на коленях, все крестились. Все читали молитвы. Священник размахивал кадиллом и благословлял прихожан. Я вышла на паперть и стала ожидать маму. Мама причастилась, взяла просфору, и мы пошли.

Улицу Ленина пересекает улица Луначарского. На ней стоял учительский институт. Институт загороженный железной оградой. В ограде цвели кусты сирени и акации. За зданием был парк. Там росли высокие деревья и стояли скамейки. Здесь любили мы отдыхать весной и осенью. В институте было тепло и уютно. На первом этаже были библиотека и физкультурный зал, а на втором кабинеты и актовый зал. В ней была небольшая сцена. Там мы пели под руководством Татьяны Петровны Бахиной.

На улице Луначарского ещё находился музей. Мы в школьные годы часто совершали экскурсии в музей. Там были звери и птицы нашего края, одежда, обувь нашего народа до революции. Быт помещичьих усадеб. Также в музее были картины нашего земляка Верещагина».

Путешествуя вместе с Антониной Андреевной по Череповцу, я увидела по-новому свой город, узнала об его прошлом. Хорошо, что все памятные для автора

воспоминаний здания сохранились для будущих поколений.

Н.Л. Деревягина,
член литературно-краеведческого центра Н.М. Рубцова Дома знаний

Страницы из дневника З.С. Леляновой «Всё станет прошлым» (записки юной череповчанки 1962 – 68 годы).

Дневник Зинаиды Степановны состоит из трёх частей:
1 ч. – записи 1962 г.
2 ч. – 1963 г.
3 ч. – 1964-1968 гг.

Существует он всего в двух экземплярах. Первый - автор подарила и подписала Рубцовскому центру. Второй – дочери Маше. Имеется и электронный вариант.

Зинаида Степановна Лелянова – член клуба «Госпожа Провинция» и Рубцовского центра. Она активно участвовала во всех делах клуба, а также за короткий срок написала и выпустила ряд своих книг. Среди них – дневник «Всё станет прошлым» 2012 г., интересное литературно-краеведческое исследование «Путешествие по череповецким адресам поэта Н.М. Рубцова» 2014 г., и ряд небольших автобиографических:

- «Зелёная радуга» 2008 г.
- «Гамбург» 2012 г.
- «В Исландию на свадьбу Машеньки и Ёши». 2012 г.
- «Парижские каникулы». 2013 г.
- «Бразильская сказка» 2014 г.
- «Листая записные книжки» 2014 г.

Все свои книги она печатала сама на компьютере. Зинаида Степановна очень помогла нашему клубу «Госпожа Провинция» в создании двух коллективных сборников:

- 1) «Рубцовский сборник» 2008 г.,
- 2) «Душа, подобная звезде ...» (Череповецкий венок Рубцову) 2011 г.

Все тексты воспоминаний череповчан, все стихи череповецких поэтов она также собственноручно отпечатала, и на дисках они были переданы нашему замечательному редактору А.Е. Новикову, кандидату наук, преподавателю ЧГУ.

Какова же история создания дневника? Зиночка училась в первой школе. Училась хорошо, но по какой-то причине очень обиделась на учительницу по русскому языку. Ушла из школы, поступила на работу и продолжила учебу в ШРМ (школа рабочей молодежи). Её сочинения учитель, бывший фронтовик, Андрей Иванович Кузнецов, очень хвалил.

На странице третьей, 1 части своего дневника, Зинаида Степановна пишет: «Учитель литературы настойчиво рекомендовал нам для развития речи учить стихи, прозу, писать больше писем или вести дневник». Так получилась эта замечательная книга, за которую хотелось бы поблагодарить и Зинаиду Степановну, и её учителя.

В своих тетрадочках 16 -18 летняя девушка не кокетничает, не пытается показать себя в лучшем свете, а старательно и подробно описывает события, совершающиеся вокруг неё.

Её дневник - не просто записи в тетрадях. Много лет спустя автор своими руками всё перепечатала, предельно сохранив текст и интонации себя шестнадцатилетней. Отнесла в типографию, и в результате получила три увесистые книги с обилием фотографий нашего города, которые тоже делала сама.

Поражает искренность автора, внимание к мельчайшим деталям бытования череповецкой семьи и города. Удивляет терпение – последовательно, почти каждый день записывать события и факты, с которыми встречалась. В результате и сложилась очень интересная картина жизни нашего города через восприятие девочки.

Она пишет о домике, в котором они живут, особенностях проживания своей семьи и семей многочисленных подружек, о родных и о своей работе, об учебе в вечерней школе и походах в кино и на концерты.

Читая её записи, наглядно чувствуешь, как меняется жизнь вокруг, как убыстряется ритм этой жизни.

Вначале, как в кинокадрах, мы видим маленький, отчасти закрытый мирок одноэтажных деревянных домиков на улице Дзержинского, где она упирается в Красный переулок.

Вот их деревянный домик на две половины. В одной живут семьи Катышевых и Наумовых. В другой – Зина, её мама Нина Фёдоровна, повар, папа, Степан Васильевич Лыков, родом из Хантанова, работает на речном флоте. В этой же половине живет папина сестра, тетя Тася Попова с сыном Валеркой. Многие жители довоенного и послевоенного Череповца жили примерно так же.

Девочка работает курьером, почти везде ходит пешком, т. к. транспорта в городе ещё почти нет. Попутно смотрит по сторонам, многое замечает и обо всём пишет в дневнике.

Вместе с ней мы видим, как в городе начинается большое строительство, и некоторые улицы делаются непроходимыми (ч. I, с.102): «Ну и работка! До часу ездила за Ягорбу. Долго там грязь месила. А земляной каши, заправленной глиной, там хватает. Так ноги засасывало, что сапоги с ног стаскивались».

24 ноября (с. 104, ч. I) Зина записывает: «Вчера, возвращаясь с Катюхой из кино, заметили впереди себя пьяного дядьку. Его мотало как маятник часов. И вот этот дядёк решил перейти улицу Ленина в недозволенном месте. Там всё провалилось, грязь, лужи. Дядька благополучно добрался до середины «рва». Осталось пройти мимо громадной лужи и влезть на тротуар. И надо же! Он сначала сел в эту лужу, а потом улегся в неё. Пожалели мы его жену».

В результате этих старательных полудетских записей получилась настоящая энциклопедия жизни небольшого провинциального городка в самый важный для него момент – рождение завода-гиганта и полное преобразование самого города.

Город растёт, появляются новые детали быта, жизнь меняется молниеносно. Вот кое у кого появились телевизоры, и жители ходят в гости друг к другу на просмотры передач.

Девочки, приходя к подружкам, живущим в новых квартирах, достают из свёртков взятые с собой мыло, мочалки и моются.

Зине удаётся передать в своих записках энергичный ритм жизни нового города. Но она жалеет и уходящую прелесть стареньких улочек, роскошных бульваров, золотых одуванчиков.

Вот что она пишет в 1963 г. (ч. II с. 173): «Город наш обновляется каменными домами, широкими прямыми улицами. Это, конечно, радует. Но так хочется, чтобы и старый город, знакомый и любимый, тоже оставался. А деревянный Череповец потихоньку исчезает. Кое-где уже не понять, какая здесь была улица: остались только следы от бывших домов да заброшенные огороды.

Задумавшись, брела я по тропинке мимо стадиона «Металлург». С северной стороны стадиона проходит главная улица города – улица Ленина. А здесь, с южной стороны ещё заметны старые грядки!

Вдруг из-за высокого забора стадиона прямо на грядку шлёпнулся мяч. Мигом на заборе появилась вся футбольная команда и начала просить: «Девушка, пожалуйста, киньте в нас мячом!» Только с третьей попытки мяч перелетел через забор. Послышалось дружное «спасибо», и забор вмиг опустел: всех как ветром сдуло».

Ещё зарисовка (с. 181 ч. II): «После консультации все пошли «подышать». Прошли новым парком (напротив «Комсомольца»). Как там красиво! Тюльпаны цветут – белые, розовые, красные».

Но старое держится крепко и появляется такая запись: (ч. II, с. 174-175): «На радостях поехали с Талькой (подруга Наталья) на Фанеродеталь... Читали тетрадь Тараса... За чтением не заметили, как нас окружили коровы. Как мы убежали от них!».

А вот что пишет автор о жизни своей семьи. Утром в их квартире все собираются на работу, включают радио и заодно слушают передачи. Любимые передачи всей семьи: «Концерт по заявкам», «С добрым утром», «Театр у микрофона» и т. д.. Но встречаются и такие записи: «19 августа, воскресенье, проснулась в девять часов. Очень хотелось послушать «С добрым утром», но вместо него начал орать Никита Хрущёв. Как он надоел!» Ещё бытовая деталь: «Купили электрический чайник. Теперь утром будем пить горячий чай».

Довольно часто семьёй ходят в кино, а Зиночка ещё и с подружками – почти каждый день, да ещё иногда и два раза в день. Хочется заметить, что в шестидесятые годы многие череповецкие семьи жили очень скромно, но не унывали: «Вчера купила резиновую шапочку для плавания, не ожидала, что так повезёт».

21.09 (ч. I с. 30) «Утром мама дала рубль на питание на два дня. Забежала в культтовары и купила пластинку «Танец для всех» и «Иву». Купила ещё чулки и два пирожка. Рубль целиком истратила. Завтра придётся бегать впроголодь».

Много страниц посвящено учёбе в вечерней школе. Это занятия, экзамены, зачёты, учителя. Из дневника мы узнаём о своеобразии проведения в ШРМ уроков, консультаций, даже экзаменов. Работать учителем в вечерней школе не так-то просто. Но какое же это благо для всех, кто по разным причинам не смог закончить обычную школу!

Учиться и работать было нелегко. 28 ноября (ч. I, с. 108) Зина записывает: «мама разбудила в начале седьмого. Я проснулась около семи. Вскочила с кровати и – в баню! Успела до работы». 29 ноября: «Утром еле раскачалась, ужасно хочу спать почти всё время».

Но, к счастью, все трудности Зиночка преодолела, поступила в Лесотехническую академию в Ленинграде, закончила её.

Она очень строго относилась к своим поступкам, характеру, на щадила себя.

Часть I, с. 108: «Увидела на земле монетку и ... подняла. Да, да, подняла! Думаю, зачем это сделала? Может, кто-нибудь хватится, пойдет искать, а я присвоила ... Чтобы эти копейки не грызли мою совесть, заплатила ими за пищеторговские марки на почте» (она же курьер, посылала письма). Ещё отрывок:

(ч.1с.120) «Утром ходила в баню, но помыться не пришлось: в обоих отделениях мылись солдаты.

Шла немытая домой и размышляла о жизни. Вспомнила, как вчера опять нагубила папе. Ну, почему я такая? Ужасно невыдержанная! Чуть что, сразу же взорвусь, как бочка с порохом. Думаю, что главная причина в том, что я считаю себя хуже всех, не верю в себя, в свои силы. Слишком часто от меня отмахивались. Вероятно, поэтому у меня нет чувства собственного достоинства. Если бы оно у меня было, я не стала бы кричать на людей. У меня совсем расхлябались нервы. Я слишком глупая. Печально, но факт. К тому же я эгоистка. Мама всё ещё надеется сделать из меня человека. Мне её становится жалко, когда я думаю, что она зря старается. Меня уже поздно переделывать.»

Зиночка очень любила музыку, иногда бывала на концертах. Разучивала с подругами песни, вместе пели, обычно не обращая внимания не автора слов и композитора.

Но бывало и так: «22 сентября с Катюхой разучили песню «Люблю тебя», музыка Терентьева. Очень мелодичная, только у нас пока плохо получается».

«25 сентября. Поучила уроки. Отвлеклась, чтобы послушать I часть сонаты Бетховена».

«9 октября. По радио слушала концерт итальянского певца Доменико Модуньо. Понравилось. Талант у человека!».

«18 декабря (с. 137). Сегодня, когда пишу, передают «Лунную сонату» Бетховена. Она мне очень нравится. Столько мыслей и чувства нагоняет, что трудно с ними бороться».

Хочу заметить, что началом нашей дружбы с Зинаидой Степановной (смею надеяться, что она была очень плодотворной и для меня, и для Зиночки), стала наша встреча в Юношеской библиотеке, как она тогда называлась, расположена на проспекте Строителей.

Встреча состоялась в начале или в середине 80-х годов. Зинаида Степановна пришла туда, прочитав объявление о мероприятии, а меня пригласили рассказать о К. Батюшкове и его родовом имении Хантаново, доставшемся от матери ему и сестрам. Как уже говорилось, отец Зиночки был родом из этой деревни. Зинаида Степановна заинтересовалась тем, что услышала. Мы стали встречаться. Она написала исследование о хантановском купце Вдовине, нашла фотографии. Все материалы по этой теме Зинаида Степановна подарила Мяксинской школе.

В своем дневнике Зиночка упоминает многих жителей Хантанова, и тех, кто приезжал к ним домой на ул. Дзержинского, и тех, с кем встречалась в самой деревне. Это были Тамара Попова, Дина Кружкова, Рита Тулякова, Ида Белоусова, тетя Вера Овсянникова, тетя Нюра Попова, тетя Катя Лыкова, Валя Лапина, Зина и Нина Кукушкина, Люда Попова, Борька Кружков. Особенно нравилась ей Ида Белоусова, о ней она не раз вспоминает на страницах дневника.

Позже, в 80-е годы, совместно с Н.В. Фоминых (Кукушкиной), З.С. Леляновой (Лыковой) и детьми из кружка «В мире поэзии», который я вела во Дворце пионеров, занялись сбором в дер. Хантаново народных преданий, траринных песен, частушек, пословиц и поговорок. Нам очень помогли хантановские бабушки: Анна Александровна Киселева, Таисия Васильевна Белова, Таисия Алексеевна Беляева.

Весь этот обширный материал Зинаида Степановна напечатала, сначала на пишущей машинке (а печатать она научилась на работе, в конторе, будучи курьером. Еще в те далекие времена, когда писала свой дневник). Вот так удивительно в жизни все сходится, переплетается и продолжает жить.

В третьей части дневника основное место занимает рассказ об учёбе в Ленинграде, в Лесотехнической Академии. О новых подружках, об увлечении классической музыкой, походах на концерты в филармонию, консерваторию, драматические театры Ленинграда. Лето проводит в Череповце, по-прежнему каждый день купается, увлекается прыжками с парашютом, на зимних каникулах – моржеванием.

Об авторе дневника.

З.С. Леянова.
Фото О. Деминой

Зинаида Степановна постоянно стремилась к знаниям, особенно трепетно относилась к русскому языку и литературе. У неё дома было много словарей, справочников, часто звонила мне, вместе обсуждали, как написать то или иное слово, иногда обижалась. В одной из своих книг в мой адрес написала: «Благодарю за строгую критику».

Была очень отзывчивым и бесконечно добрым человеком. Она часто ездила к одинокой пожилой писательнице Пантюшиной Валентине Павловне в Кадуй. Всеми силами старалась ей помочь. Когда Валентина Павловна стала плохо видеть, возила её в Вологду, где ей сделали операцию на глаза. Позже, после смерти Валентины Павловны, организовала в Рубцовском центре встречу с её племянником, Сергеем Александровичем Пантюшиным.

Проводя очень большую работу в Рубцовском центре, Зинаида Степановна много писала сама. К сожалению, писать свои книги ей иногда приходилось по ночам.

В этот последний период жизни Зинаида Степановна пережила смерть горячо любимого мужа, Сергея Петровича, гибель дочери Леночки.

Всё это сказалось на её здоровье. Она по-прежнему ходила на заседания нашего клуба, по своей инициативе бралась за многое: нашла свидетелей выступления Н. М. Рубцова на Судоремонтном заводе в Череповце. Организовала встречу с ними у нас в Доме знаний. Собрала богатый материал: фотографии, воспоминания череповчан, встречавшихся с поэтом в разные годы, издала, сделав собственноручно, великолепную книгу-альбом «Путешествие по череповецким адресам поэта Н.М. Рубцова». Пересмотрела все подшивки череповецких газет напечатанных с 1962 – 1971г. в поисках стихов Н. Рубцова.

О своей тяжелой болезни она никому, кроме самых близких подруг, не рассказывала. И, по-моему, почти до конца верила, что поправится.

Завершая свою последнюю книгу «Бразильская сказка», Зинаида Степановна пишет, обращаясь к своей дочери Маше: «... Вспоминаю о поездке и снова ловлю себя на том, что и на душе у меня спокойно, и трепета никакого нет от сознания, что мы летали в Бразилию.

Конечно, понимаю, что тебе стоила эта поездка.

Понимаю и то, какой я получила жизненный урок.

Изо всех сил буду стараться, чтобы этот полет в Бразилию стал воистину «полетом к выздоровлению»...».

17 марта 2014 года. Череповец.

Зинаида Степановна скончалась 31 августа 2014 года.

О.Б. Жук,
главный архивист отдела ААТиИД МКАУ «ЧЦХД»

Личный фонд Федотова Павла Дмитриевича – общественного корреспондента, учителя, краеведа.

В 2014 году к нам в муниципальное казенное архивное учреждение «Череповецкий центр хранения документации» поступили документы личного происхождения Федотова Павла Дмитриевича от его дочери Любомирской Лидии Павловны. Архивистами центра эти документы были упорядочены и сформирован личный фонд Федотова Павла Дмитриевича (фонд №Р-2439).

Мы решили познакомить Вас с этим фондом, потому что документы, которые создал, собрал и сохранил Федотов Павел Дмитриевич, являются ценным источником информации по истории нашего края.

Павел Дмитриевич Федотов был активным малечкинским общественным корреспондентом, учителем и краеведом.

Павел Федотов в
десятилетнем возрасте

Родился он в 1906 году в деревне Калинское Дементьевской волости (сейчас территория Малечкинского сельсовета). Здесь прошло его детство.

С 1931 по 1941 годы Павел Дмитриевич работал учителем и заведующим в Дементьевской начальной школе.

В годы Великой Отечественной войны он защищал Родину от немецких захватчиков на Волховском фронте. Был тяжело ранен, с предписанием «Годеи для работы в стационарных учреждениях тыла» Павел Дмитриевич вернулся домой и назначен начальником Яргомижского допризывного пункта.

После Великой Отечественной войны с 1946 года по 1959 год он работал заведующим Дементьевской начальной школы.

В 1960 году Павел Дмитриевич вышел на пенсию. У него появилось ещё больше времени, чтобы исследовать историю родного края.

Павел Дмитриевич посещал библиотеки, архивы, занимался историческим краеведением и топонимикой, изучал старославянский и финно-угорские языки, переводил документы писцового делопроизводства.

Многие краеведческие статьи Павла Дмитриевича публиковались в газетах «Коммунист», «Сельская Новь».

В 2000 году Павла Дмитриевича не стало, но остались его документы и наработки по разным темам.

В составе личного фонда Федотова Павла Дмитриевича есть фотокопии Белоозерских писцовых книг за 1626-1627, 1646 годы.

Павел Дмитриевич заказывал их платно в Центральном государственном архиве древних актов города Москвы.

В составе фонда есть выписки из ревизских сказок, церковных росписей, переписных книг церковью Череповецкого района за конец XVIII – начало XIX веков.

Например, Павел Дмитриевич, исследуя в архивах метрические книги церковью Нелазской волости, в 1967 году составил таблицу **«Список обществ и селений по Нелазской волости за 1874 год»**. В этой таблице он подробно указал наименования обществ, селения, владельцев, количество хозяйств: «Общество 1-го Борисоглебского в селе Борисоглебское имело 14 хозяйств, тоже общество в деревне Понфилка имело 8 хозяйств, владельцами были временно-обязанные госпожи Заблоцкой»¹.

В фонде имеются рукописи статей Федотова по истории Череповецкого края, материалы по топонимике Вологодской области и Череповецкого района.

Например, к 200-летию Череповца Павел Дмитриевич написал статью **«Наш край в далеком прошлом»**. В материалах к этой статье Павел Дмитриевич рассуждал: «Откуда и когда пришли люди в наш край? Как свидетельствуют археологические материалы древнее население Белоозера, пришедшее с верховьев Волги и Оки в культурном и этническом отношении было близко к населению Верхнего Поволжья: марийцам, мордве, удмуртам, а также племенам мери и муроме ...»².

Павел Дмитриевич писал: «О древних народах нашего края сообщают и русские летописи: наш край именуется в древних грамотах Белоозером в VIII-IX веках нашей эры был заселен фино-угорским племенем Вель»³.

Рассуждая о языковой принадлежности древних племён, Павел Дмитриевич исследовал дославянские языковые топонимические материалы: « В наших краях, в местах проживания древних народов и народов племени Вель остались и сохранились до наших дней много неславянских местных географических названий – топонимов. Если обратиться к дославянским топонимам нашего края, то мы узнаем, что часть из них находит своё отражение в языке современного народа **коми**.

Например, **Улома** (сырая земля), **Сизьма** (дятлова земля), **Матурино** (земля журавля), **Мусора** (земля болота), **Суда** (высота), **Кадуй** (болото).

Другая часть до славянских топонимов находят своё отражение в языке современных народов **вепсов и финнов**: **Мякса** (холм, холмистость), **Ерга** (дремучий лес, чащоба), **Шайма**(болото с мелким лесом), **Ирдоматка** (улица на пути, деревня на пути)»⁴.

Исследуя историю название реки Шексна в своей работе «Откуда пошло название реки Шексна» Павел Дмитриевич писал: «река Шексна на своем пути имела 22 порога, 25 гряд, 4 переката. Извилисто-порожистый путь реки Шексны для прохода лодок и речных судов был труден и опасен, за что она у славян и получила своё прозвание **«шествоие косное»**, было образовано сложное слово название реки **«Шексна»** в состав которого из существительного **«шествоие»**

¹ Фонд №Р-2439, оп. 1, д. 66, л.3-6

² Фонд №Р-2439, оп. 1, д. 12, лл.6

³ Фонд №Р-2439, оп. 1, д. 12, лл.6

⁴ Фонд №Р-2439, оп. 1, д. 12, лл.6-7

вошла корневая основа слова «шес-» в значении «**путь реки**», «**русло реки**»; от прилагательного «**косная**», вошла старославянская безгласная форма слова «**ксна**» в значении «**извилисто – порожистая**».

Впоследствии от исходной старославянской формы «**Шесксна**» в славянском языке была образована такая форма названия, как «**Шексна**», в значении «**извилисто-порожистый путь**»⁵.

Особый интерес в фонде представляют «**Записи воспоминаний о прошлом нашего края**», собранные Павлом Дмитриевичем по рассказам жителей Череповецкого района: « Грамотных людей в деревнях нашего края не было до 1875 года» - рассуждает Федотов - «Все исторические события о прошлом передавались из поколения в поколение устно. Любители старины, обладавшие хорошей памятью и даром устной речи, запоминали рассказы о прошлом нашего края от своих бабушек и передавали их своим потомкам. И так некоторые легенды, сказания и предания «старинны глубокой» дошли до нас»⁶.

Одно из преданий, рассказанных жителями - «**Мостовая дорога**»:

«К северу от города Череповца по правую и левую сторону древнего Кирилло–Белозерского тракта земли принадлежали раньше Череповецкому Воскресенскому монастырю. В 10 верстах от монастыря к северу у Кирилло-Белозерского тракта стояло монастырское подворье, на этом подворье монастырские власти держали крупный и мелкий рогатый скот. За скотом ухаживали и пасли его «крестьяне – служаки» монастыря. Скот из подворья приходилось гонять для выпаса за болото к реке Ягорбе. Все сенокосные угодья находились тоже за болотом, по берегам Ягорбы. Для пользования пастбищем и покосами монастырские власти заставляли крестьян делать дорогу. Крестьяне из сосновых бревен в болоте выстлали дорогу шириной около 5-ти сажень (примерно 10,5 м), бревна наложили друг к другу вплотную и сделали эту дорогу как мост, за что и стала она называться «мостовой». Шла эта дорога от самого Тоншаловского подворья через болото до берегов реки Ягорбы»⁷.

Другая легенда «**Тонь шалая**»: «К востоку от деревни Калининское за древним Кирилло-Белозерском трактом находится болото под названием Тоньшаловское. В середине этого болота, ближе к реке Ягорбе, было водное окно озерко и довольно глубокое. Это водное окно – озерко имело когда – то топкие берега с плавающим на воде мхом и называлось оно за это «плавью». По преданию в этом окне – озерке немало погибло неосторожных людей и скота, за это озерко – плавь в народе и называли «тонь шалая», то есть непроходимая и злая. В 1971 году пришлось мне (*автор*) эту плавь исследовать – озерка уже не было, его затянуло мхом, мох окреп на всей «плавии» и ходить по ней теперь можно без всякой опаски»⁸.

Ещё одно интересное воспоминание «**О лодке с церковной утварью**»: «Крестьянин – портной из деревни Тоньшалово, Федор Филиппович Демичев рассказал предание – быть «о лодке с церковной утварью» спрятанной польскими панями или от польских панов кем-то из наших предков в смутные годы.

Лодка была спрятана в одной из заводей Черной речки, вытекающей из Тоньшаловского болота и впадающей в реку Ягорбу. Предание это Федор Филиппович слышал от крестьянки Шиловой Антонины, которая сама нашла эту лодку: «Шилова Антонина в 1858 году ходила на Тоньшаловское болото за ягодами. Собирала она ягоды у Черной речки на болоте и оступилась, провалилась в яму по пояс и ноги в яме нашли твердую опору. Когда Шилова

⁵ Фонд №Р-2439, оп. 1, д.45, л. 52

⁶ Фонд №Р-2439, оп. 1, д.4, л. 4

⁷ Фонд №Р-2439, оп. 1, д.4, лл. 5-6

⁸ Фонд №Р-2439, оп. 1, д.4, л. 5

пришла в себя, она почувствовала под ногами металлические предметы, достала она один из них, а это церковная чаша, посмотрела и положила обратно. Вышла из ямы, заметила это место и пошла домой. Дома рассказала об этой находке отцу Якову. На другой день пошли они с дочерью за «кладом». Яков спустился в яму и обнаружил лодку, а в лодке лежало разнообразная медная и серебряная церковная утварь. Яков достал все предметы церковной утвари из лодки и сосуд с монетами старой чеканки.

Антонина рассказала, что её отец, Яков, церковную утварь продал разным лицам в городе Череповце, а монеты старинной чеканки снес в Стефановскую церковь, но поп эти деньги не взял, сказал, что они «еретические» и выгнал Якова из церкви.

Кому достались эта церковная утварь и «еретические» монеты, найденные в лодке на Черной речке, установить не удалось⁹.

Кроме того, Павел Дмитриевич занимался наблюдениями за природой и погодой нашего края. В фонде есть «Сведения по наблюдению за погодой и природой за 1968 – 1971 годы».

Он составлял дневник ежедневных наблюдений за природой по следующим параметрам: температура воздуха (утром, днём вечером и средняя), направление ветра, сила ветра, облачность, осадки, в графе «другие наблюдения» указывал интересные природные явления.

Благодаря этому дневнику мы можем увидеть, какая была погода, например, **7 ноября: в 1969 году:** «температура воздуха: -8 С⁰; ветер юго-западный; в лесу, в поле снег, лежит ровной пеленой толщиной 10-12 см»¹⁰;

в 1970 году: «температура воздуха: -12 С⁰; ветер северо-восточный, днём слабый снег»¹¹; **в 1971 году:** температура воздуха: -5 С⁰; ветер юго-восточный, ночью на талую землю выпал снег толщиной 5 см»¹².

В составе фонда есть две книги, которые были изданы уже после смерти Павла Дмитриевича его дочерью Лидией Павловной Любомирской.

В книге «Дворянские гнезда. Неизвестные архивы» опубликованы материалы по истории нашего края, собранные Павлом Дмитриевичем.

Например, рассказ об усадьбе Гальских в сельце Алексеево (сейчас Малечкино). Кроме того представлены сведения о закрытии Дементьевской церкви, Парфёновского монастыря, Турховских церквей.

В книге «Воспоминания» собраны рассказы о жителях деревни Калининское, их традициях, укладе жизни, праздниках и гуляниях.

Таким образом, личный фонд Федотова Павла Дмитриевича являются важным источником информации. Его статьи и материалы по истории и топонимике Вологодской области и Череповецкого района будут интересны для исследователей.

Более подробно с документами фонда можно познакомиться в читальном зале МКАУ «ЧЦХД».

⁹ Фонд №Р-2439, оп. 1, д.4, л. 16-18.

¹⁰ Фонд №Р-2439, оп. 1, д.71, лл.25-26

¹¹ Фонд №Р-2439, оп. 1, д.71, лл.55-56

¹² Фонд №Р-2439, оп. 1, д.71, лл.84-85

Обществ и селеніи по Нелазской волости, составленному в 1874 году		Список		Наименования в 1874 году	
№	Общества	Селения	Общества	Селения	Владельцы
1.	1 ^{го} Борниозовского	село Борниозовское	село Борниозовское	Вренино-абдулла	Вренино-абдулла
2.	—	—	дер. Борниозовка	Имъ Заблужков	Имъ Заблужков
3.	2 ^{го} Борниозовского	село Борниозовское	село Борниозовское	Савтвенники, Гавише Имъ Бузюкова	Савтвенники, Гавише Имъ Бузюкова
4.	3 ^{го} Борниозовского	село Борниозовское	село Борниозовское	Савтвенники, Гавише Имъ Смирнова	Савтвенники, Гавише Имъ Смирнова
5.	1 ^{го} Содронского	дер. Содронь	дер. Содронь	Вренино-абдулла Имъ Заблужков	Вренино-абдулла Имъ Заблужков
6.	2 ^{го} Содронского	дер. Содронь	дер. Содронь	Савтвенники, Гавише Имъ Врениозова	Савтвенники, Гавише Имъ Врениозова
7.	1 ^{го} Атауровского	дер. Атауровь	дер. Атауровь	Вренино-абдулла Имъ Заблужков	Вренино-абдулла Имъ Заблужков
8.	2 ^{го} Атауровского	дер. Атауровь	дер. Атауровь	Савтвенники, Гавише Смирнова	Савтвенники, Гавише Смирнова
9.	Малашевское	дер. Малашево	дер. Малашево	—	—
10.	1 ^{го} Батинского	дер. Батинь	дер. Батинь	Савтвенники, Гавише Врениозова	Савтвенники, Гавише Врениозова
11.	—	—	ч. д. Красный Бор	—	того же
12.	—	—	ч. д. Березов	—	того же

Список обществ и селений по Нелазской волости №Р-2439, оп.1, д.66, л.6

1.306

имеется при этом же лексиконе, и
записан в летописи, что и весьма ро-
кашная дробь.

Образование названий реки Шексна
каждо полагать чрезвычайно труд-
но существительного "шесть" от
его основы ше - , вошла в древне-
славянские диалекты
говорящих восточной части ше - , восточ-

Староини
называют
по своему
- Шексна

Шексна
Шексна

земли "пути реки"; - слово косная
в родовом числении косная, от
которого происходит краткая древ-
неславянская диалектная форма
иногда прилагательного "ксна", в
значении "увлажненная, поросшая"
Из древнего существительного "шесть" в
древне-славянском языке являлись
образуются названия реки за
се древнеславянскими основами
косты, как "шестьная" и "шестьная"
от которого и было образовано в

Река Шексна фонд №P-2439, оп.1, д.45, л.52

-7-

"Тонь шалая"

5

К востоку от деревни Каленкине
за деревней Кирилл-Благодерским трак-
том находится болото под названием
Юкшановское. В середине этого бо-
лота, ближе к реке Уроте, было вер-
ное окно-озерко и довольно глубокое.
Это верное окно-озерко именовалось когда-
то тонкие ведета с плавающей киво-
де шхом и называлось оно за это "плавью".
Во времена в этом окне-озерке немало
потонуло кресторотенных людей и скота,
за это озерко-плавью в народе и называют
"тонь шалая", т. е. непроходимая и
злая. А болото, в котором находилось
это озерко-плавью стали называть в
последствии "Юкшановское болото"
(от слов тонь и шалая)

На этом болоте еще в 1928 году
и поныне было верное окно-озерко, по-
роемое высокой оокой, шом кати-
ван по шотаме происходить, ходить

О лодке с церковной утварью.

Хрестьянкин - портной, из деревни Бокшаново, Федор Филиппович (Демисов, рождение 1880 года, судящего мне размеры предание - Боты "о лодке с церковной утварью" спрятанной помещиками "панашами" или от польских панов кем то из каших предков в семнадцатом году (1670-1675), когда в конце края пришли польские захватчики.

Лодка с церковной утварью была спрятана в озере из забвения Церкви реки, вытекающей из Бокшановского озера из озера-плавки и впадает в реку Урагу.

Предание о лодке с церковной ут-

Список обществ и селений по Немзской волости, составленному в 1874 году.

№	Наименование			Количество хозяйств		
	п/п	Общества	Селения		Владельцы	
1	1-го	Борисоглебского	с. Борисоглебское	Временно-обязанные	14	1-14
2	1-го	Борисоглебского	дер. Пофилка	г ^м Заблоцкой	8	15-22
3	2-го	Борисоглебского	с. Борисоглебское	Собственники, бывшие г ^м Бузинова	8	23-30
4	3-го	Борисоглебское	с. Борисоглебское	Собственники, бывшие г ^м Смирнова	14	31-44
5	1-го	Софоновского	д. Софоново	Временно – обязанные г ^м Заблоцкой	12	45-56
6	2-го	Софоновского	д. Софоново	Собственники, бывшие г ^м Дермогтова	14	57-70
7	1-е	Астафьевское	д. Астафьево	Временно-обязанные г ^м Заблоцкой	12	71-82
8	2-е	Астафьевское	д. Астафьево	Собственники, бывшие Смирнова	12	83-94
9		Малашевское	д. Малашево	Собственники, бывшие Смирнова	14	95-108
10		1-ое Патинское	д. Паттино	Собственники, бывшие г ^м Дермогтова	18	109-126
11		1-ое Патинское	д. Паттино	Собственники, бывшие г ^м Дермогтова	2	127-128
12		1-ое Патинское	д. Перевоз	Собственники, бывшие г ^м Дермогтова	2	129-130
13		2-ое Патинское	д. Паттино	Временно-обязанные г ^м Заблоцкой	10	131-140
14		Панфиловское	д. Панфилка	Собственники, бывшие г ^м Дермогтова	8	141-158
15		Теребенское	д. Теребенъ	Собственники, бывшие г ^м Цербагтовой	14	159-172
16		Перевозское	д. Перевоз	Временно-обязанные г ^м Заблоцкой	5	173-177
17		Перевозское	д. Кирпичей	Временно-обязанные г ^м Заблоцкой	3	178-180
18		Овсянниковское	д. Овсянково	Временно-обязанные Путягловой	-	181-
19		Овсянниковское	д. Перевоз	Временно-обязанные Путягловой	-	-
20		Владимирское	д. Владимирова	Собственники, бывшие Смирновой	-	-
21		Михайловское	с. Михайловское	Собственники, бывшие Кругликова	-	-
22		Крутецкое	д. Крутец	Собственники, бывшие Кругликова	-	-
23		Крутецкое	Государственные крестьяне	без означенных обществ	-	-

С.А. Дмитриев,
коллекционер, музыкант,
автор-исполнитель бардовской песни

Ирина Александровна Пятницкая (Из цикла «Окружение Н. Рубцова»).

Для исследователей жизни и творчества Николая Рубцова, а также для почитателей его, всегда будет интересен круг общения поэта. Хочу надеяться, что данная публикация существенно расширит наши знания по этой теме.

И.А. Пятницкая, по выражению Виктора Астафьева «работница и заботница вологодского музея», фигура ключевая для вологодской культуры, изначально, была интересна мне, как человек, друживший с Поэтом, но по мере работы над её биографией, я испытывал всё большее восхищение этой уникальной личностью, которое хочу передать в этой работе.

Родилась наша героиня в Свердловске 14 сентября 1925 года в семье декана факультета журналистики Уральского университета Александра Николаевича Пятницкого. Нужно сказать, что ей пришлось разделить со своим поколением все испытания, тяготы и лишения. Арест отца и матери, затем гибель их, сиротство (с десяти лет её воспитывала бабушка - Беляевская Софья Гвидоновна), война. Бабушке (низкий поклон ей за это) удалось воспитать человека цельного, гармоничного, всегда устремлённого на выполнение высокой задачи и не боящегося трудностей.

Окончив с отличием факультет журналистики Уральского университета, Пятницкая работает по профессии. Как-то раз, приехав с мужем Василием Тимофеевичем Невзоровым на его родину в Вологду, походив по тихим вологодским улочкам, заглянув в местный музей, она вдруг сказала ему: «Это мой город! Я бы здесь хотела остаться...

-Не пожалеешь? - спросил он.

-Ты знаешь, я не привыкла легко смотреть на жизнь».

Вскоре супруги с тремя детьми, оставив благоустроенную квартиру в Киеве, переселились в Вологду, в маленький родительский домик. Это был 1961 год. С той поры Ирина Александровна всегда считала себя вологжанкой.

В январе 1962 года Пятницкая поступила на работу в Вологодский областной краеведческий музей. В течение семи лет возглавляла отдел истории досоветского прошлого. Столь необычное перепрофилирование из журналистики в очень сложную сферу искусствоведения и музейного экспозиционирования прошло для Ирины Александровны достаточно легко. Для этого были свои причины: страсть к чтению, познанию и самообразованию – одна из главенствующих при этом, да и культурная среда Вологды очень помогала. Перечислю целое созвездие имён, сверкавших в то время на вологодском небосклоне – выдающийся художник – реставратор Николай Иванович Федышин,

художники Джанна Тутунджан, Николай Баскаков, В. Корбаков; писатели В. Белов, А. Романов, В. Коротаев, позже Н. Рубцов, О. Фокина, В. Астафьев; часто бывавшие на родине, знаменитые столичные литераторы А. Яшин, С. Орлов, В. Тендряков, К. Коничев. Кстати, не один из именитых гостей, посетивших Вологду, не миновал общения с Ириной Александровной - это музыканты Э. Гилельс и С. Рихтер, писатели К. Симонов и С. Михалков, космонавты, учёные и многие-многие другие. Все они были покорены обаянием и профессиональными качествами этой замечательной вологжанки. Юрий Нагибин записывает в свой дневник 2-го августа 1977 года:

«По музею нас водила жена завсектором печати обкома партии Ирина Александровна Пятницкая, пятидесятилетняя очень привлекательная женщина, с крепкой стройной фигурой, тёмными глазами и тёмным грустным ртом, с хорошей речью, с какой-то монастырской тайной в непрозрачной и, видимо, страстной душе. Интересно и непривычно говорила об иконах и древнерусском искусстве».

Известнейший искусствовед и реставратор Савва Ямщиков:

«Ирина Александровна – чудесная русская женщина, поражающая своей бесконечной скромностью и трепетной заботой о культуре вологодской земли. Красота спасёт мир, сказал как-то Достоевский. Ирина Александровна – тот самый спаситель, без таких людей я не представляю себе нашей работы».

Нет возможности привести все отзывы и благодарности в адрес И. А. Пятницкой, но, напоследок, процитирую следующую записку:

«Глубокоуважаемая Ирина Александровна! Спасибо Вам большое за прекрасные объяснения по выставке Н. И. Федышина и по Прилуцкому монастырю. Я и все мои сотрудники в восторге от Вологды, от музеев, от поездки, от таких людей, как Вы, Н. И. Федышин, А.А. Рыбаков и другие. Искренне Ваш Д. Лихачев. 21.5.-78».

И снова вернёмся к биографической канве. Так совпало, что в 1962 году в Вологду для исследования фонда древнерусской живописи, приезжает один из самых крупных знатоков русской иконы ленинградский художник-реставратор Николай Васильевич Перцев. Для Ирины Александровны это была знаковая встреча, которая, нужно считать, предопределила её дальнейшую судьбу и к которой она духовно была готова. Она учится у Мастера «читать» икону, параллельно изучая всю известную на то время литературу по иконописи. Естественно, в её пламенной душе не могла не зародиться идея создания нового отдела, и в 1965 году появляется «первая ласточка» - выставка «Древнерусская живопись», расположившаяся, пока, в одном зале с обиходным названием «иконный зал».

В 1970 году, благодаря, прежде всего, стараниям Ирины Александровны, в трёх залах Экономского корпуса музея, а в 1972 году уже в шести залах открывается постоянная экспозиция «Древнерусская живопись, скульптура и прикладное искусство 14-18 вв.». Сложно переоценить историческое и культурное значение деятельности И. А. Пятницкой по созданию данного отдела, ставшего важнейшим центром по научному изучению и пропаганде искусства земли Вологодской. Ведь она была идейным вдохновителем, автором тематико-экспозиционного плана, руководителем и участником строительства и просто душой этого проекта.

Для Вологодского музея Ирина Александровна во многом была первопроходцем:

- впервые вологжане увидели столь значительное собрание скульптуры и икон;
- впервые показана выставка мелкой пластики;

➤ впервые, как это не парадоксально для Вологды звучит, выставка вологодского кружева. Кружево это особая любовь Пятницкой и кружевницы, чувствуя в ней одарённого знатока своего дела, отвечают ей любовью и доверием, часто приглашая к себе для совета: «Иринушка, посмотри, что мы задумали. Хорошо ли будет?».

Интересен тот факт, что инициатива по возрождению древнего, но угасшего промысла вологодских росписей принадлежит тоже Ирине Александровне, с её посыла начала работу народная художественная студия «Вологодские росписи».

Когда я работал в архиве ВГИАХМЗ с «Фондом И.А. Пятницкой», встречался с её учениками, друзьями и последователями, был поражен широчайшим диапазоном научных интересов Ирины Александровны. Это, кроме вышеупомянутых икон, скульптуры, мелкой пластики и кружева - жемчужное шитьё, вологодский народный костюм, шемогодская резьба, северные прялки, русские самовары, русское серебро, фарфор, ткани, золотное шитьё.

Неоценимой нужно назвать издательскую и просветительскую деятельность И. А. Пятницкой. Она является автором и составителем каталогов, буклетов, научных публикаций, выступлений в печати и по радио, лектором, прочитавшим около 300 лекций.

Все, знавшие Ирину Александровну, отмечают в ней ещё один значительный дар, раскрывшийся к началу 1970-х, – особая, ни с чем не сравнимая манера проведения экскурсий. Они были не только интересны с научной точки зрения, серьёзны и информативны, но всегда артистичны и даже музыкальны. Вот что пишет Г. Бутусова в газете «Красный Север» от 11.08.1981 года:

«А если ваш экскурсовод, каким сегодня является И. А. Пятницкая, может и за прялку сесть, и спеть старинную песню, - впечатление неизгладимое».

Здесь мы видим удивительно глубокое проникновение в жизнь эпохи. Её, как музейщика, интересовал не только конкретный экспонат, но и люди, события, быт рядом с ним и вокруг него. Людмила Славолубова отмечает:

«...она спускалась в такие глубины и времён и свободной мысли, что близость «медитации» не однажды – и не одной мне! – приходила в голову.

...Минувшее время было открыто для Пятницкой. Она называла древние имена, не погасшие для неё, - и являла их нам живыми, страдающими людьми».

Известность Пятницкой далеко перешагнула границы Вологодской области. О её экскурсиях говорили благодарно и с восхищением, долго вспоминая их. Некоторые, отправляясь в путь, так и говорили: «Еду в Вологду – на Ирину Пятницкую».

В экспозиционной работе Ирину Александровну настолько увлекал и занимал процесс подготовки, что достижение результата, в тот момент, казалось вторичным, хотя ясно – этому было подчинено всё. Очень большое внимание уделялось деталям, вроде бы второстепенным, но придающим свой неповторимый окрас основным предметам показа: если это прялки, то обязательны крестьянские половики, если вологодский народный костюм, то спутниками являются те же прялки, короба, сундуки и другие традиционные атрибуты деревенского обихода. Тонко понимая роль каждого артефакта на выставке, она прививала такое же отношение своим ученикам и коллегам. Мне рассказывали её ученицы, как во время работы над одной из выставок, пришлось сделать перетяжку обивки стульев по просьбе Ирины Александровны, и это была не простая блажь руководителя – экспозиция показала, насколько была великолепна дизайнерская идея. И так во всей её деятельности. Понятно, что достигался успех трудом дружного коллектива, следует вспомнить художников

Леонида Яблокова и Александра Смирнова и других коллег, но объединяла и зажигала идеями всегда Ирина Александровна.

Пятницкая подготовила целую плеяду достойных учениц – Ольга Козодёрова, Наталья Кряжева, Наталья Золотова, Людмила Харлапенкова, Ангелина Глебова, Алла Анишина, Нина Чистякова (и да простят меня те, которых я не упомянул в этом списке). Видели бы вы глаза этих женщин при упоминании в разговоре имени их наставницы, глаза, которые увлажнились слезами благодарности. Одно из поздравлений от учениц и коллег украшала такая фраза (удивительная по точности и правдивости фраза): «Прекрасной в деяниях своих!». Поверьте, это не дежурное словосочетание, это нужно заслужить подвижническим отношением к делу, чистотой душевной, любовью, порядочностью.

Нельзя обойти вниманием важнейший элемент работы Ирины Александровны по возвращению в первоначальный вид главного храма Вологды – Софийского собора.

За сравнительно короткий срок с 1962 по 1978 год бригадой реставраторов под руководством Н. В. Перцева и А. А. Рыбакова проведена гигантская работа по комплексной реставрации интерьера собора. Добавлю маленькую деталь – наконец-то, после многолетнего молчания зазвучала звонница Софии, чей звон позднее провожал в последний путь ту, что вернула голоса колоколам.

Пятницкая дала жизнь 13-ти выставкам и семи постоянным экспозициям – удачным, признанным, любимым посетителями. Но успокоиться на достигнутом было не в её характере. Мечта о создании большой экспозиции, отражающей все направления, жанры и стили в древнерусском и народном искусстве Вологодчины не давала ей покоя. Тем более, под размещение экспонатов были предложены новые помещения площадью около 1000 кв. метров, правда, совершенно не подходящие для использования. Начинается грандиозная работа над проектом и 29-го июня 1979 года в музее состоялась блестящая защита его. После утверждения в Министерстве культуры Ирина Александровна разрабатывает тематико-экспозиционный план и приступает к строительству. Она успела открыть лишь три зала из одиннадцати задуманных. В 1980 году по состоянию здоровья Пятницкая выходит на пенсию, оставляя созданный ею отдел. Казалось бы, можно спокойно отдыхать, но это не для неё. Как пишет Л. Я. Калачева: «В фондах она занимается описанием коллекции тканей и золотного шитья. Она загорается идеей показать в экспозиции золотное шитьё во всём его многообразии, представленном в фондах Вологодского музея. Отбирает, атрибутирует памятники для будущей выставки, составляет план-указатель их размещения...» и только смерть, последовавшая в 1989 году, не дала завершить эту работу.

Она была мужественным человеком, оставаясь такой до конца. Не тяжелейшая болезнь, не инфаркт мужа незадолго до её ухода из жизни, не смогли подорвать и сломить силу её духа, хотя сложно представить, насколько невероятно трудными были эти испытания. А ещё, прежде всего, она относилась к той редкой сегодня категории людей несущих свет и добро, которыми щедро, не задумываясь, делилась с окружающими. Такой и останется в памяти людской. Очень характерна зарисовка Джанны Таджатовны Тутунджан:

«Это обаятельная женщина! Встречая её, всегда невольно улыбаешься. Я не могу определить точно, в чём сила её обаяния. Наверное, в совокупности отношения к любимому делу с удивительной, чуткой этикой восприятия жизни вообще.

Сама она, весь её облик, всё, что она делает, полно ощущения значимости и важности каждого дня на земле, каждого события, связанного с выражением народного духа».

Приятно сознавать, что столь насыщенная, многогранная и успешная деятельность Пятницкой была замечена и отблагодарена при её жизни. Прежде всего, это любовь тех, кто, так или иначе, общался с ней, да и официальное признание не прошло мимо. В 1973 году родные и близкие поздравляли её с присвоением почётного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». Высокая оценка работы была многократно освещена на страницах журналов и газет, на радио и по телевидению.

На фото (справа налево): И.А. Пятницкая, поэт Н. Рубцов, В.Т. Невзоров (муж И.А.) и поэт А. Романов.

Как уже упоминалось, жизнь подарила Ирине Александровне Пятницкой встречи со многими великими личностями, и всё же дружба с Николаем Рубцовым заслуживает особого внимания. Поэт часто бывал у неё в доме, иногда вместе с близкими друзьями А. Яшиным, В. Астафьевым, В. Беловым, а чаще один, причём в любое время суток и в любом состоянии. Этот дом был для Николая Михайловича одним из немногих спасительных островков.

Несмотря на сравнительно небольшую разницу в возрасте, Ирина Александровна относилась к нему по матерински и гибель Рубцова воспринималась ею почти как материнская утрата.

Источники:

Список работ И. А. Пятницкой:

- 1) «Исторические корни и эволюция орнамента шемогодской резьбы». В книге «Народное декоративно-прикладное искусство Русского Севера (тезисы докладов)». Л. 1965.
- 2) Петровский домик. Вологда. 1965.(3 издания).
- 3) Народное искусство (по материалам экспедиций). Вологда. 1966.
- 4) Северные прялки (соавтор). Вологда. 1969.
- 5) Древнерусская живопись. Новые открытия. Вологда. 1970.
- 6) Русские самовары (соавтор). Вологда. 1975.
- 7) Вологодское кружево Вологда. 1976.
- 8) Мелкая пластика (редактор). Вологда. 1976.
- 9) Живопись вологодских земель 14-18 вв. (соавтор). Москва. 1976.
- 10) Каталог к персональной выставке Н. И. Федышина (редактор). Вологда. 1977.
- 11) Вологодское кружево. Вологда. 1980.
- 12) Творчество художника-графика В. Н.Сигорского (соавтор). Вологда.1980.

Статьи в газете «Красный север»:

- 1) Рук народных дива дивные (выставка крестьянских ремёсел). 11.11.1966.
- 2) За красотой в Вологду. 28.08.1970.
- 3) Рождённый в деревенской избе (вологодский народный костюм). 15.07.1978.
- 4) Краса жемчужная (о шитье жемчугом). 03.12.1980.

Об И. А. Пятницкой:

- 1) Савелий Ямщиков. Новая экспозиция Вологодского музея. «Вологодский комсомолец». 04.06.1972.

- 2) Выставка «Деревянное зодчество Вологодской земли». «Красный Север». Март 1974.
- 3) Л. Горюв (К. Файнберг). «Просто праздник». «Красный Север». Ноябрь. 1974.
- 4) Д. Тутунджан. «Сднём рождения». «Красный Север». 14.09.1975.
- 5) 1-ая научно-практическая конференция «Пути развития вологодского кружева». «Красный Север». 25.01.1977.
- 6) Юрий Нагибин. Дневники от 02.08.1977 года.
- 7) Юрий Нагибин. «Охраняется законом». «Литературная Россия». 23.09.1977.
- 8) Письмо академика Д. С. Лихачёва от 21.05.1978. Архив ВГИАХМ. «Фонд И.А. Пятницкой».
- 9) Н. Мельников. «Любить свой край». Журнал «Огонёк». №45.1978.
- 10) Н. Тарасенкова. «За вологодской стариной». Журнал «Новый мир». №4 1978.
- 11) Л. Славолюбова. «Красный Север». 02.09.1979.
- 12) С. В. Ямщиков. «Не за тридевять земель». «Советская Россия». 03.06.1980.
- 13) Г. Бутусова. «Вологодские росписи». «Красный Север». 11.08.1981.
- 14) Л. Славолюбова. «Вологодские письма». «Красный Север». 09.09.1983.
- 15) Некролог. «Красный Север». 23.07.1989.
- 16) А. Пиралов. «Пароход на реке Сухоне». «Российская газета». 30.07.1992.
- 17) Л. Я Калачёва. «Ирина Александровна Пятницкая (1925-1989гг.)». «Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры Северной Руси, посвящённые памяти художника-реставратора Николая Васильевича Перцева». Архангельск. 1992. (стр. 189-194).
- 18) Н. Тарасенкова. «Ворожба Пятницкой». «Красный Север». 15.09.1995.
- 19) Н. Рубцов. Собрание сочинений в 3-х томах под ред. В. Д. Зинченко. Т. 2 (стр. 226, 291). Москва «Терра». 2000.
- 20) Л. Г. Ячеистова. Женщины земли Вологодской. Вологда. 2004. (стр. 113-115, с портретом).
- 21) Вологодская энциклопедия. Вологда. 2006. (стр. 396).
- 22) Культура Вологды 20 века. История. Лица. События.
- 23) Вологодские затеси Виктора Астафьева. Материалы к творческой биографии писателя (под ред. С.А. Тихомирова). Вологда. «Книжное наследие». 2007. (Стр. 611, 721-22. 816).
- 24) Журнал «Вологодский лад». №8. 2007. (стр. 183-191).

И.В. Эпанаев,
педагог высшей категории МБОУ ДО
«Центр детского творчества и методического обеспечения»,
член Вологодского союза писателей-краеведов

История журнала «Нахалёнок» (1998-2010 гг.). Глазами заместителя редактора (1998-2005 гг.)

Журнал сатирический, скандальный - о нём знали практически все. Ведь раньше он продавался везде, была и подписка. Зам. редактора платили зарплату (пусть и небольшую), авторам давали гонорар, хоть и символический (можно было взять его экземплярами журнала). Это сейчас поэты публикуются за деньги (в основном). В 1997 году у меня были трудные времена. Преподаватель и заместитель редактора - это была моя первая постоянная работа, благодаря Валентину Ивановичу Данилову. Что я зам. редактора - я узнал из самого издания! В 1997 г. «Нахалёнок» был небольшой газетой, в январе 1998 г. стал журналом, сначала череповецким сатирическим, выходил большим форматом один раз в месяц. Всего вышло 130 номеров! Конечно, я бы не стал сейчас публиковать такие вещи, да и писать вообще не стал. Но 1998 год и молодость сделали своё дело!

Таким образом, 1998 году я начал с творческой работы зам. редактора журнала и педагога. Сейчас работаю также уже 17-й год, только в другом месте. С 1999 года «Нахалёнок» стал областным развлекательным журналом, далее, благодаря тому, что я публиковался по стране в юмористических изданиях (не бесплатно, кстати) в «Нахалёнке» стали публиковать юмористы из разных городов России. Уделялось место неформальной жизни Череповца, рок-концертам («Прыжок выше головы» и другие). В журнале публиковались участники движения Союз друзей Слона Джамбо (Тимур Таренович и другие). Появлялись авторы и обнажёнными (некоторые девушки (пожелавшие остаться инкогнито), а также Вадим Элефантов, Гроза Психиатров), была опубликована фотка писающего Кичкарёва. В общем до 2003 года прикалывались как могли! А Валентин Данилов остро высмеивал правительство.

В стране происходил полный абсурд, а мы отрывались в творчестве. Запомнились строчки Альберта Гохова в журнале: «Не пойду на лекцию, а пойду к врачу! У меня эрекция - трахаться хочу...». Также был опубликован реально найденный на помойке дневник одного малолетки, который описывает свои сексуальных похождения. Хотя мат был убран - это было что-то с чем-то. Такова действительность. Только не ищите эти страницы здесь - я не успел просмотреть все номера и отсканировать (но как-нибудь сделаю это)! А их было 130 (номеров журнала) с 1998 по 2010 год! Чего стоили названия прямо на обложке журнала, например: «Череповецкие онанисты трое суток насильовали в подвале Усаму Бен Ладана». Нас не расстреляли тогда. Но некоторые люди ненавидели журнал и устраивали акты его сожжения. Были проблемы и с надзором по печати (но это было уже без меня). Журнал раздавался на многолюдных рок-концертах (входил в стоимость билета) - его читали - про него долго ещё спрашивали, когда я уже не был в редакции. Но журнал дал большой опыт работы с авторами, приходило много откликов (всяких), писем из разных городов. Авторов было несколько сотен. Начинаящим поэтам, даже пишущим не очень, я старался помочь: опубликовав

один достойный стих из десятков, две строки из сотни. Также в журнале публиковались хорошие серьезные стихи, мы открывали новые имена. Я познакомился со всеми известными литераторами города и области (не всеми), благодаря работе журнала. Журнал выходил четко по графику, поступал в библиотеки. Это была серьезная работа, официальная, есть запись в трудовой книжке. Это не как сейчас в неких литературных журналах, когда смогли (по финансам) или захотели, тогда и вышли.

С 2003 года журнал утратил название иронический, стал просто областной журнал. Далее он был областной информационно-публицистический (2005 г.), международный (2009 г.) и далее электронное переодическое издание. Т.е. утратил свою сатирическую суть. Но неформальные материалы ещё публиковались.

Ещё в 2002 года в редакции появился новый человек: А.Н. Барута - редактор интернет- сайта, в 2004 году его место занял Павел Покровский, тогда появился и ответственный секретарь серьезный поэт Михаил Ганичев. Зачем столько людей, я не знаю? В журнале стали публиковаться серьезные стихи, и рассказы, патриотические материалы коммунистической направленности (ничего не имею против - но суть издания потерялась). Иногда проходили и «наши» материалы.

В середине 2005 года я уволился из редакции по причине перехода на другую работу.

Ушёл и Михаил Ганичев. Возможно, мы стали не нужны, потому что журнал стал делать Павел Покровский, полностью макетировать. Возможно, я не прав (это моё личное мнение) но журнал утратил свою популярность, по крайней мере, в печатном виде, в интернете его читали. В 2006 году поменялся и главный художник журнала: вместо Валерия Пивоварова им стала Елена Данилова. В 2010 году Павел Покровский стал главным и выпускающим редактором - это последний год издания журнала. Затем скончался учредитель, автор идеи, редактор, поэт, прозаик, сатирик, журналист и педагог Данилов Валентин Иванович. Последние журналы и книги В. Данилова можно найти в «Книжной лавке» на Советском, 30б, как и последние номера издания. Авторы журнала «Нахалёнок» вы могли увидеть на нашей встрече в библиотеке № 6, посвящённой литературным изданиям Череповца «Нахалёнок» и «Северная Украина» 17 января 2015 года.

А.Е. Савина,
студентка 4 курса ГИ ЧГУ

Научный руководитель:
Н.П. Тихомирова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры отечественной филологии
и прикладных коммуникаций ГИ ЧГУ

Жанровые и лингвистические особенности «Жития Филиппа Ирапского».

В музеях Вологодской области хранятся тексты, которые дают богатый материал для краеведения. Одним из таких памятников является «Житие Филиппа Ирапского». Считается, что данная рукопись была создана в 16 – начале 17вв.

В Житие Филиппа Ирапского описывается его жизнь с самого детства и до преставления. По одной из классификаций, оно может быть отнесено к житиям «последователей» и, в частности, к типу «подвижничества» [6]. Герои житий данного типа учили людей примером собственной жизни.

Композиция жития Филиппа Ирапского состоит из трех обязательных частей. Первая часть – инициальная, предназначена для нахождения контакта с адресатом. В тексте «ЖФИ» мы находим следующие формулы, характерные для этой части: автопрезентация написавшего текст жития, мотив написания жития: *«Житие и подвиги преподобного отца нашего Филиппа, что есть в области Белого озера... было писано благоискусным монахом Германом».*

Во второй части идет повествование об отшельнической жизни Филиппа. В этой части описано его удаление в пустынь, основание монастыря, его подвиги и благочестивая смерть. В начале этой, основной части повествуется о том, что Филипп поселился *«близобители преподобного отца Корнелия»*, через три года Корнелий постриг отрока в иночество с именем Филипп. Постоянно используется формула, подчеркивающая святость юноши: *«питался именем Господа нашего Иисуса Христа»*, *«пребывал Филипп в великомвоздержании и трудах, и подвигах, и в посте, и в молитве»*. Кроткий, смиренный и трудолюбивый, он был удостоен священнического сана и через некоторое время удалился в Белозерскую округу, где близ реки Ирапа поставил часовню и соорудил келию. В этой части жития мы встречаем еще один традиционный элемент – противостояние святого и власти. Князь Иоанн Васильевич был против поселения Филиппа: *«адоукнемоуїизгонюего ѿмѣстатогw»* (поеду к нему и изгоню его от места того). Князь погиб в пути, когда его конь внезапно понес и сбросил князя. После описания этого события рассказывается о жизни Филиппа, даются его поучения. Особенностью «ЖФИ» является то, что большая часть текста представляет собой не событийный ряд, а дословную передачу поучений Филиппа разным христианам. Они оформлены как вставные новеллы, имеют свое заглавие, например, *«Святого Филиппа поучение и повесть душе полезна зело»*.

Третья часть является заключительной. И в ней повествуется уже о посмертных чудесах святого, они представлены в виде цепочки из 9 новелл.

Следует отметить некоторые особенности Жития Филиппа Ирапского. Так, одной из отличительных его черт является указание на имя автора – Германа. Это монах, который жил и молился вместе со святым до дня его преставления, до 14 ноября 7046 (1537) года. Обычно же в житиях имя автора не указано. Поучения и молитвы в тексте играют бо́льшую роль, чем события. К тому же отсутствует ряд стандартных формул, а именно формула, в которой автор просит прощения за свое неумение писать, формула рождения святого от благочестивых родителей, говорится лишь, что они *быша хрстіанесоуціи*. Д.С. Лихачев писал, что одной из особенностей житийной литературы является ее абстрагированность [5]. Одна из ее составляющих – опущение географических названий. Между тем в «ЖФИ» довольно много конкретных названий местности, где разворачивается действие. Это снижает абстрагированность и привязывает текст к конкретной историко-географической ситуации. Например, читаем: « *В лето благочестивыя державы государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и белыя России самодержца Беле езерского уезда Надпорожскаго стану Андожския волости от Никольскаго села на низе по реке Андоге два поприща стоит церковь святыя и живоначалныя Троицы в Красном борумеждумяИрапы*».

В конце XVI – начале XVII вв. усиливается интерес к человеку, к психологии, к эмоциональной сфере, что привело к возникновению в литературе нового стиля - «экспрессивно-эмоционального» (по терминологии Д.С. Лихачева). Наиболее отчетливо этот стиль проявился в жанре жития, так как именно этот жанр имел все возможности для раскрытия внутренней жизни человека. Первые проявления нового стиля связаны с именем болгарина Киприана, наибольшую распространенность он получил в творчестве Епифания Премудрого и Пахомия Логофета. В житиях, написанных Епифанием Премудрым, проявилась особая стилистика украшения, похвалы святому, которая получила название «плетение словес». А.И. Горшков определяет этот стиль как «всячески изукрашенную, цветистую, пышную, риторическую манеру выражения» [2].

В «Житие Филиппа Ирапского» можно обнаружить черты этого стиля:

1. Употребление неологизмов, напоминающих греческие сложные слова, сложных имен существительных и прилагательных:

*хр҃толюбивыхъ, многоподвижна, многомѣтливо,
оусосѣдоблюстителѧ, сосѣдохранитель, рѣкоположеніе, сребролюбїѧ,
живоначалныѧ, ницелюбїе, прѣбство, бл҃гочестивыѧ, славословіе,
любоствѧжанїе, смиренномѣдрствовати, злопомнителѧ, жестосерди.*

2. Обилие тропов и фигур: символов, метафор, сравнений:

«о́нъже бла́женный о́трок а́ки зе́мля безводная жела́а росѣ́
бла́годатнѣ́ ѿгдѣ́ своегѣ́...» (он же, блаженный отрок, как земля
безводная желает росы благодатной от господина своего) (л. 172), «...
прѣйма́а о́ученіе́ а́ки водѣ́ ѿисто́чника те́кущаго, вели́ка жа́жды
дше́вныа и́тѣлесныа напо́лемѣ́ и́сполнае́тъ сосу́дъ
боже́ственнаго ми́ра полнѣ́...» (принимая учение как воду от источника
текущего, утоляющую душевную и телесную жажду, наполняет сосуд
божественного мира) (л. 172), «тако́ви и́зчезнѣ́тъ, а́ки пра́хъ
забеззако́нїе́ свое́» (л. 186), «и́звѣ́къ и́зхо́дѣць а́ки на́рати ѿво́ингъ
(л. 187), «ви́дѣхъ нечестива́го превозно́сѣща́а и́высѣ́ща́а ја́ко
ке́дри ли́ванскїа́» (видел нечестивого превозносящегося как кедровые
ливанские) (л. 204), «слы́шавъже́ бѣ́съ ѿста́го ја́ко ѿгнемъ́
па́лемъ и́зчезе́» (услышав, бес исчез, словно в огне сожженный) (л.
193), «роу́цѣ́ же́ сво́ свѣ́тѣ́ща́а а́ки свѣ́щи о́гненнѣ́» (светящиеся его
руки, как свечи огненные) (л. 198).

3. Нанизывание однородных членов предложения:

«и́пробы́стьже́ филиппъ́ ввели́цѣ́ возде́ржанїи́ и́трудо́дѣхъ́
и́подвизѣ́хъ́ впо́стѣ́ и́вмѣ́твѣ́ и́вколѣ́нномъ́ пре́клоненїи́ пре́быва́а»
(и пребывал Филипп в великом воздержании и трудах, и подвигах, в
посте и молитве, и в коленном преклонении) (л. 174), «... мола́са
вели́комѣ́ вопро́роцѣ́хъ́ іо́аннѣ́ прѣ́тчи и́крѣ́тителю́ гдѣ́ню и́всѣ́мъ́
сѣ́тымъ́, апѣ́ломъ́ и́мѣ́нникомъ́...» (молился великому пророку Иоанну
предтечи и крестителю господнему и всем святым, апостолам и
мученикам) (л. 184).

4. Употребление однокоренных, сходно звучащих лексических единиц:

«е́динственно́ е́диномѣ́ пре́бывати́» (л. 186), «твора́ціи́ ми
зла́а зло́бы» (л. 188), «о́умири́ ми́ръ восми́ренїи́» (л. 183, 206),
«терпа́ потерпѣ́хъ́» (л. 206), «... наю́жнѣ́ю стра́нѣ́ свѣ́тѣ́ сїа́ющѣ́
ја́ко́ зарнѣ́ пресвѣ́тлыи́ свѣ́тло свѣ́тѣ́ща́а».

Остановимся на последнем примере. Ключевым здесь является слово *свѣтъ*. Широко представлены в этом отрывке однокоренные слова в разных

вариациях (варьирование на словообразовательном уровне). Но в синтаксическую структуру вплетаются и ассоциативно связанные слова «*сїающѣ*» и «*зарѣ*», что создает единый зрительный образ. «Как известно, свет - один из символов в конфессиональной литературе: евангельская метафора свет (о новом учении) и светильник (о распространяющих это новое учение апостолах)» [1].

5. Использование синонимов, образующих иногда длинную цепочку слов, характеризующих объект описания:

«оустраити вобрегоу келенѣцѣ малѣ, сирѣчь вертепецѣ малѣ»

(устраивать на берегу маленькую келейцу, а именно маленький вертепец (потаенное место)) (л. 179), «*вида єгѡ многое терпѣнїе*

кротость и смиренїе» (видев его сильное терпение и кротость, и смирение) (л. 189), «*младѣ соуцѣ изѣло юнѣ ѿрокѣ*» (молодому и очень юному отроку) (л. 169),

дїаволѣ - лѣкавинѣ - бѣсѣ - сатана - зверь - врагѣ - змїа - сила вражїа.

6. Отмечая то, что возникновение стиля «плетение словес» обусловлено вторым южнославянским влиянием, Б. А. Ларин также называет среди особенностей этого стиля употребление значительного числа старославянизмов [3].

В житие можно отметить фонетические старославянизмы:

- 1) слова с начальными **и, а, е**: *аки, единаго, еже, езере, елико, юнѣ* ;
- 2) с неполногласными сочетаниями(**ра, ре, ла**):*время, прелагаема, храм, насладимся., главы, власы, древо, по берегу, серебра*;
- 3) с начальным **ра-**: *работа, раждаютъ*;
- 4) **-жд-** и **-щ-** на месте праславянских сочетаний **-dj-** и **-tj-** : *такожде, повеждѣ, троуждайся, чюжди, обхождаше.*

7. Б. А. Ларин указывает и на богатство текстов житийной литературы сложно-сочиненными и сложноподчиненными предложениями. Что касается сочинительной связи в «ЖФИ», то, действительно, союз И встречается в нем очень часто. При этом он может не только связывать однородные члены предложения и части сложного, но и стоять в начале предложения. В большинстве случаев этот союз повторяющийся. Такие конструкции языковедами называются «конструкциями нанизывания». Это объединения простых предложений, которые еще не являются сложным предложением, но уже не представляют собой сочетание независимых предложений. «Например,

«нвидѣвша братїа

подвиги итрѣды єгѡ. изѣльномѣ єгѡ подвизанїю, иначаша молити

прѣбнаго корниля» (и видели братья подвиги и труды его, и сильное стремление, и начали молить преподобного Корнилия) (л. 174), *«любимъ бѣ всей братїи, иъзя егѡ прѣбнын ѿсладѣбы том, иоувѣща имола егѡ»* (и любим был всей братии, и взял его преподобный от той службы, и увещевая и моля его) (л. 171). Подчинительные связи интересны разнообразием средств связи (союзов и союзных слов): *что, коегѡ, которыа, яко, акн, како, пакн, токмо, елико, дабы, юже, еже, убо, кон, аще, ѿкъдѣ, гдѣ* и др.

Подчинительные связи интересны разнообразием средств связи (союзами и союзными словами): *что, коего, яко, аки, како, паки, токмо, елико, дабы, юже, еже, убо и т.д.* При этом большая часть союзов старославянские по происхождению.

Словарный состав, синтаксический строй, словообразовательные модели, художественно-образительные средства - все было подчинено одной идее: созданию высокого стиля, которым можно было повествовать о вере, о героических подвигах. Этим и обусловлено такое стилистическое оформление «Жития Филиппа Ирапского».

Литература:

1. Аверина С. А. К жанрово-стилистической характеристике севернорусской агиографии (на материале севернорусских житий XVI в. // Историческая стилистика русского языка. — Петрозаводск, 1990. - С. 68.
2. Горшков А.И.. История русского литературного языка. - М., 1969. - С. 106.
3. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X - середина XVIII в.в.). - М., 1975. — С.248.
4. Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова 11 – 17 вв. – Минск, 2001.
5. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. - Л., 1971. – С.123-136.
6. Минеева С.В. Истоки и традиции русского агиографического жанра // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. - 2000. №1.- С.25.
7. Житие и подвиги преподобного отца нашего Филиппа Ирапского // Сборник агиографический ХУШ в. – Архив ЧерМО, 280/29. – Л. 169-224.

М.С. Богданова,
студентка 4 курса ГИ ЧГУ

Научный руководитель:
Н.П. Тихомирова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры отечественной филологии
и прикладных коммуникаций ГИ ЧГУ

«Сказки и песни Белозерского края» Б. и Ю. Соколовых как лингвистический источник

Язык русского фольклора достаточно давно стал объектом пристального внимания ученых. Со временем сформировалась особая область знаний – лингвофольклористика. Появление ее было подготовлено трудами таких ученых, как А.А. Потебня, А.Н. Веселовский, П.Г. Богатырев, А.П. Евгеньева, И.А. Оссовецкий и др. В настоящее время проблемой языка устного народного творчества занимается широкий круг ученых, сложилось несколько центров лингвофольклористики (г. Воронеж, г. Курск, г. Петрозаводск). В результате выявлены и описаны многие явления, составляющие специфику языка фольклора, в частности: отражение диалектных особенностей в языке фольклора (О.И. Богославская, И.А. Оссовецкий, С.П. Праведников), рассмотрены некоторые лексико-тематические группы народно-поэтической лексики и типы диалектизмов (И.С. Климас, Т.Ю. Борисова), части речи (Т.П. Кабатчикова), начата работа по составлению словарей языка фольклора (М.А. Бабунова)

Но по-прежнему одной из важных и неоднозначных проблем остается проблема взаимоотношения языка фольклора и диалекта. Следует отметить две противоположные точки зрения в дискуссии о соотношении языка фольклора и диалекта. Сторонники первой считают, что язык фольклора – функционально-стилевая разновидность диалекта. Фольклор, по мнению этих исследователей, нельзя отрывать от говора, так как носителем и создателем устного народного творчества являются живые люди. Диалект же в свою очередь формируется в фольклорной среде, так как «живой язык», на котором жители того или иного края говорят не задумываясь, как они говорят, формирует базу для образования диалектных особенностей. Так, А.П. Евгеньева пишет: «Язык устной поэзии – это живой язык для творцов и носителей ее, а не пришедший извне или «спустившийся сверху» и механически усвоенный и усвояемый. Диалектные черты в нем – не внешняя, позднейшая оболочка, а органически неотъемлемая сторона устного произведения, пронизывающая все его стороны» [Евгеньева 1963: 339]. Другие утверждают, что язык фольклора носит наддиалектный характер: «Многие произведения фольклора отличаются по языку от обычной разговорной речи, высокий стиль, реализованный в фольклоре, в известном отношении богаче и шире разговорной речи. Можно думать, что фольклор данной местности – это не только художественная форма данного диалекта, а нечто более широкое и сложное» [Оссовецкий 1958: 173]. И в то же время в более поздних своих работах тот же автор отмечает, что «...в языке разных жанров отражаются говоры разных местностей, обладающие иногда значительным фондом диалектных различий

разных уровней как между собой, так и между тем или иным говором и литературным языком» [Оссовецкий 1975: 67].

При изучении того или иного диалекта могут быть использованы не только живые говоры, но и письменные источники. К числу таких источников относится сборник братьев Б. и Ю. Соколовых «Песни и сказки Белозерского края». Анализируемые тексты записаны в Белозерском крае, диалекты которого в настоящее время характеризуются как белозерско-бежецкая группа говоров северного наречия. Сборник относится к числу самых известных фольклорных собраний. Содержащийся в нем фольклорно-этнографический материал является источником истории русского языка, его диалектов, а также быта и культуры северного крестьянина.

Борис Матвеевич и Юрий Матвеевич Соколовы, братья-близнецы, родились 7/19 апреля 1889 г. в Нежине. К научной работе они приступили будучи студентами Московского Университета. Их сборник «Сказки и песни Белозерского края» - результат двух фольклорных экспедиций в Новгородскую губернию. Летом 1908 г. после окончания второго курса университета Соколовы отправились в Белозерский уезд. Их первым опорным пунктом стала деревня Терехова-Малахова Мишутинской волости. В первую экспедицию радиус обследуемой территории не превышал 15 километров.

При сборе материала Б. и Ю. Соколовым пришлось столкнуться с рядом трудностей: недоверчивость крестьян, отсутствие опыта общения с простыми людьми. Несмотря на трудности, братья получили удовольствие от поездки. До Соколовых экспедиции ставили перед собой узкие задачи: запись былин (А.Ф. Гильфердинг, А.Д. Григорьев, А.В. Марков); собирание песенно-музыкального фольклора (Ф.М. Истомин, Г.О. Дютш, С.М. Ляпунов, Е.Э. Линева); фиксация сказочной традиции (Д.К. Зеленин). Б.М. и Ю.М. Соколовых не останавливались на определенном исследуемом жанре, компенсируя недостаток материала в одном жанре обилием - в другом.

В первую экспедицию собиратели записали 65 сказок, ряд исторических песен, описание свадебного обряда, песенную лирику и т.д. Летом 1909 г. Б.М. и Ю.М. Соколовы направились в Кирилловский уезд Новгородской губернии. Во вторую экспедицию обследуемый ареал расширили: с юга на север прошли 200 км., затронув 21 населенный пункт. Были записаны такие былинные сюжеты, как «Добрыня Никитич и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», «Дунай-сват», «Михаил Данилович», а также баллады «Василий и Софья», «Мать князя Михаила губит его жену», «Роман губит свою жену», ряд исторических песен. Существенно пополнилось и представление о сказочной традиции здешнего края. Были сделаны также записи свадебного обряда, песенного фольклора, заговоров, пословиц и т.д.

Сборник «Сказок» может быть рассмотрен не только, как источник фольклорной и лингвистической традиции, но и как материал для изучения быта населения того времени в Белозерском крае. Так, в книге мы находим и краткий очерк местного говора, список селений, в которых были произведены записи, словарь местных и малопонятных слов. Имеются в сборнике и путевые заметки собирателей, и этнографический очерк края. В самих же сказках встречаются слова, называющие предметы быта (*зобенька*), орудия труда (*чекмарь*), одежду (*кошуля*), реалии растительного мира (*ситька*), названия игр (*цыба*), демонологических персонажей (*полуверницы*) и т.д.

Замечательно то, что в собранных братьями произведениях сохранены диалектные особенности говора, на котором говорили местные крестьяне. В «Сказках» нашли отражение различные черты белозерского говора. К таким, например, относятся фонетические особенности: «цоканье»: «мужицёк, цёрт и

попы», «иван-дурацёк», «церти», «цезез», «сицясь». Встречаются морфологические особенности: сохранение древней формы личного местоимения *она* в винительном падеже единственного числа: «Гришка выташшыл латку и обделали Ю», т.е. её («Золотое яичко»); «вот, брат, какая тяжелая свинья! Положим ю!» («ВорЯшка-менная пряжка»); формы личных кратких (энклитических) местоимений 1-го и 2-го лица: *тя* (у *тя*), *ти* («загрию самовар *ти*»); формы с так называемой «йотацией» - ён, ёна, йина, ёно, в ём. Среди синтаксических особенностей обращает на себя внимание употребление деепричастия в роли сказуемого: «Вошовши Иванушка в дом, старик любезно стретил его («Иванушка купеческий сын и старичок»). Также встречаются безлично-предикативные обороты, отсутствующие в литературном языке: «у ниф было оженилось» = они поженились, «у нас нанятость» = они нанялись, «разве у нево женянось» = разве они поженились, «у нево уехано» = он уехал.

Рассмотрим особенности лексики сборника, так как именно она дает наиболее полное представление о жизни населения, характеризует быт крестьянина данного края. В этнографическом очерке и в текстах встречается большое количество слов, называющих предметы одежды. Авторы очень коротко определяют значения слов, и чтобы понять, что же представляет собой тот или иной предмет, мы обращались к данным современных белозерских говоров, используя материалы картотеки «Словаря западных говоров Вологодской области», материалы диалектных словарей.

Авторы описывают различные виды мужской одежды. Весной и осенью, например, мужики носили *пониток* – «одежду из домотканины, с борами и черными обшивками по бортам» (с.28). Слово известно в белозерских говорах и сейчас: «пониток- мужская рабочая одежда. *Выт.*» (СРГК, 5, с.72). Зимой носили *кошули* – «овчинные тулупы» (с.28). Современные говоры позволяют уточнить значение этого слова и расширить знание о предмете: «кошуля – шуба, покрытая сукном или бархатом. Кошули носили богатые люди. *Бел.* У нас только у Ивана одного и была кошуля *Кирил.*» (СРГК, 3, с.6).

Интересны названия женских головных уборов. В тексте «Сказок...» встречаются названия *повойник* (или *колпак*) – «головной убор замужней женщины». «Повойник – шапочка така со шнурком, на резинке, чтобы по головы было, волосы подобрать надь, девки неносили, только замужние женщины. *Кирил.* Наши бабушки носили повойники с позументом в долонь шириной *Кирил.*» (СРГК, 4, 595). Авторы отмечают, что «с повойником женщина не расстается даже во время сна» (с.28). Еще одно название головного убора – *сборник*. Сборником называли «головной убор из ситца в виде шапочки с завязками сзади, предназначенный для замужней женщины. Сборники раньше носили. Как девушка вышла замуж, так на следующий день одевает сборник: трёсточка зашивается со стороны, получается шапочка, с ситцу шили. *Выт.*» (СРГК, 5, 644). По замечанию, авторов «Сказок» это «более новый убор, меньший размером, чем повойник и закрывает лишь затылок» (с.28).

Разными были головные уборы невест в Белозерском крае. В ряде мест это была «красная кра́сота», представляющая собой расшитую золотом или парчевую широкую ленту. Она передавалась из рода в род. Прощанье с «красотой» - самая красивая часть обряда. Память об этом обряде и сейчас сохраняется в крае: «На девишник невеста одевает красоту, а на свадьбу головодец. *Бел.*» (СРГК, 3, 14). В других местах невесты надевали «корону», напоминающую кокошник, сзади прикреплялась парчевая лента – *лопаска* (с.30). В Кирилловском районе это слово известно и сейчас: «Короны были вся в серебре корона и взади, как хвост висит, короны были украшены, сияет вся. *Кирил.*» (СРГК, 2, 433).

Достаточно активна в текстах «Сказок...» тематическая группа «Названия пищи».

В большинстве случаев представлены различные названия кушаний, изготовленных из муки. Герои сказок едят *калитки*, *преснушки*, *тоболки*. Эти слова и сейчас продолжают жить в Белозерье.

В Вытегорском районе *калитка* – «небольшой открытый пирог, приготовленный из пресного ржаного теста с разной начинкой, защипанной по краям: В темном тесте калитки делаем, а в белом дак ватрушки. Ватрушки из кислого теста, а калитки из пресного. *Выт.*» (картотека СЗГВО). В Бабаевском районе калитками называют ватрушки с разной начинкой: «Калитки пекли из ржаной муки и белой, ватрушки такие, кто с чем сможет, и с творогом, и с ягодами». Также сейчас мы можем встретить имя «калитка» в говорах Кирилловского и Шекснинского районов: «А по праздникам калитки делали в печи. *Кирил.*», «калитки это у них, у нас это ватрушками называют. *Шексн.*». В словаре В.И. Даля данное наименование описывается таким образом: «калитовка, калитка четырехугольная ватрушка, шаньга, наливашник, лепешка с кашей и сметаной или творогом» (Даль, 2, 695)

Еще одно название мучного изделия, которое встречаем в сборнике «Сказок...», - *преснушка* (закрытый пирог с кашей). В Череповецком районе так называют сочень круглой формы из ржаной муки, края которого защипывали, с начинкой. В Чагодощенском районе также бытует это название: «Быстрее всего пряснухи. Взял муки, молоко, ну или воды даже, только раскатил и в печку. Оне и недолго готовы *Чаг.*» (картотека СЗГВО).

Находим в текстах сказок Белозерского края и такое название пирога, как *тоболка*. Это разновидность пирога с кашей. В словаре В.И. Даля: - «тоболец, тоболка – сума, сумка, котомка, калита» (Даль, 4, 408). Следовательно, можно предположить сходство формы пирога с формой сумки. В Кирилловском и Белозерском районах также встречается такое название кушанья: «И тоболки на молоке часто бывали. *Кирил.*», «Седни, робята, тоболки-то я напекла с голубицей. *Бел.* ».

Из общих названий хлеба присутствует слово *коровай*. Замечательно, что рассказчик осознает общенародное название и диалектное: «Ему и дали целый хлеб (по-нашему коровай)» («Ондрон несчастный»). Слово это и сейчас активно в белозерских говорах: «А без каравая что за обед. *Вашк.*». «Каравай» в регионе имел и обрядовое значение, был непременно «участником» свадебного обряда: «Вот напечен каравай, дома пекли такие круглые, как решето все равно што, пожалуй, што больше, то лучше, а сверху делают ямочку, да в ямочку ставят солонку там небольшую какую. Накладут соли, и потом встречают молодых. *Вашк.*». В связи с этим интересно происхождение слова. В этимологическом словаре М. Фасмера читаем: «Коровай – свадебный пирог, подаваемый жениху и невесте. Вероятно, откорова, которое в русском диалекте имеет также значение «невеста»; этот дар должен быть волшебным средством, чтобы вызвать плодовитость, подобно тому, как бык символизировал жениха» (Фасмер, 2, 332).

Кроме кушаний из муки в текстах встречаем и другие названия пищи. Привлекает внимание слово, обозначающее общее название пищи - *идера* / *едера* (Ѓдера) – «пицца, кушанье». Словарь В.И. Даля дает разнообразные названия еды по говорам – едины, едомо, ежа, ело, в том числе едера, ества для вологодских говоров (Даль, 4, 660). Слово интересно тем, что во время диалектологических экспедиций в районы Белозерья оно не записано.

Сейчас в Шекснинском районе можно встретить слово *рыбник*, означающее закрытый пирог с рыбой (палтусом, треской, зубаткой) из пшеничной муки. *Рыбник* или *рыбница* в «Сказках» – «соленая, плохо оищенная, нередко тухлая, рыба,

запеченная в тонком пласте ржанного теста». При этом голова и хвост рыбы высовываются наружу.

Итак, на основе небольшого проведенного исследования можно сделать вывод о том, что фольклор и диалект находятся в тесной и непосредственной связи друг с другом. Фольклорные материалы отражают тот говор, который характерен для местности, в которой они записаны. Следует отметить ценность для науки сборника «Сказки и песни Белозерского края» братьев Б. и Ю. Соколовых.

Список сокращений и условных обозначений

Бел. – Белозерский район Кирил. – Кирилловский район
Вашк. – Вашкинский район Чаг. – Чагодощенский район
Выт. – Вытегорский район Шексн. – Шекснинский район
Картотека СЗГВО – картотека «Словаря западных говоров Вологодской области»

Литература

1. Богославская О.Н. Язык фольклора и диалект. Пермь, 1985
2. Ганцовская Н.С. Фольклорные произведения как источник изучения островных говоров. // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1996. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. - С.110-114.
4. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 348 с.
5. Оссовецкий И.А. Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958. – С.172-190.
6. Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. - №5. – 1975. – С.66-67.

Словари

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: «Русский язык», 1978.
2. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд: в 6 вып. -1994-2005.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – М., 1964-1973.

Источник

Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.

Содержание

Книга Н.Д. Чечулина «Русская провинция во второй половине XVIII века» как источник по истории Череповца. Риммер Э.П.	5
Новая книга о Николае Дмитриевиче Чечулине. Базлова В.А.	12
История одного портрета. (Портрет художника В.В. Верещагина работы графика В.В. Матэ). Першина А.Б.	16
«Старался жить и служить честно». (Философ Николаевич Орнатский). Галанин И.Р. (Науч. рук. Воронова С.Н.)	20
Письма из госпиталя. Зайцева Н.Н.	26
Поэтический мир Череповца в книге Ольги Вальковой «В доме Орнатских». Трубицына М.Ю.	30
Детство череповецкого школьника в начале 20 века (по воспоминаниям Есина Н.Ф.). Жиганов Р. (Науч. рук. Мануйлова О.М.)	36
Из истории ул. Социалистической (Благовещенской): по воспоминаниям и другим источникам. Козлов А.А.	40
Повседневная жизнь череповчан во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. (по воспоминаниям Н.И.Новиковой). Новиков А.Е.	53
«Инструктор Манин работает по-стахановски»: карьера советского управленца 1930-х-1950-х гг. Красавина Е.В.	61
Череповец 50-х годов в воспоминаниях Каютиной А.А. Волкова С. (Науч. рук. Мануйлова О.М.)	68
Страницы из дневника З.С. Леляновой «Всё станет прошлым» (записки юной череповчанки 1962 – 68 годы). Деревягина Н.Л.	73

Личный фонд Федотова Павла Дмитриевича – общественного корреспондента, учителя, краеведа. Жук О.Б. ,	78
Ирина Александровна Пятницкая (Из цикла «Окружение Н. Рубцова»). Дмитриев С.А.	89
История журнала «Нахалёнок» (1998-2010 гг.). Глазами заместителя редактора (1998-2005 гг.) Эпанаев И.В.	95
Жанровые и лингвистические особенности «Жития Филиппа Ирапского». Савина А.Е. (Науч. рук. Тихомирова Н.П.)	97
«Сказки и песни Белозерского края» Б. и Ю. Соколовых как лингвистический источник. Богданова М.С. (Науч. рук. Тихомирова Н.П.)	102